

**ГРАЖДАНИН
ВЫБОРЫ
ВЛАСТЬ**

**CITIZEN
ELECTIONS
AUTHORITY**

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
SCIENTIFIC AND ANALYTICAL JOURNAL

**№ 1(35)
2025**

ЯНВАРЬ–МАРТ
JANUARY–MARCH

МОСКВА
MOSCOW

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ПАМФИЛОВА Элла Александровна,
Председатель Центральной избирательной
комиссии Российской Федерации
(председатель)

ВАСИЛЕВИЧ Григорий Алексеевич,
заведующий кафедрой конституционного права
Белорусского государственного университета,
член-корреспондент Национальной академии
Беларуси, доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Республики Беларусь
(Республика Беларусь)

ГАБОВ Андрей Владимирович, заместитель
председателя Экспертного совета по праву ВАК
при Министерстве науки и высшего образования
Российской Федерации, член-корреспондент
Российской академии наук, доктор юридических
наук, заслуженный юрист Российской Федерации

ГРОМЫКО Алексей Анатольевич,
директор Института Европы РАН,
член-корреспондент Российской академии наук,
доктор политических наук, профессор РАН

ЕНИКЕЕВ Шамиль Мидхатович, профессор
факультета мировой экономики и мировой
политики Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики»,
доктор политологии Оксфордского университета

ПРОРОК Владимир, доктор философии
Пражского университета имени
Яна Амоса Коменского (Чешская Республика)

Главный редактор Гасанов И. Б.

Журнал выходит 4 раза в год

Свидетельство: ПИ № ФС77-66246

ISSN 2587-6449

Подписной индекс
в каталоге «Пресса России» 85482

Учредитель: Центральная избирательная комиссия
Российской Федерации

Издатель: Российский центр обучения избирательным
технологиям при Центральной избирательной комиссии
Российской Федерации

Адрес редакции:

101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 47
Тел.: (495) 606-84-16
e-mail: gvv@rcoit.ru
<http://www.rcoit.ru/lib/gvv/>

© Центральная избирательная комиссия
Российской Федерации, 2024

EDITORIAL BOARD

PAMFILOVA Ella Aleksandrovna,
Chairman of the Central Election Commission
of the Russian Federation
(Chairman)

VASILEVICH Grigorii Alekseevich,
Head of Department of the Constitutional Law,
Belarusian State University, Associate Member
of the National Academy of Belarus,
Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer
of Belarus Republic
(Republic of Belarus)

GABOV Andrei Vladimirovich, Deputy Chairman
of the Expert Council on the Law of the Higher
Attestation Commission under the Ministry
of Science and Higher Education of the Russian
Federation, Associate Member of RAS, Doctor
of Law, Honored Lawyer of the Russian Federation

GROMYKO Aleksei Anatol'evich,
Director of the Institute of Europe of RAS,
Associate Member of RAS, Doctor of Political
Sciences, Professor of RAS

ENIKEEV Shamil' Midkhatovich, Professor
at the Faculty of World Economics and World
Politics of the National Research University
Higher School of Economics,
PhD (Pol.Sci.)

PROROK Vladimir, Doctor of Philosophy,
Jan Amos Komensky University Prague
(Czech Republic)

Editor-In-Chief I. B. Gasanov

Published 4 times per year

Certificate: ПИ No. ФС77-66246

ISSN 2587-6449

Subscription index
in the catalogue «Russian Press» 85482

Founder: Central Election Commission
of the Russian Federation

Publisher: Russian Centre for Training in Election
Technologies under Central Election Commission
of the Russian Federation

Editorial Office:

Myasnitskaya ulitsa, 47, 101000, Moscow
Tel.: (495) 606-84-16
e-mail: gvv@rcoit.ru
<http://www.rcoit.ru/lib/gvv/>

© Central Election Commission
of the Russian Federation, 2024

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ЭБЗЕЕВ Борис Сафарович, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации (председатель)

БАКУШЕВ Валерий Владимирович, заведующий кафедрой парламентаризма и межпарламентского сотрудничества отделения «Высшая школа правоведения» факультета государственного и муниципального управления Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор политических наук, профессор

БОРИСОВ Игорь Борисович, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, председатель совета Российского общественного института избирательного права (РОИИП), кандидат юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации

БРОДОВСКАЯ Елена Викторовна, директор Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга, профессор кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор политических наук

ВОЛКОВА Анна Владимировна, доцент кафедры политического управления Санкт-Петербургского государственного университета, председатель научной комиссии в области политических наук Санкт-Петербургского государственного университета, доктор политических наук, доцент

ВОЛОДЕНКОВ Сергей Владимирович, профессор кафедры государственной политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор политических наук, доцент

ВЫДРИН Игорь Вячеславович, доктор юридических наук, профессор

ГАСАНОВ Исмаил Байрамович, главный редактор журнала «Гражданин. Выборы. Власть», кандидат политических наук

КАБЫШЕВ Сергей Владимирович, председатель комитета Государственной Думы по науке и высшему образованию, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации

EDITORIAL BOARD

EBZEEV Boris Safarovich, member of the Central Election Commission of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Worker of science of the Russian Federation (Chairman)

BAKUSHEV Valery Vladimirovich, Head of Department of Parliamentarism and Inter-Parliamentary Collaboration, Institute of Public Administration and Civil Service of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPА), Doctor of Political Sciences, Professor

BORISOV Igor Borisovich, Member of Central Election Commission of the Russian Federation, Chairman of the Council of the Russian Public Institute of Electoral Law (ROIIP), Candidate of Law, Honored Lawyer of the Russian Federation

BRODOVSKAYA Elena Viktorovna, Director Institute of Humanitarian Technologies and Social Engineering, Professor of the Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Political Sciences

VOLKOVA Anna Vladimirovna, Associate Professor of the Department of Political Governance, Chairman of Scientific Commission in the Field of Political Sciences, Saint Petersburg State University, Doctor of Political Sciences, Associate Professor

VOLODENKOV Sergey Vladimirovich, Professor of the Department of State Policy of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Doctor of Political Sciences, Associate Professor

VYDRIN Igor Vyacheslavovich, Doctor of Law, Professor

GASANOV Ismail Bairamovich, Editor-In-Chief of the Journal «Citizen. Elections. Authority», Candidate of Political Sciences

KABYSHEV Sergey Vladimirovich, Chairman of the State Duma Committee on Science and Higher Education, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Candidate of Law, Associate Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

КОМАРОВА Валентина Викторовна, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

МАКАРЦЕВ Андрей Алексеевич, декан факультета государственного сектора Новосибирского государственного университета экономики и управления, кандидат юридических наук, доцент

ОСАВЕЛЮК Алексей Михайлович, профессор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

ПЕТРИЩЕВ Вячеслав Николаевич, ректор Международного независимого эколого-политологического университета, кандидат политических наук, доцент

ПОСТНИКОВ Александр Евгеньевич, заведующий отделом конституционного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

СЛАТИНОВ Владимир Борисович, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Курского государственного университета, доктор политических наук, доцент

УСМАНОВ Рафик Хамматович, профессор кафедры востоковедения и политических наук Астраханского государственного университета имени В.Н. Татищева, доктор политических наук, профессор

ЧЕРНЫШОВ Алексей Геннадьевич, доктор политических наук, профессор

KOMAROVA Valentina Viktorovna, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor

MAKARTSEV Andrey Alekseevich, Dean of the Faculty of Public Sector, Novosibirsk State University of Economics and Management, Candidate of Law, Associate Professor

OSAVELYUK Aleksei Mikhailovich, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor

PETRISHCHEV Vyacheslav Nikolayevich, Rector of the International Independent Ecological and Political University (MNEPU), Candidate of Political Sciences, Associate Professor

POSTNIKOV Aleksandr Evgen'evich, Head of the Department of Constitutional Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor

SLATINOV Vladimir Borisovich, Head of the Department of State and Municipal Administration, Kursk State University, Doctor of Law, Associate Professor

USMANOV Rafik Khammatovich, Professor of the Department of Oriental Studies and Political Sciences, Astrakhan State University, named after V.N. Tatishchev, Doctor of Political Sciences, Professor

THERHYSHOV Aleksei Gennadievich, Doctor of Political Sciences, Professor

В соответствии с решением Президиума Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (ВАК России) журнал «Гражданин. Выборы. Власть» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям и соответствующим им отраслям науки, по которым присуждаются ученые степени:

- 5.1.1 – Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки),
- 5.1.2 – Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки),
- 5.5.2 – Политические институты, процессы, технологии (политические науки).

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Статьи, публикуемые в журнале «Гражданин. Выборы. Власть», индексируются в Научной электронной библиотеке ELIBRARY.RU.

Национальная библиографическая база данных научного цитирования, аккумулирующая более 9 миллионов публикаций российских авторов, а также информацию о цитировании этих публикаций из более 6000 российских журналов. Штаб-квартира — Российская Федерация

Теория права

- 11 А.Р. Гильмуллин**
Понимание и общие положения категории «государственное регулирование» с позиции рационально-эгалитарной концепции права
- 24 А.А. Егоров**
Эволюция права в контексте естественно-позитивной теории права

Конституционное право

- 34 И.А. Митусова**
Роль Конституционного суда в конституционном контроле субъектов Российской Федерации

Международное избирательное право и стандарты

- 44 В.И. Лысенко**
Ответственность за незаконное обращение с избирательными бюллетенями: зарубежная практика

Электоральные технологии

- 58 Н.В. Перевышин**
SMM-технологии формирования имиджа избирательных комиссий

Политические технологии

- 70 П.В. Данилин**
Фактчекинг как инструмент политической борьбы

Экскурс в историю

- 87 И.В. Галкин**
Проблема естественных прав личности в западноевропейской политико-правовой мысли раннего Нового времени

К 75-летию Б.С. Эбзеева

- 113 В.В. Комарова**
Отечественный конституционализм: теоретическое наполнение и практика

- 126 А.М. Осавелюк**
Ученый, практик и личность
- 131 Г.А. Василевич**
Выдающийся ученый современности, государственный деятель, человек
- 136 К.С. Мазуревский**
О социальном государстве, реализации избирательных прав граждан и защите электорального суверенитета России
- 146 Г.Д. Садовникова**
Конституционализация правового статуса личности и вызовы XXI века
- 156 С.В. Кабышев**
Конституционные обязанности и дух патриотизма: жизненные и научные императивы

Пространство молодого ученого

- 163 А.Г. Добкин**
О некоторых вопросах внесения изменений в Конституцию Российской Федерации и использования процедур непосредственной демократии
- 174 А.Г. Веприцкий**
Обязанности как имманентная составляющая правового статуса субъекта права
- 180 А.А. Кадаев**
Конституционная реформа в России: об истории понятия и явления

Конкурс «Атмосфера»

- 188 Д.С. Емельянцев, Т.С. Качесова, Е.Л. Иванова**
Кодификация избирательного законодательства: история, опыт и перспектива
- 203** Сведения об авторах

Theory of Law

- 11 A.R. Gilmullin**
Conception and General Provisions of the Category of «State Regulation» from the Perspective of the Rational-Egalitarian Concept of Law
- 24 A.A. Egorov**
The Evolution of Law in the Context of the Natural-Positive Theory of Law

Constitutional Law

- 34 I.A. Mitusova**
The Role of the Constitutional Court in the Constitutional Control of the Subjects of the Russian Federation

International Electoral Law and Standards

- 44 V.I. Lysenko**
Liability for Unlawful Treatment with Ballots: Foreign Practice

Electoral Technologies

- 58 N.V. Perevyshin**
SMM-Technologies for Forming the Image of Electoral Authorities in Social Networks

Political Technologies

- 70 P.V. Danilin**
Fact-Checking as a Weapon in Political Struggle

Excursion into History

- 87 I.V. Galkin**
The Problem of Natural Rights of the Individual in Western European Political and Legal Thought of the Early Modern Period

To the 75th Anniversary of B.S. Ebzeev

- 113 V.V. Komarova**
Domestic Constitutionalism: Theoretical Content and Practice

- 126 A.M. Osavelyuk**
Scientist, Practitioner and Personality
- 131 G.A. Vasilevich**
An Outstanding Scientist of Our Time, Statesman, Man
- 136 K.S. Mazurevskii**
On the Welfare State, the Exercise of the Electoral Rights of Citizens
and the Protection of the Electoral Sovereignty of Russia
- 146 G.D. Sadovnikova**
Constitutionalization of the Legal Status of the Individual
and Challenges of the XXI Century
- 156 S.V. Kabyshev**
Constitutional Duties and the Spirit of Patriotism:
Life and Scientific Imperatives
- Young Scientist's Space**
- 163 A.G. Dobkin**
On Certain Aspects of Amending Article of the Constitution
of the Russian Federation and the Usage of Direct Democracy
Procedures
- 174 A.G. Vepritsky**
Responsibilities as an Immanent Component of the Legal Status
of a Subject of Law
- 180 A.A. Kadaev**
Constitutional Reform in Russia: about the History of the Concept
and Phenomena
- Contest «Atmosphere»**
- 188 D.S. Yemelyantsev, T.S. Kachesova, E.L. Ivanova**
Codification of Electoral Legislation: History, Experience
and Perspective
- 203 Our Authors**

ПОНИМАНИЕ И ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ «ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ» С ПОЗИЦИИ РАЦИОНАЛЬНО-ЭГАЛИТАРНОЙ КОНЦЕПЦИИ ПРАВА

***Аннотация.** Статья посвящена раскрытию и обоснованию категории «государственное регулирование» в контексте рационально-эгалитарной теории права. В частности, с позиции данного подхода к праву анализируются общие положения этой теории, связанные с взаимообусловленностью права и государства, со значением права в политической организации общества. Особое внимание уделено вопросу соотношения государственного и правового регулирования общественных отношений. В качестве гипотезы исследования автором предлагается понимание категории «государственное регулирование» как публично-правовой деятельности государства по формированию и реализации комплекса институциональных, нормативных и инструментальных оснований и средств признания, соблюдения, обеспечения и защиты сущностных требований права.*

***Ключевые слова:** рационально-эгалитарная теория права, государственное регулирование, сущность права, правопонимание, государство и право, свобода и ответственность.*

CONCEPTION AND GENERAL PROVISIONS OF THE CATEGORY OF «STATE REGULATION» FROM THE PERSPECTIVE OF THE RATIONAL- EGALITARIAN CONCEPT OF LAW

***Abstract.** The article is devoted to the disclosure and justification of the category of «state regulation» in the context of the rational-egalitarian theory of law. In particular, this approach to law examines the general provisions of this theory in relation to the interdependence of law and the state, as well as the significance of law in the political structure of society. Special attention is paid to the issue of correlation of state and legal regulation of social relations.*

As a hypothesis of the study, the author proposes the conception of the category «state regulation» as a public and legal activity of the state to form and implement a set of

institutional, statutory and instrumental grounds and means of recognition, compliance, enforcement and protection of the essential requirements of law.

Keywords: *rational-egalitarian theory of law, state regulation, essence of law, conception of law, state and law, freedom and responsibility.*

Как отмечается в юридической литературе, «правильное уяснение особенностей сферы правового регулирования (объема, границ) находится в непосредственной связи с проблемой правопонимания» [1, с. 60]. С данным положением сложно не согласиться ввиду того, что процесс государственного воздействия на общественные отношения, как и любой другой политико-правовой процесс, должен быть не только сугубо рациональным, приемлемым, предсказуемым и последовательным, но и опосредованным с системными и обоснованными научными представлениями о понимании права. Отсюда следует, что реальное осуществление данных процессов в должной форме и с необходимым содержанием детерминировано многими факторами, в том числе обусловленностью деятельности государства правом, его онтологическими и аксиологическими основаниями.

Данное обстоятельство вызывает необходимость обратиться к раскрытию сущностных аспектов и понимания категории «государственное регулирование» общественных отношений с позиции рационально-эгалитарной теории права, ранее не известной юридической науке и практике, а также определить фундаментальное значение данной категории для политико-правовой сферы жизни общества.

С позиции данного подхода к правопониманию под правом подразумевается равная форма свободы и ответственности, основанных на императиве сохранения природы человека, обеспечение которой осуществляется посредством государственного регулирования общественных отношений [2, с. 8].

Вытекающее из данного определения права требование, указывающее на то, что обеспечение равной формы свободы и ответственности, основанных на императиве сохранения природы человека, осуществляется посредством государственного регулирования общественных отношений, выступает универсальным общетеоретическим конструктом, с одной стороны, определяющим государственную (публичную) волю общества как безусловную и безапелляционную в вопросах легитимной организации и осуществления правовых мер воздействия на общественные отношения, с другой — предопределяющим осуществление определенного комплекса публично-правовых действий по формированию, реализации и защите правовых явлений (средств, инструментов и институтов), необходимых для обеспечения сущностных требований права.

В целях системного исследования и обоснования данных теоретических положений предлагается разбить настоящий анализ на несколько взаимосвязанных частей, начав при этом непосредственно с раскрытия

фундаментальной взаимосвязи права и государства, а также их обусловленности друг другом с позиции рационально-эгалитарного подхода к пониманию права.

I. Как было отмечено в предыдущих исследованиях [3], формирование политической организации общества было опосредовано эволюцией человеческого разума на определенном этапе исторического развития социальных отношений. В частности, отмечалось, что государства не возникли в один день, то есть разум человека не мог молниеносно, моментально придать политическую форму организации общества и создать цивилизованное правовое государство, которое стало бы выражать и защищать права и свободы человека и общества. Иначе говоря, исторический процесс развития политического устройства обществ протекал крайне продолжительно и неоднородно, сочетал в себе различные формы, методы, последствия и трансформации, нередко сопровождался массовым истреблением и угнетением людей, а где-то и уничтожением государственности. То есть вполне очевидно, что на ранних стадиях своего становления и развития древние государства не позиционировались и не функционировали как цивилизованные правомерные субъекты.

В теории и истории государства и права приводится немало научных концепций (мифологических, религиозных, патриархальных, патерналистских, естественно-правовых концепций общественного договора и т.д.), содержащих разные видения предпосылок и следствий возникновения политических форм организации общества.

Анализируя исключительно институциональные, функциональные и социально-культурные особенности и закономерности эволюционного развития государств, можно сделать вывод о том, что на каждом этапе исторического развития посредством разумного отбора вырабатывались определенные рациональные системы (институты и средства) для социального устройства и прогресса, главным образом ориентированные на создание условий для безопасного и предсказуемого сосуществования и взаимодействия членов общества. Одними из таких социальных систем выступили образованные человеком на определенном этапе его развития государство и законы (право).

С позиции рассматриваемой концепции правопонимания утверждение о существовании права в рационально-эгалитарной его трактовке на ранних этапах развития цивилизаций (например, минойская и микенская цивилизации, Средневековье и т.д.) было бы некорректным. Право, как культурный феномен [4, с. 16], формирующийся и развивающийся в процессе социальной эволюции, рассматривал еще академик В.С. Стёпин.

Очевидно, что со временем на смену обычаям пришли писанные законы, кодексы, правды и так далее, которые с позиции юридического позитивизма можно определять как право. Однако, как свидетельствует историко-правовое знание, общества и государства в тот период исходили из иного

(то есть отличного от рационально-эгалитарной трактовки права) понимания государства, законов и права, иного их осмысления и предназначения, иных методов, функций, идеологий, культур и так далее.

В целом анализ исторических закономерностей развития права показал, что человек под воздействием разумного отбора либо мирно, либо в результате социальных кризисов и потрясений добивался расширения меры своей свободы, ее формального признания, закрепления и защиты. Наряду с этим постепенному рациональному (научному) переосмыслению и циклическому трансформированию подвергались значение и роль права как социального регулятора, его сущность, содержание и форма. Как отмечал академик В.С. Нерсисянц: «Наблюдаемый в истории прогрессирующий процесс освобождения людей от различных форм личной зависимости, угнетения и подавления — это одновременно правовой и государственный прогресс...» [5, с. 62]. Кроме того, научную разработку и обоснование получали определенные формы правления, политические режимы, то есть методы и принципы, главным образом ориентированные на демократическое и гуманистическое политическое устройство общества и государства.

При этом важно подчеркнуть, что еще с древних времен существовали и продолжают существовать по сей день правовые системы и законы государств (позитивное право), которые не исключено, что вовсе не противоречили и не противоречат духу и положениям права (т.е. аксиологической и идеологической направленности права) в его рационально-эгалитарном понимании. Вполне возможно также, что позитивное право выражало и зачастую продолжает выражать его и в настоящее время. Кроме того, возможно, и правоприменительные органы, например в процессе разрешения какой-либо ситуации или спора, принимали и принимают решения, не противоречащие духу и положениям права в его рационально-эгалитарном понимании. Однако это вовсе не означает, что государственное регулирование общественных отношений, в частности принимаемые акты позитивного права и правоприменительные решения как на уровне национальных государств, так и на уровне международных отношений, последовательно, осознанно и системно исходило из требований рационально-эгалитарной теории права, соответствовало его сущности и пониманию. Стало быть, как и раньше, современный процесс государственного регулирования не исключает иного, в том числе произвольного или основанного на других подходах к правопониманию, содержания законов (позитивного права), их применения, толкования и организации государства.

В.Д. Зорькин обоснованно отмечает, что «от того, какой тип правопонимания доминирует в юридической науке, какое понятие права положено в основу конституции и действующего законодательства и какого понимания права придерживаются в своей деятельности правоприменители, напрямую зависит состояние всей правовой системы страны, а значит — и всей системы общественных отношений, регулируемых правом» [6, с. 126].

С позиции рассматриваемой концепции права государство и право выступают самостоятельными и самодостаточными категориями, но при этом неразрывно и объективно взаимосвязанными и взаимообусловленными. Данная характеристика детерминирована тем, что только государство как политическая форма организации общества и единственный легитимный субъект государственного (нормативного и общеобязательного) регулирования обладает свойствами публичного утверждения и системного воплощения, обеспечения требований права, тогда как право в качестве теоретической модели определенного рационального (научного) и целостного знания о сущности и назначении права выступает основанием, определяющим и упорядочивающим базовые начала и пределы (критерии) государственного регулирования (организации и деятельности государства). Иначе говоря, обусловленность оснований и деятельности государства правом исходит из возможности и необходимости совершения/применения лишь тех публичных действий и методов, которые соответствуют праву, и, следовательно, недопущения совершения и применения тех действий и методов, которые праву противоречат.

Следовательно, взаимосвязь и взаимообусловленность государства и права, выраженные в необходимости обеспечения и поддержания правового качества (состояния) государства, детерминированы конструированием определенной модели (конфигурации) государства, в рамках которой государство выступает политическим объединением (союзом) людей, организованным и функционирующим в рамках и системном единстве с требованиями рационально-эгалитарной концепции права.

II. Как было представлено ранее, право в контексте рационально-эгалитарного правопонимания — это теоретическая категория, главным образом устанавливающая онтологические, методологические и институциональные основания и условия для организации и осуществления государственного регулирования общественных отношений — обеспечения равной формы свободы и ответственности, основанных на императиве сохранения природы каждого человека. Иначе говоря, предметом данной теории выступают основанные на сущности права концептуально-методологическая рационализация и систематизация политико-правовых явлений и процессов, обусловленных определенной деятельностью государства.

Отсюда следует, что на основе рационально-эгалитарной теории правопонимания не предусматривается конструирование конкретных теоретико-правовых положений и позиций относительно того, какая из форм политической организации общества (демократия, теократия, авторитаризм и т.д.) или государственного устройства наиболее эффективная, подходящая и подлежит выбору и установлению; каких конкретно методов и процедур для социальной апробации того или иного социального вопроса или достижения общественного согласия необходимо придерживаться. Данные аспекты, связанные с политическими режимами и методами принятия политических

решений, — это исключительная прерогатива каждого отдельного общества и его членов, их воли, уникальности культуры, политических предпочтений, научно-гуманитарного потенциала, исторических традиций (по воле демократического большинства или меньшинства, единоличного суверена или группы лиц, посредством представительства или непосредственно) и так далее.

При этом принципиальным является то, что концепция права, будучи теоретической системой, призванной упорядочивать процессы политико-правового воздействия на свободу и ответственность каждого человека, то есть оказывать прямое влияние на условия его жизнедеятельности и развития с позиции объективности и разумности, исходит из недопустимости ограничения (игнорирования) участия и свободного (добровольного) волеизъявления каждого человека как разумного и социального существа при выборе и признании им того понимания права и, следовательно, той концептуальной модели правовой системы, в соответствии с которой его свободы и ответственность будут подлежать признанию, осуществлению и защите или, наоборот, запрету и ограничению.

Следовательно, из сути рационально-эгалитарной теории права исходит требование, предусматривающее необходимость соблюдения добровольного волеизъявления каждого человека относительно официального признания (легитимации) либо отклонения данной теории права в качестве основополагающего и системообразующего базиса политико-правовой системы. Принятие всеобщего решения о признании (легитимации) рационально-эгалитарного подхода к пониманию права предполагает апробацию и дальнейшее конституирование официальной власти права, признание его господства (верховенства) на государственном (публичном) уровне, а также тех последствий, которые произойдут в процессе регулирования и обеспечения (реализации) его требований. Из этого вытекает, что с момента легитимации (признания) рационально-эгалитарной концепции права и институционализации ее положений исходящие из ее сущности требования и решения становятся общеобязательными для всех без исключения субъектов права, независимо от их количественного состава (большинство или меньшинство), социального положения, публичного статуса, организационно-правовой формы и тому подобного.

III. Согласно рационально-эгалитарной концепции правопонимания обеспечение сущностных требований права основывается на государственном, а не на правовом регулировании общественных отношений, что закономерно предполагает разное понимание и функциональное назначение данных категорий. Раскроем данный аспект более предметно.

В соответствии с теорией государства и права такие категории, как «государственное регулирование» и «правовое регулирование», за редким исключением [7], рассматриваются как равнозначные понятия. Как правило,

данная позиция исходит из классической для советского права догмы, основанной на отождествлении права с законом (актами государства).

В современной правовой доктрине и практике разработаны определенные юридические способы, методы, классификации и типы правового регулирования, проистекающие как из предоставления субъективных свобод, так и из возложения юридических обязанностей. Несмотря на существующие способы и классификации правового регулирования, все они в совокупности представляют собой регулирование — либо основанное на актах государства (нормативное правовое регулирование), либо не противоречащее им (индивидуальное правовое регулирование).

Нам видится, что наиболее ясную характеристику данных способов регуляции дала Л.Т. Бакулина: «Индивидуально-правовое регулирование, подчиняясь, согласуясь с нормативным, выступает его необходимым продолжением и развитием» [8, с. 129]. Не углубляясь в анализ классификаций данной категории, представляется важным отметить, что независимо от наличия средств, методов и способов правового регулирования (нормативное, индивидуальное и т.д.), его институционализирующим, организующим и упорядочивающим основанием выступает именно определенная государственная деятельность. Иначе говоря, как подчеркивается в научной литературе, «создание, реализация, охрана права неразрывно связана с государственной деятельностью» [1, с. 55]. Это — во-первых.

Во-вторых, в доктрине права «правовое регулирование понимается как специфическая *деятельность государства* (выделено мной — А.Г.), его органов, должностных лиц и уполномоченных на то общественных организаций по принятию нормативно-правовых или индивидуально-правовых решений в пределах своей компетенции» [9, с. 134].

Что касается категории «государственное регулирование», то в науке под данной категорией также подразумевается «*деятельность государства* (выделено мной — А.Г.) в лице его органов» [10, с. 58], «воздействие государства в лице государственных органов» [11, с. 106], «система мер законодательного, исполнительного и контролирующего характера, которые осуществляются органами власти» [12, с. 14].

При этом важно отметить, что данные категории широко используются как в законодательстве¹, так и в правоприменительной практике, но при этом однозначных определений и критерия разграничения данных категорий в позитивном праве и в решениях судебных органов нет.

¹ См. Федеральный закон от 08.12.2003 № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности», Федеральный закон от 28.12.2009 № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации», Федеральный закон от 08.01.1998 № 10-ФЗ «О государственном регулировании развития авиации», Федеральный закон от 03.07.2016 № 309-ФЗ «Об особенностях правового регулирования отношений в области охоты и сохранения охотничьих ресурсов на территории Республики Крым», Гражданский кодекс РФ (ст. 156) и др.

Анализ данных источников позволяет констатировать, что под этими категориями, помимо принятия и исполнения нормативно-правовых актов, прежде всего понимается деятельность государства в лице соответствующих компетентных органов.

Такая позиция в целом согласуется с методологией рационально-эгалитарной теории права в части того, что любое публично-правовое регулирование начинается именно с деятельности государства. Однако данный подход к правопониманию предполагает, что публично-правовая деятельность — это деятельность, обусловленная процессами создания и реализации актов государства, соответствующих сущности права. Отсюда следует, что, кроме деятельности, государственное регулирование также обусловлено наличием определенных целесообразных условий и ресурсов, а именно необходимых с точки зрения обеспечения требований права государственных институтов (органов власти) с соответствующими полномочиями и компетенциями.

Таким образом, процесс государственного регулирования общественных отношений исходит из иного, комплексного понимания процесса публичного воздействия на поведение и деятельность человека, общества и государства, а именно, помимо определенной государственной деятельности по созданию и реализации актов государства, предполагает наличие определенных и целесообразных (оправданных, необходимых) с точки зрения реализации и обеспечения сущностных требований права элементов механизма государства (судебные и контрольные органы, финансовые и экономические структуры, правоохранительные и правозащитные институты и т.д.).

IV. В определении права в рационально-эгалитарной его трактовке содержатся как сущностные основания (начала), так и пределы (границы) государственного регулирования — обеспечение равной формы свободы и ответственности, основанные на императиве сохранения природы человека. А именно презюмируется непосредственная сопряженность (неотъемлемость) процесса государственной регуляции с сущностными требованиями права, призванными осуществлять разумное и последовательное воздействие на социальные коммуникации и процессы посредством обязывающих, запретительных и дозволильных способов регуляции.

Значит, действия и решения, совершаемые или принимаемые в процессе государственного регулирования, но при этом противоречащие сущностным требованиям права (принятие актов, противоречащих праву, их отмена, произвольное толкование; создание специальных, чрезвычайных судов; лишение независимости правосудия и т.д.), не могут подлежать признанию правовыми (обоснованными) и подлежат отмене и ограничению. В связи с этим Ю.А. Тихомиров справедливо полагает: «В правовом государстве право „связывает“ и обеспечивает управление государственными делами» [13, с. 6]. Следовательно, соответствием деятельности государственных органов требованиям права непосредственно определяются правовое состояние (качество)

и функционирование процесса государственного регулирования, а значит, состояние обеспеченности и защищенности правовых свобод каждого.

V. Как предполагается, выступая концептуально-методологическим базисом процесса государственного регулирования общественных отношений, право тем самым опосредованно сопряжено с более широким социальным явлением — правовой системой общества. Раскроем данный аспект подробнее.

В правовой доктрине категория «правовая система», как и классификация ее структурных компонентов (элементов), имеет разную трактовку, основана на разных методологических приемах и подходах к идентификации, систематизации, структурированию, институционализации и иерархизации правовых явлений. Одни ученые предлагают структурировать правовую систему, придавая первоочередное значение правовым нормам [14, с. 174–175]; другие — истории правовых систем, системе источников права и структуре правовой системы [15, с. 125]; третьи — особенностям развития отдельных цивилизаций (цивилизационный подход) [16, с. 65]; четвертые (Г. Созер-Холл) — основаниям расовых и языковых признаков [17, с. 74] и так далее.

Вместе с тем для одних правовых систем характерным является деление права на публичное и частное, систематизация права по отраслям, институтам, субинститутам (континентальная система права), тогда как другим не свойственна строгая отраслевая классификация (английская система права), для третьих типичен смешанный (промежуточный) характер построения правовой системы (правовые системы Скандинавских стран). Очевидно, что причинами такой вариативности классификаций преимущественно выступают исторические, национальные, экономические, культурные и идеологические факторы. Плюрализм подходов существует и относительно систематизации форм права. Как считает М.Н. Марченко: «Было бы весьма опрометчивым и не в меру наивным, как показывает отечественный и зарубежный опыт, ожидать полного совпадения позиций и представлений об источниках и формах права, существующих в разных правовых системах и правовых семьях» [18, с. 3]. Тем не менее в юридической науке превалирует позиция, согласно которой источники права и система законодательства (нормативный аспект) государства выступают первостепенными и приоритетными компонентами для идентификации и понимания правовой системы.

Несмотря на существующие доктринальные подходы, по нашему убеждению, наиболее логичными и обоснованными представляются позиции, согласно которым «от господствующего типа правопонимания напрямую зависит сущность, содержание и форма правовой системы общества» [19, с. 347]; «для понимания правовой системы той или иной страны недостаточно исследовать ее нормативный аспект, то есть действующие нормы права. Также необходимо иметь представление о *правопонимании...*» (выделено мною — А.Г.) [20, с. 469].

Действительно, как представляется с позиции рационально-эгалитарной теории права, именно признанный подход к правопониманию,

лицетворяющий приверженность отдельного общества и государства (правовой семьи, международной организации) к определенному представлению о сущности и назначении права, на основе которого осуществляется концептуальное и комплексно-методологическое воздействие на динамику политико-правовых процессов и генерируется определенная политико-правовая действительность (законодательство, правосознание, практика, наука, культура, образование), выступает тем ключевым признаком, от которого объективно зависит ценностно-мировоззренческая и структурно-функциональная характеристика правовой системы общества, а также все проистекающие из ее функционирования и развития правовые явления и процессы. В этом смысле нельзя не согласиться с Н.И. Матузовым и А.В. Малько в том, что «право доминирует в правовой системе, играет в ней роль консолидирующего фактора, „центра притяжения“. Все другие ее элементы являются фактически производными от права» [21, с. 173].

Отсюда следует, что с позиции рационально-эгалитарного подхода к правопониманию право как научная категория, выражающая определенные теоретико-онтологические и методологические требования по рациональной организации процесса государственного регулирования общественных отношений, выступает базовым первостепенным компонентом (элементом) в структуре правовой системы, предопределяющим и/или моделирующим процессы систематизации, структуризации, институционализации и иерархизации остальных компонентов (элементов) правовой системы, а также обеспечивающим функцию их интеграционного согласования и единства. Как пишет А.Р. Губайдуллин: «Проявление интегративной функции в пределах правовой системы обуславливает ее целостность, так как правовые явления не могут существовать отдельно друг от друга» [22, с. 35].

VI. Тезис о том, что, обеспечивая рациональную организацию процесса государственного регулирования общественных отношений, право тем самым выступает базовым первостепенным компонентом (элементом) в структуре правовой системы, предопределяющим и/или моделирующим процессы систематизации, структуризации, институционализации и иерархизации остальных компонентов (элементов) правовой системы, предполагает прежде всего целостную, последовательную, предсказуемую, непротиворечивую и нормативную *организацию социальных институтов, правовых средств (принципов, актов и т.д.) и механизмов*, необходимых для обеспечения требований права, а также *регуляцию определенных социальных процессов (поведение человека и общественные отношения)*, обусловленную воздействием официальных правовых (основанных на праве) явлений.

Исходя из представленной взаимосвязи права (в рационально-эгалитарной трактовке) и правовой системы, представляется допустимым предложенное Г.И. Муромцевым понимание правовой системы как научной категории, дающей «многомерное отражение правовой действительности

конкретного государства на ее идеологическом (правопонимание, понятия и категории права), нормативном, институциональном и социологическом уровнях» [23, с. 282].

Важно подчеркнуть, что с позиции рассматриваемого правопонимания не исключается, что правовая система общества может динамично развиваться и трансформироваться, в частности приобретать (заимствовать) новые структурные элементы (отрасли, институты и т.д.) и, наоборот, оптимизироваться и унифицироваться. По мнению А.Х. Саидова, «правовая система — развивающаяся система, она не остается раз и навсегда данной, а постоянно менялась и изменяется в ходе исторического процесса» [15, с. 117]. Однако с позиции рационально-эгалитарной концепции правопонимания трансформация правовой системы возможна лишь в пределах и строгом соответствии с онтологическими требованиями правопонимания.

Формирование институционального уровня правовой системы, как уже было указано выше, в первую очередь предполагает формирование (или при необходимости — преобразование) определенных целесообразных (оправданных, необходимых) с точки зрения обеспечения сущностных требований права элементов механизма государства — социальных институтов и учреждений (законодательные, исполнительные, судебные, правоохранительные, контрольные и прочие органы) с их ресурсно-компетенционной базой, необходимой для осуществления функций и задач государственного регулирования.

Идеологический (правопонимание) и институциональный уровни имеют предопределяющее значение для конструирования нормативного уровня правовой системы как совокупности нормативных правовых средств, образуемых посредством правотворческой деятельности государственных институтов и учреждений.

Процесс государственного регулирования общественных отношений по своему методологическому содержанию представляет собой комплексное, многоуровневое, связанное с регулированием наиболее важных общественных отношений и сложное по своим функциональным и практическим признакам явление социальной практики.

Предполагается, что концептуальная теория правопонимания, являясь фундаментальным и комплексным (универсальным) основанием, должна выступить своего рода онтолого-методологическим кодом для нормативно-правовой организации и регуляции общественных отношений. Именно от эффективного построения (систематизации) нормативного элемента, его логической, взаимозависимой и иерархической организации зависят последовательное и непротиворечивое выражение и последующие соблюдение, реализация и обеспечение правовых свобод человека, общества и государства, а также генерирование, упорядочивание и эффективность таких элементов *идеологического уровня* правовой системы, как правовая культура, правосознание, правовые теории, правовой нигилизм [24, с. 8].

Таким образом, с позиции рационально-эгалитарной теории права под государственным регулированием общественных отношений понимается публично-правовая деятельность государства по формированию и реализации комплекса институциональных, нормативных и инструментальных оснований и средств признания, соблюдения и защиты сущностных требований права — правовых свобод и ответственности человека.

Концептуальное понимание процесса государственного регулирования общественных отношений зиждется на онтологической, методологической и функциональной взаимообусловленности права и государства, которая выражается в следующих аспектах:

Лишь государство как политическая форма организации общества и единственный легитимный субъект осуществления государственного (нормативного и общеобязательного) регулирования обладает свойствами публичного признания (легитимации) и системного воплощения и обеспечения требований права, тогда как право как теоретическая модель определенного рационального (научного) и целостного знания о сущности и назначении права выступает основанием, определяющим и упорядочивающим организационные начала и функциональные пределы государственного регулирования (деятельности государства);

Будучи концептуальным основанием (началом и пределом) государственного регулирования общественных отношений, право выступает базовым и универсальным компонентом структуры правовой системы, теоретически предопределяющим и/или моделирующим процессы (1) организации социальных институтов (органов власти, институтов гражданского общества и пр.), (2) деятельности участников правоотношений (поведение, действия/бездействия), (3) создания и систематизации правовых (принципы, высшие акты, законы и подзаконные акты, концепции, программы и пр.) и идеологических (правовая культура, теории, сознание и пр.) средств и инструментов.

Список литературы

1. Общая теория права и государства: учебник / под ред. В.В. Лазарева. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2001. 520 с.
2. Гильмуллин А.Р. Взаимосвязь права и общественной морали с позиции рационально-эгалитарного подхода к пониманию права // Российская юстиция. 2023. № 5.
3. Гильмуллин А.Р. Сохранение человечества как фундаментальное основание права // Антиномии. 2021. Т. 21, вып. 1.
4. Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Будущее права. Наследие академика В.С. Стёпина и юридическая наука. М.: РАН: Институт законодательства и сравнительного правоведения при правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2020. 176 с.
5. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства: учебник. М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. 560 с.

6. Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. 720 с.
7. Пьянов Н.А. Государственное регулирование как самостоятельная научная проблема // Журнал российского права. 2012. № 5.
8. Бакулина Л.Т. Общая теория договорного правового регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. 440 с.
9. Фаткуллин Ф.Н. Проблемы теории государства и права: курс лекций. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1987. 336 с.
10. Смагина И.А. Предпринимательское право. М.: Омега-Л, 2007. 286 с.
11. Сараев Л.Д., Тюкавкин Н.М. Основы государственного регулирования экономики. Самара: Самарский университет, 2014. 132 с.
12. Словарь экономических терминов. Брест: БрГУ, 2015. 35 с.
13. Тихомиров Ю.А. Государственно-правовое регулирование: основания и пределы // Журнал российского права. 2017. № 6.
14. Гальперина П.Л. Понятие правовой системы в контексте теории правового аутопойезиса // Правоведение. 2005. № 6.
15. Саидов А.Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности). М.: Юрист, 2003. 448 с.
16. Молдоев Э.Э., Абакирова А.М. Проблемы методологии исследования категории «правовая система» // Проблемы современной науки и образования. 2017. № 4(86).
17. Зернов А.О., Воскресенская Е.В., Жильский Н.Н. Критерии классификации правовых систем // Социология и право. 2021. № 2(52).
18. Марченко М.Н. Источники права: учеб. пособие. М.: ТК Велби: Проспект, 2008. 760 с.
19. История и методология юридической науки / под ред. д.ю.н., проф. В.В. Сорокина. М.: Юрлитинформ, 2016. 491 с.
20. Теория государства и права: учебник / Российский университет дружбы народов, Юридический институт; под ред. д.ю.н., проф. А.А. Клишаса. М.: Статут, 2019. 512 с.
21. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. 4-е изд., испр. и доп. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. 528 с.
22. Губайдуллин А.Р. Функции права и правовой системы общества // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Т. 155. № 4.
23. Муромцев Г.И. Основные правовые системы прошлого и современности // Проблемы общей теории права и государства / под ред. В.С. Нерсесянца. М.: Норма, 2004. 832 с.
24. Тихомиров Ю.А. Правовая сфера общества и правовая система // Журнал российского права. 1998. № 4–5.

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВА В КОНТЕКСТЕ ЕСТЕСТВЕННО-ПОЗИТИВНОЙ ТЕОРИИ ПРАВА

***Аннотация.** Статья посвящена вопросам исторической эволюции понятия «право» в контексте естественно-позитивной теории права отечественного правоведа В.М. Шафировова. В ней исследуется синкретичная природа права в рамках первобытной общины и уточняется понимание естественного права как первой ступени существования права в контексте его воззрений. Анализируются особенности позитивно-естественного права, возникшего после появления государства; притом оно не исключает естественного права, а легализует его на минимальном уровне. Рассматривается феномен естественно-позитивного права, оценивается его теоретическая состоятельность и практическая значимость.*

***Ключевые слова:** естественное право, обычное право, позитивно-естественное право, естественно-позитивное право.*

THE EVOLUTION OF LAW IN THE CONTEXT OF THE NATURAL-POSITIVE THEORY OF LAW

***Abstract.** The topic of the article concerns the issues of the historical evolution of the concept of «law» in the context of the natural-positive theory of law of the Russian jurist Vladimir Moiseevich Shafirov. The syncretic nature of law within the framework of the primitive community is investigated and the understanding of natural law as the first stage of the existence of law in the context of V.M. Shafirov's views is clarified. The nature of positive natural law, which arises after the emergence of the state and does not exclude natural law, but legalizes it at a minimum level, is investigated. The phenomenon of natural-positive law is analyzed, its theoretical validity and practical significance are evaluated.*

***Keywords:** natural law, customary law, positive-natural law, natural-positive law.*

В условиях развития новой российской государственности и ее правовой системы актуализируется интерес к фундаментальным основам юридической науки, в том числе к теоретическим проблемам происхождения, развития и эволюции права. Это свидетельствует в пользу возрастающего научного интереса к исследованию исторических особенностей становления и развития теоретико-правового осмысления эволюции права. В этом смысле любое объективное и скрупулезное авторское комплексное обращение к отечественному доктринальному опыту своевременно и закономерно востребовано юридической наукой.

ЕГОРОВ Александр Александрович — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва

Существование, выражение и самоопределение права детерминируется системой социальных, политических, культурных координат. Основой права выступает как исторический общесоциальный опыт, так и его доктринально-теоретическая составляющая в лице известных мыслителей прошлого и настоящего. Очевидно, что содержание и формы выражения права проистекают из социального порядка в определениях должного и недолжного для конкретной исторической эпохи. В этом смысле право можно рассматривать в трех аспектах: как фактически сложившуюся на основе обычаев, традиций и законодательства правовую реальность; как воображаемую правовую реальность, то есть идеальный правовой порядок; как аналитическую правовую реальность, то есть доктрину права. Таким образом, право одновременно реалистично, идеально, доктринально и в то же время производно от своей «среды обитания», в рамках которой сталкиваются желания, интересы и ценности. В этом смысле бытие права есть не что иное, как перманентный конфликт интересов и ценностей в различных масштабах.

На сегодняшний день существует четыре основных типа понимания права: *юридический позитивизм или нормативизм* (право трактуется как совокупность норм, установленных или санкционированных государством); *социологический позитивизм* (существование «книжного права» и «живого права», которое формулируется в решениях судебных и административных органов и имеет абсолютный приоритет над «книжным правом»); *теории естественного права* (право выводится из разума или природы общества и человека, а человеку приписываются врожденные и неотъемлемые права, существующие независимо от государства и предшествующие ему); *философское понимание права* (право сводится к свободе, понимаемой как разумное общественное поведение).

Юридический и социологический позитивизм более реалистичны, так как придают праву вполне реальное содержание (нормы и отношения). Теории естественного права и философское понимание права носят сугубо теоретический характер, то есть описывают не реальное, а скорее, идеальное право.

Вместе с тем подобные научные абстракции объективно необходимы, так как они представляют собой необходимый этап в познании объективного мира. Все эти подходы принято считать классическими в силу наличия у каждого из них базового принципа: нормы поведения, установленной верховной властью; реальных отношений, влекущих юридические последствия; неотчуждаемых прав личности; абстрактной формулы свободы. Однако прогресс необходим и перманентен, что приводит к теоретическому осмыслению и попыткам обосновать так называемые «новые теории права».

* * *

Правовая наука развивается во всем мире, активно издается юридическая литература, и каждый автор стремится ее чем-то обогатить. Не вызывает сомнения, что приращение научного знания, расширение научных

горизонтов познания и понимания права обусловлены общественным прогрессом и необходимы для социума. В этом смысле появление «новых теорий права» можно квалифицировать как признание исключительного интеллектуального и научного потенциала отечественных правоведов. Это та интерпретация, в монополюсный характер которой хочется беззаветно верить. Однако реальность однозначно опровергает безальтернативность, да и в целом правильность этого постулата.

Существует еще и скептическое объяснение, согласно которому в предлагаемых сегодня вариантах понимания права нет ничего нового. «На деле большинство нетрадиционных (неклассических) подходов к пониманию права оказывается разновидностью вполне традиционных социолого-позитивистских представлений о праве, изложенных в терминах какой-либо постмодернистской философской парадигмы», — пишет Н.В. Варламова [2, с. 89]. По мнению О.В. Мартышина, эти «самопровозглашенные теории» (наподобие самопровозглашенных государств) заняли место в юридической литературе только благодаря отсутствию принципиальной критики и дискуссий, то есть благодаря равнодушию и безучастности специалистов [7, с. 282].

Действительно, сегодня мы наблюдаем миролюбие представителей научной и университетской сфер. Большинство коллег убеждены в том, что в современных условиях не составляет особого труда с помощью словесной эквилибристики выдать классические постулаты за принципиально новые идеи. Своего рода популистская публикационная активность отдельных авторов зачастую обусловлена готовностью ряда изданий напечатать любой текст. Вместе с тем аргументированная критика — это экзистенциальный элемент любой науки, который убергает ее от деградации и забвения.

Говоря о необходимости критики, мы не можем не понимать, что она должна быть конструктивной. Уже упомянутый О.В. Мартышин отрицал значимость «новых теорий права», апеллируя к общеизвестности или самоочевидности тезисов, составляющих их суть, используя при этом фигуру умолчания. Вряд ли данный вариант критики, существующий на грани культуры научной полемики, можно назвать аргументированным или конструктивным. Скорее всего, речь здесь идет о некоторой некорректности ведения дискуссии. Жанр критической рецензии, обзора основных доктринальных концепций какого-либо учения о праве и государстве, как представляется, должен иметь теоретическую и практическую значимость и отражать существующие либо прогнозируемые закономерности права и государства. В противном случае любые выпады в адрес того или иного учения или автора не могут иметь теоретической и практической ценности.

В данном контексте целесообразным видится преодоление односторонне утривированного восприятия «новых теорий права», которое сводится к их безоговорочному восхвалению или безапелляционному отрицанию. Думается, что наукой востребован анализ положений «новых теорий права», основанный на конкретизации возможных логических ловушек

и теоретических недостатков их положений и выдвижения на этой основе альтернативных вариантов редакции того или иного тезиса. В данном случае, на наш взгляд, целесообразен пересмотр вопросов эволюции права в рамках естественно-позитивной теории права, сформулированной почти двадцать лет назад Владимиром Моисеевичем Шафировым.

* * *

Признавая многоаспектный характер права, доктор юридических наук, профессор В.М. Шафиров справедливо отмечает, что ни одна отдельно взятая теория не в состоянии сформировать исчерпывающее представление о праве [9, с. 9]. Действительно, для каждого типа понимания права существует та или иная сущностная особенность: *приказ государственной власти* (юридический позитивизм); *приоритет практической юриспруденции и прецедентного права* (социологический позитивизм); *права и свободы, выводимые из природы человека* (естественное право); *понимание права как свободы* (философское понимание права).

Наряду с указанными классическими подходами к пониманию права Шафиров считает необходимым внедрение в научный оборот такого феномена, как *естественно-позитивное право*. По его мнению, история права, подчиняясь логике человеческого измерения, проходит в своем формировании и эволюции три ступени: *естественное право или естественные и неотчуждаемые права человека; позитивное право; естественно-позитивное право* [10, с. 187]. Обратимся к пояснениям самого автора. Отмечая возникновение естественного права еще в догосударственную эпоху, ученый констатирует, что оно имело нравственную и религиозную, а не юридическую природу [9, с. 10]. В целом с этим умозаключением можно согласиться, но его необходимо конкретизировать.

Самые древние из известных нам норм поведения людей в первобытный (общинный, догосударственный) период существования человечества носили синкретичный характер. Если взглянуть на них сквозь призму современного, развитого и внутренне расчлененного общественного сознания, то они в равной степени могут рассматриваться и как правовые, и как нравственные, и как эстетические, и как религиозные, и как фактические; в то же время они не соответствуют ни одной из этих рубрик. Они были, в целом, вписаны в язык самой практической жизни и, подобно самому языку, осознавались в их непосредственной данности. Таковы, например, древнейшие табу (кровосмешение, убийство, нарушение распределения обязанностей между мужчинами и женщинами и т.п.), действовавшие с самоочевидностью естественных процессов.

Указанные синкретичные регуляторы общественных отношений по своей сути и степени обязательности для исполнения носили характер норм обычного права. В научной литературе укоренилась идея мононорм, то есть синкретичных правил поведения, сочетающих в себе прообразы религии,

морали и права [1, с. 204]. Т.В. Кашанина, отрицая идею мононорм, аргументирует свою позицию тем, что неразвитое сознание первобытного человека не могло воспринять концепцию мононорм, да и сама эта концепция не могла существовать в силу отсутствия в то далекое время «первобытных исследователей» [5, с. 215–216].

Надо сказать, что в данном случае исследователи вынуждены удовлетвориться общим взглядом, имеющим статус гипотезы. Говоря о происхождении общества в целом и социальных норм в частности, приходится довольствоваться вероятностным знанием, потому что нет достаточных данных, чтобы достоверно и во всей исторической конкретности воспроизвести этот процесс. Более того, на сегодняшний день не существует даже четкого понимания причин перехода от биологического развития к социальной форме.

Интересную версию высказал В.Н. Синюков, по мнению которого биологический прогресс человека связан и обусловлен этическим прогрессом. Выделение человека из стада обусловлено развитием таких черт как самопожертвование, любовь к ближнему, альтруизм и так далее. Культура в целом формировалась благодаря, по сути дела, этическим, нравственным и одновременно правовым качествам человека разумного, помимо которого существует еще и такой вид, как правовой человек [8, с. 11]. Эта версия достаточно интересная, но она, так же, как и многие другие, не имеет неоспоримых доказательств.

Соглашаясь с Т.В. Кашаниной в том, что в первобытной общине не было и не могло быть научного учения о мононормах, со своей стороны считаю необходимым отметить, что в ней синкретичные социальные правила играли роль норм обычного права. Кроме того, В.М. Шафиров в характеристике естественного права, как первой исторической ступени развития права, допускает грубую ошибку, характерную для многих современных исследователей.

Речь идет об отождествлении естественного права с естественными и неотчуждаемыми правами человека. Достоверно доказано, что для первобытной общины было характерно повсеместное распространение обычая кровной мести. Лишь с появлением принципа талиона (равного возмездия) произошло некоторое сдерживание изначально неограниченной жажды мести, когда сообщества стали конкретизировать лиц, обязанных осуществлять возмездие. Более того, при определенных условиях социально допустимым считалось избавляться от престарелых членов общины и детей. В таких конкретно-исторических условиях рассуждать о естественном праве в контексте естественных и неотчуждаемых правах человека попросту абсурдно. Данное понимание возникло лишь в XVII веке.

В частности, речь может идти об английском мыслителе Томасе Гоббсе (1588–1679), который отстаивал теорию общественного договора. Согласно его позиции изначально люди находились в состоянии ничем не ограниченной свободы, что в свою очередь приводило к ситуации «войны всех против всех», то есть угрозе самоуничтожения для общества. Гоббс пишет, что в таких

условиях «первое основание естественного права состоит в том, чтобы каждый защищал свою жизнь и оберегал члены своего тела, как он только может... Поскольку каждый имеет право на самосохранение, каждый имеет также и право пользоваться всеми средствами и прибегать ко всем действиям, без которых он не может сохранить свое существование» [3, с. 292–293]. В его трудах естественное право фигурирует под именем естественного закона, то есть разумных правил поведения. Как видим, воспроизводятся классические постулаты школы естественного права.

Завершенный характер идеям Т. Гоббса придал другой английский политический мыслитель Джон Локк (1632–1704), по мнению которого существует два естественных права человека: собственность и свобода. Осознавая особое значение свободы, он не отождествлял ее с анархией. Локк отмечал, что свобода предполагает соблюдение законов природы, ставших законами общества: «Там, где нет законов, нет и свободы» [6, с. 34]. Таким образом, отождествление естественного права в рамках первобытной общины с естественными и неотчуждаемыми правами человека противоречит здравому смыслу и не выдерживает никакой критики. Такое понимание требует достаточно серьезного уровня развития политико-правовой мысли, законодательства и практики применения права.

Следовательно, этот тезис теории Шафирова следует изложить в следующей редакции: *естественное право, как первая ступень развития права, представляло собой нормы обычного права, которые основывались на наиболее важных первобытно-общинных обычаях, прообразах нравственности и религии, но в силу конкретно-исторических обстоятельств никак не могли отождествляться с естественными и неотъемлемыми правами человека.*

* * *

Вторая ступень в теории В.М. Шафирова — позитивно-естественное право. Он пишет: «В процессе рождения позитивного права произошло отделение естественного от волеустановленного права, а их противоречивое взаимопроникновение. Появление института «гражданство» позволило признать личность свободной, официально зафиксировать исходный комплекс прав (их объем, перечень), средства их защиты» [9, с. 10]. Позитивный фактор, по мнению автора теории, затмил природу человека как истинный источник права и выдвинул на первый план внешнее, властно-волевое обязательно-принудительное начало.

В трактовке первой ступени эволюции права, несмотря на некорректное понимание природы естественного права и произвольное перенесение его современных трактовок на догосударственную форму общественной жизни соблюдается, по крайней мере, формальная логика. Она заключается в том, что в условиях отсутствия в первобытной общине позитивного права роль регулятора общественных отношений выполняло естественное право. В описании второй ступени эволюции права нарушается и формальная

логика, что порождает массу вопросов: что понимать под взаимопроникновением естественного и позитивного права; какова судьба естественного права в условиях появления государственной власти, законодательства и судебных решений; когда возникает институт «гражданства», с которым Шафиров связывает признание личности свободной?

В основе возникновения всех этих противоречий лежит стремление автора применить современное понимание естественного права к общественно-политическим реалиям глубокой древности. Как мы знаем, в античности естественное право ассоциировалось не с неотчуждаемыми правами человека, а с универсальными правилами поведения, признаваемыми всеми народами в силу их разумности. Еще классик античной политико-правовой мысли Аристотель отстаивал именно такое понимание естественного права, оправдывая на этой основе рабство как вполне естественное состояние [4, с. 56].

Таким образом, понимание естественного права напрямую зависит от конкретно-исторических особенностей определенного общества и не может быть универсальным. В этом смысле перенесение современного понимания естественного права на догосударственный этап, как это делает Шафиров, является грубейшим нарушением принципа историзма. Следует проанализировать еще и его утверждение о том, что появление государства и позитивного права затмили природу человека и выдвинули на первый план внешнее, властно-волевое обязательно-принудительное начало. Исходя из того, что исследуется теория права, это утверждение сопоставимо с доктриной юридического позитивизма (нормативизма).

Классик нормативизма в дореволюционной России Г.Ф. Шершеневич писал: «Право есть такая норма (правило) поведения, соблюдение которого поддерживается угрозой страдания, причиняемого государственной властью нарушителю» [12, с. 130]. Создается иллюзия, что нормативисты отрицали идеи естественного права, понимая под правом сугубо приказ государственной власти, то есть позитивное право. Позволим себе заметить, что это умозаключение, распространенное среди многих ученых и нашедшее свое выражение в учебной литературе, ошибочно, — нормативисты не отрицали естественное право, они исходили из того, что действующее позитивное право уже содержит в себе нравственные, общечеловеческие ценности, а это делает бессмысленным самостоятельное выделение естественного права.

Шершеневич полагал, что если нравственной норме придается юридическая санкция, то эта норма остается этической и одновременно становится правовой (например, в случае применения юридической санкции в отношении родителей — осуждения — за развращение детей). И наоборот, исключение юридической санкции из нормы права преобразует последнюю в норму нравственности (например, отмена наказания за ростовщичество) [11, с. 70]. Значит, образование государства и появление позитивного права не затмевают естественное право, а придают ему законодательное оформление. Общеизвестно, что первые государства в мире были

рабовладельческими, для которых был характерен институт подданства, а не гражданства. Подданство гарантировало не свободу, а соответствие правового статуса человека его социальному происхождению и положению, что вполне сочеталось с несвободой, неравенством и привилегиями.

Исходя из сказанного, попытаемся сформулировать еще один тезис: переход от первобытной общины к государству порождает не институт гражданства, а институт подданства, который ассоциируется не со свободой, а с соответствием правового статуса человека его социальному происхождению и положению, что вполне сочетается с несвободой, неравенством и привилегиями. Естественное право не затмевается позитивным правом, а получает свое законодательное закрепление в виде, соответствующем системе социальных ценностей и конкретно-исторической обстановке определенного общества.

* * *

Третья ступень — это естественно-позитивное право. «Ее начало, — пишет В.М. Шафиров, — следует связывать со снятием классовых, сословных привилегий, преимуществ, утверждением юридического равенства всех людей перед законом, выдвижением человека, его прав и свобод на центральные позиции в юридической системе. Позитивная составляющая превращается в средство обеспечения прав и свобод. В полном объеме естественно-позитивное право раскрывает свой потенциал на современной стадии развития цивилизации» [10, с. 187]. По его мнению, в современных условиях право не может быть естественным или позитивным, — его бинарная (двойственная) природа свидетельствует о том, что право может быть только естественно-позитивным. Причем понятие «естественно-позитивное право» в одинаковой мере имеет как научное, так и непосредственно практическое, операциональное значение [10, с. 186]. На наш взгляд, этот тезис естественно-позитивной теории права явно нуждается в критическом восприятии и осмыслении.

Рассмотрение ступеней развития права в качестве наиболее общей характеристики исторического развития в самом общем виде можно было бы признать верным, но оно начисто лишено авторской оригинальности и научной новизны. Поясню. История развития права при всех своих хронологических и страновых особенностях демонстрирует постепенное, но неуклонное расширение сферы свободы человека. В науке эта тенденция общеизвестна и аксиоматична. Если же рассматривать данную концепцию как попытку создания особого типа понимания права, ее следует признать несостоятельной как в теоретическом аспекте, так и с точки зрения ее практической значимости.

Суть вопроса теоретического уровня заключается в следующем: естественно-позитивное право считается правом в силу его соответствия прирожденным правам человека или вследствие официального утверждения норм права, обязательность которых гарантируется государственным принуждением?

Если права человека рассматриваются как самодостаточный императив, не требующий государственного подтверждения, то можно уверенно констатировать, что речь идет о теории естественного права. В случаях, когда для признания обязательной нормы необходимо государственное принуждение, это верный признак юридического позитивизма. В таких случаях принципы естественного права выступают как идейный источник, но не могут быть обязывающей нормой. Позитивное право в случае совпадения с нормами естественного права не теряет своей официальной или позитивной природы. Очевидно, что такое совпадение, по крайней мере на минимальном уровне, существует практически всегда. Таким образом, на теоретической плоскости существование естественно-позитивного права нецелесообразно, так как речь идет о принципиально разных теориях понимания права, каждая из которых имеет самостоятельные сущностные особенности, самостоятельные принципы и самостоятельные источники происхождения.

Что же касается практической значимости идеи естественно-позитивного права, то она тоже вызывает серьезные сомнения. Как мы знаем, естественное право исходит из справедливости, а позитивное право, даже если оно не чуждо соображений справедливости, всегда соизмеряет ее с целесообразностью. Позитивное право было и остается волеустановленным правом, то есть в нем по преимуществу выражается воля государства. Следовательно, это в первую очередь средство реализации государственной политики, которая зачастую вступает в противоречие с принципами естественного права. Следовательно, в практическом аспекте не может быть никакого естественно-позитивного права, а может быть лишь позитивное право, которое легализует определенный естественно-правовой минимум.

Это означает, что можно предложить следующую редакцию третьей ступени развития права: *на сегодняшний день естественное право и позитивное право самостоятельны и не могут образовывать единое целое в силу наличия собственных сущностных особенностей, принципов и источников происхождения. Позитивное право всегда, по крайней мере на минимальном уровне, легализует нормы естественного права, но не совпадает с ним, а в ряде случаев и вовсе расходится.*

* * *

По итогам изложенного заключаем следующее.

Естественное право, существовавшее еще в первобытной общине, представляло собой нормы обычного права, основанные на наиболее важных первобытно-общинных обычаях, прообразах нравственности и религии.

На догосударственном этапе оно не могло отождествляться с естественными и неотчуждаемыми правами человека, так как такое понимание возникло лишь в XVII веке.

Переход от первобытной общины к государству порождает не институт гражданства, а институт подданства, который ассоциируется не со свободой,

а с соответствием правового статуса человека его социальному происхождению и положению, что вполне сочетается с несвободой, неравенством и привилегиями.

С момента образования государства естественное право не затмевается позитивным правом, а получает свое законодательное закрепление в виде, соответствующем системе социальных ценностей и конкретно-исторической обстановке определенного общества.

На сегодняшний день естественное право и позитивное право самостоятельны и не могут образовывать единое целое в силу наличия собственных сущностных особенностей, принципов и источников происхождения. Позитивное право всегда, по крайней мере на минимальном уровне, легализует нормы естественного права, но не совпадает с ним, а в ряде случаев и вовсе расходится.

Список литературы

1. Алексеев В.П., Першиц А.И. История первобытного общества. М., 1990.
2. Варламова Н.В. Типология правопонимания и современные тенденции развития теории права. М., 2010.
3. Гоббс Т. Избранные произведения в 2 т. Т. 1. М., 1965.
4. История политических и правовых учений: учебник / под общ. ред. О.В. Мартышина. М., 2010.
5. Кашанина Т.В. Происхождение государства и права. Современные подходы и новые трактовки. М., 1999.
6. Локк Дж. Избранные философские произведения. М., 1960. Т. 2.
7. Мартышин О.В. Философия права. М., 2020.
8. Нравственность и право: реальность и перспективы взаимодействия: сборник научных трудов / отв. ред. В.М. Артемов, О.Ю. Рыбакова. М., 2019.
9. Шафиров В.М. Естественное-позитивное право (проблемы теории и практики): дис. ... докт. юрид. наук. Красноярск, 2005.
10. Шафиров В.М. Правопонимание: в науке, практике, образовании // Теория государства и права в науке, образовании, практике: монография. М.: ИД Юриспруденция, 2016.
11. Шершеневич Г.Ф. Определение понятия о праве. Казань, 1896.
12. Шершеневич Г.Ф. Социология: лекции. М., 1910.

РОЛЬ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА В КОНСТИТУЦИОННОМ КОНТРОЛЕ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Конституционный контроль представляет собой одну из форм государственной деятельности. Основная задача органов конституционного правосудия заключается в том, чтобы добиваться и обеспечивать конституционную законность, создавать на всей территории страны единое правовое пространство. Именно специализированные судебные органы обладают наибольшими системными и всесторонними полномочиями по контролю за созданием единого юридического поля. «Конституционный контроль нельзя рассматривать в границах всего лишь юрисдикционной деятельности, ведь его цель — обеспечение согласованности текущего законодательства и Конституции, а не только пресечение правонарушений» [1, с. 7]. Конституционный Суд, являясь специально уполномоченным органом конституционного контроля, самостоятельно и независимо от других ветвей власти защищает Конституцию, обеспечивая ее верховенство, непосредственное и прямое действие, укрепляет систему конституционного законодательства.

Ключевые слова: Конституция, верховенство конституции, Конституционный Суд, законодательство субъектов Федерации, конституционный контроль, правовая охрана, нормативные правовые акты, правосудие, судебная система, конституционные акты.

THE ROLE OF THE CONSTITUTIONAL COURT IN THE CONSTITUTIONAL CONTROL OF THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. Constitutional control is one of the forms of State activity. The main task of the constitutional justice bodies is to achieve and ensure constitutional legality, to create a unified legal space throughout Russia. It is the specialized judicial bodies that have the greatest systemic and comprehensive powers to control the creation of a unified legal space. «Constitutional control cannot be considered within the boundaries of just jurisdictional activity, because its purpose is to ensure the consistency of current legislation and the Constitution of the Russian Federation, and not only the suppression of offenses» [1, p. 7]. Constitutional The Court of the Russian Federation, being a specially authorized body of constitutional control, independently and independently of other branches of government protects the Constitution of the Russian Federation, ensuring its supremacy, direct and direct action, strengthens the system of constitutional legislation.

Keywords: *Constitution of the Russian Federation, supremacy of the Constitution, Constitutional Court of the Russian Federation, legislation of the subjects of the Russian Federation, constitutional control, legal protection, normative legal acts, justice, judicial system, constitutional acts.*

Становление института конституционного контроля в России шло по особому пути, учитывая форму государственного устройства и правления. Сначала функции конституционного контроля в 20-е годы XX столетия были возложены на судебные органы, затем в виде надзорных — на прокуратуру, причем параллельно с Конституцией страны был закреплен парламентский контроль, который носил предварительный характер. Первоначально данный институт довольно успешно развивался, но со временем в результате огосударствления всех общественных сфер, в том числе правовых наук, отношение к конституционному контролю изменилось.

Ученые и практики рассматривают различные причины создания специализированного судебного органа по правовой охране Конституции в Российской Федерации. Например, Т.Я. Хабриева выделяет 7 таких причин.

1. Особое положение Основного закона в правовой системе государства и необходимость его обеспечения.

2. В СССР и республиках конституции не воспринимались как непосредственно действующие правовые документы, что приводило к нарушениям на различных уровнях их реализации, в том числе конституционных прав и свобод граждан.

3. Реформирование российской государственности, сопряженное с развитием нормотворчества, резким увеличением количества законов и иных нормативных актов. «Препятствием к развитию инфляции законодательства может явиться Конституционный Суд, следящий за должным качеством законов». Здесь же стоит проблема ведомственного нормотворчества, заменяющего необходимость законодательного регулирования.

4. Распад СССР, усиление централизации федеральной власти приводили к нередким конфликтам между органами федеральными и региональными, государственными органами в сфере конституционно распределенной компетенции.

5. Учреждение Конституционного Суда согласуется с международными принципами правового государства.

6. Неудачный эксперимент функционирования Комитета конституционного надзора СССР.

7. Преимущества именно специализированной судебной охраны Конституции, исходя из зарубежного опыта конституционного контроля [2, с. 88–90].

Т.Г. Морщакова отмечает, что положительной стороной судебной процедуры разрешения вопроса о конституционности нормативных правовых актов является самостоятельное принятие судом решения

о неконституционности актов, который обращается с представлением об отмене к издавшим неконституционный акт органам. «Положение судебной власти как особой ветви власти в государстве исключает какую-либо ее зависимость от других государственных органов, в том числе и издавших противозаконный акт или принявших неконституционный закон. Судебная процедура, более чем какая-либо иная, гарантирует принятие правильного решения» [3, с. 50].

Для первого этапа становления конституционной юстиции в нашей стране характерна ускоренная конституционализация правовой системы. В связи с тем, что Конституционный Суд является основным элементом в системе судебной защиты конституционных прав и свобод человека, Закон «О Конституционном Суде РСФСР» включил положения о допустимости и приемлемости частных жалоб, которые должны были обеспечить появление конституционного правоприменения по конституционным правам и соответствующим обязанностям. В этих целях была избрана модель конституционного судопроизводства, доступная для граждан.

Как отмечает С.А. Авакьян, «конституционное правоприменение состоит в непосредственной реализации норм Конституции теми, кому они адресованы, а также запрете иных действий как данными, так и иными субъектами права» [4, с. 44].

В свою очередь, судебным правоприменением является деятельность судов по разрешению подведомственных им споров в рамках судебного разбирательства. От других видов правоприменительной деятельности данный вид отличается наличием специального субъекта — суда, который осуществляет правосудие в процессуальных формах [5, с. 44]. Основу судебного правоприменения составляют конституционно-правовые принципы и нормы, на основании и посредством которых происходит правовое регулирование общественных отношений. С помощью конституционных принципов и норм происходит распределение полномочий между законодательной, исполнительной и судебной ветвями власти, а также определяется порядок взаимоотношений между гражданином и государственными учреждениями [6, с. 51–52].

В 1994 году был принят федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»¹ (далее — Закон о Конституционном Суде), который по состоянию на 2021 год дополнен рядом полномочий по сравнению с предыдущим законом «О Конституционном Суде РСФСР».

По своей сути Конституционный Суд выступает органом конституционного контроля над правотворчеством всех органов государственной власти, в том числе субъектов Российской Федерации, осуществляя контроль в отношении законодательного процесса; полномочий и компетенции органов

¹ Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 01.07.2021) «О Конституционном Суде Российской Федерации». Собрание законодательства РФ, 25.07.1994, № 13, ст. 1447.

государственной власти; международных норм; правоприменительной практики; юридически значимых событий [7, с. 52–57]. Главная задача конституционного правосудия заключается в выполнении правозащитной функции.

Конституционный Суд разрешает дела о соответствии Конституции Российской Федерации (далее также — Конституция, Основной закон) конституций республик, уставов, а также законов и иных нормативных актов субъектов Федерации, изданных по вопросам, относящимся к ведению федеральных органов государственной власти и совместному ведению органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти субъектов Федерации, по запросам Президента, Совета Федерации, Государственной Думы², одной пятой сенаторов или депутатов Государственной Думы, Правительства, Верховного Суда Российской Федерации, органов законодательной³ и исполнительной власти⁴ субъектов Федерации.

Однако здесь возникает парадокс. Согласно статье 72 Конституции в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов находится обеспечение соответствия Основному закону конституций и законов республик в составе Российской Федерации, а в отношении других ее субъектов — не только их уставов и законов, но и иных нормативных актов. Таким образом, в обеспечении соответствия законодательных актов субъектов Федерации Конституции должны участвовать и региональные органы власти. Однако статья 125 Конституции говорит об обратном, то есть о том, что такое обеспечение осуществляется исключительно Конституционным Судом, а участие в этом процессе органов власти субъектов Федерации, в том числе конституционных (уставных) судов {с 2023 года — по всей видимости, конституционных (уставных) советов}, не предусматривается. Положения статьи 3 Закона о Конституционном Суде устраняют данное противоречие в пользу Конституционного Суда Российской Федерации.

² См., напр., Постановление Конституционного Суда РФ от 27.04.1998 № 12-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений ч. 1 ст. 92 Конституции Республики Башкортостан, ч. 1 ст. 3 Закона Республики Башкортостан «О Президенте Республики Башкортостан» (в ред. от 28.08.1997) и статей 1 и 7 Закона Республики Башкортостан «О выборах Президента Республики Башкортостан» по запросу Государственной Думы РФ о проверке нормативного акта субъекта РФ. Собрание законодательства РФ, 04.05.1998, № 18, ст. 2063.

³ См., напр., Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2012 № 19-П «По делу о проверке конституционности ч. 1 ст. 1, ч. 1 ст. 2 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» в связи с запросом Законодательного собрания Ростовской области. Собрание законодательства РФ», 30.07.2012, № 31, ст. 4470; Постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.1998 № 19-П «По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации» по запросу Законодательного Собрания Республики Карелия и Государственного Совета Республики Коми. Собрание законодательства РФ, № 25, 22.06.1998, ст. 3004.

⁴ См., напр., Постановление Конституционного Суда РФ от 06.12.2018 № 44-П «По делу о проверке конституционности Закона Республики Ингушетия «Об утверждении Соглашения об установлении границы между Республикой Ингушетия и Чеченской Республикой» и Соглашения об установлении границы между Республикой Ингушетия и Чеченской Республикой в связи с запросом Главы Республики Ингушетия» по запросу Президента Республики Ингушетия. Собрание законодательства РФ, 17.12.2018, № 51, ст. 8095.

В рамках существующего и развивающегося в России федерализма регионы бесспорно пользуются своим правом, предоставленным им Основным законом, формировать собственное законодательство. Однако нередки явления, когда нормативные правовые акты субъектов Федерации, имеющие высшую юридическую силу (конституции и уставы), не соответствуют федеральной Конституции и федеральным законам [8, с. 57]. И такие противоречия устраняются, в том числе волевым решением Конституционного Суда.

Конституция Российской Федерации и основные законы ее субъектов составляют единое правовое пространство. Вместе с тем как Федерации, так и ее субъектам присущи общие и особенные черты. К общим относятся статус Основного закона и его учредительный характер, при этом в одном случае — по отношению к Федерации в целом, в другом — только в отношении конкретного ее субъекта. Разница в этих правовых источниках заключается в юридической направленности, в особенности объекта регулирования, территории действия, процедуре принятия, пересмотра и изменения, в защите правового характера [9, с. 57].

На федеральном уровне устанавливаются отношения в сфере полномочий Федерации и федеральных органов государственной власти в области совместной компетенции. Основные законы субъектов Федерации регулируют правоотношения в соответствии с их объектами и компетенцией региональных органов государственной власти в сфере общего предмета ведения [10, с. 46].

При всем этом по юридической силе все же федеральная Конституция обладает верховенством по отношению к основным законам субъектов Федерации, которые в свою очередь обладают верховенством в системе регионального законодательства [11, с. 5], что также подтверждается судебной практикой. По смыслу ряда постановлений Конституционного Суда⁵ признание нормативного правового акта субъекта Федерации не соответствующим региональной конституции или уставу возможно в случае нарушения требований Основного закона.

⁵ См., напр., Постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.1999 № 12-П «По делу о проверке конституционности Федерального закона от 15 апреля 1998 года «О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации». Вестник Конституционного Суда РФ, № 5, 1999; Постановление Конституционного Суда РФ от 05.07.2001 № 11-П «По делу о проверке конституционности Постановления Государственной Думы от 28 июня 2000 года № 492-III ГД «О внесении изменения в Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» в связи с запросом Советского районного суда города Челябинска и жалобами ряда граждан». Вестник Конституционного Суда РФ, № 6, 2001; Постановление Конституционного Суда РФ от 23.04.2004 № 8-П «По делу о проверке конституционности Земельного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Мурманской областной Думы». Вестник Конституционного Суда РФ, № 4, 2004; Постановление Конституционного Суда РФ от 14.02.2013 № 4-П «По делу о проверке конституционности Федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобой гражданина Э.В. Савенко». Вестник Конституционного Суда РФ, № 4, 2013.

В Постановлении Конституционного Суда от 01.02.1996 № 3-П положение устава по отношению к иным актам региона было признано соответствующим федеральной Конституции, так как устав не устанавливает свое верховенство в отношении Конституции и федерального законодательства⁶. Отсюда следует, что Основной закон региона занимает высшее положение в иерархии нормативных правовых источников, принимаемых законодательным органом субъекта Федерации.

По данному поводу нам близка позиция Д.Л. Златопольского о том, что «высшая юридическая сила конституции субъекта Федерации относительна (так же, как и устава), а Конституции России — абсолютна, поэтому действие высшей юридической силы конституции республики распространяется только на республиканское законодательство» [12, с. 160].

Несмотря на главенствующее положение Конституции, все же она нарушалась рядом субъектов Федерации в их законодательной деятельности. Такие несоответствия были выявлены в уставах (конституциях) практически половины субъектов. В отношении некоторых несоответствий Конституционным Судом были приняты соответствующие решения о признании неконституционными отдельных положений основных законов субъектов Федерации⁷. Причем некоторые республики, достаточно долго отстаивая верховенство своей Конституции в правовой системе России, отказывались вносить изменения в нее согласно указаниям Конституционного Суда (Башкортостан, Татарстан, Чечня и др.). В таких случаях в обоснование своей позиции субъекты Федерации заявляли о приоритетности положений двусторонних договоров и Федеративного договора над нормами федеральной Конституции. Но к середине 2000-х годов многие основные законы регионов были приведены в соответствие с Конституцией Российской Федерации.

В настоящее время в конституционном законодательстве на федеральном и региональном уровнях несоответствия сохраняются. Этим и вызван поиск эффективных правовых методов и средств, способствующих выявлению и устранению коллизий в региональных основных законах и созданию механизма предварительного контроля, позволяющего предотвратить появление противоречий в законодательной системе субъектов Федерации [13, с. 250].

При разрешении несоответствий все же стоит учитывать вид общественных отношений, на которые направлено действие нормативных актов. По сфере отношений, регулирование которых относится к исключительному ведению Федерации или к совместному ведению Федерации и ее субъектов,

⁶ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 01.02.1996 № 3-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Устава — Основного Закона Читинской области». Вестник Конституционного Суда РФ. № 1. 1996.

⁷ См., напр., Определение Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 № 92-О «По запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке соответствия Конституции Российской Федерации отдельных положений конституций Республики Адыгея, Республики Башкортостан, Республики Ингушетия, Республики Коми, Республики Северная Осетия — Алания и Республики Татарстан». Собрание законодательства РФ, 17.07.2000, № 29, ст. 3117.

нормы Конституции и федерального законодательства обладают приоритетом. Следовательно, в случаях, касающихся подобных сфер, субъекты Федерации не вправе регулировать социальные отношения своим законодательством. Если последние возникают в системе исключительного ведения регионов, то необходимо применять, в первую очередь, их основные законы, независимо от наличия коллизий, возникающих с федеральными нормативными правовыми актами и иными актами субъектов Федерации.

Конституционный Суд также разрешает дела о соответствии Основному закону договоров между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Федерации, договоров между органами государственной власти субъектов Федерации.

Ранее согласно Закону о Конституционном Суде РСФСР Конституционный Суд разрешал дела исключительно о конституционности договоров, заключенных между субъектами Федерации. В настоящее время судебному рассмотрению подлежат и договоры в публично-правовой сфере, заключенные между органами законодательной и исполнительной власти Федерации и ее субъектов (договоры о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Федерации и органами государственной власти ее субъекта). Также внутрифедеративные договоры, заключаемые между органами законодательной или исполнительной власти Федерации и ее субъектов или двух и более субъектов Федерации; договоры в рамках конституционно-правовых отношений. Однако договоры имущественно-правового характера и договоры в области экономической деятельности Конституционный Суд рассматривать не полномочен.

Статьей 78 Конституции закрепляется еще один уровень договоров. Речь идет о праве федеральных органов исполнительной власти в рамках соглашения с органами исполнительной власти субъектов Федерации делегировать последним часть своих полномочий при условии, что это не противоречит Конституции и федеральному законодательству. В свою очередь органы исполнительной власти субъектов Федерации могут передать часть своих полномочий в рамках соглашения федеральным органам исполнительной власти [14, с. 32].

Отметим, что при разрешении дел, связанных с рассматриваемыми договорами и соглашениями, Конституционный Суд осуществляет последующий конституционный контроль, то есть контроль вступивших в законную силу актов.

При реализации предметов совместного ведения на практике большое значение имеет официальное толкование заключенных договоров и соглашений Конституционным Судом [15, с. 427], рядом постановлений которого предметы ведения Федерации и ее субъектов были проверены на конституционность и разграничены с учетом принципа федерализма⁸.

⁸ См., напр., Постановление Конституционного Суда РФ от 04.04.2002 № 8-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов

К одному из наиболее важных решений Конституционного Суда в современной российской модели разграничения предметов ведения и полномочий можно отнести Постановление № 1-П 1998 года⁹, в котором суд определил, что федеральный закон, являясь нормативным правовым актом общего действия, регулирующим вопросы совместного ведения, устанавливает соответствующие права и обязанности субъектов правоотношений, к которым относятся и полномочия органов государственной власти. В таком случае именно федеральный закон разграничивает полномочия, которые их и устанавливает. В связи с чем, по мнению Конституционного Суда, право законодательного регулирования предметов совместного ведения принадлежит все же Федеральному Собранию¹⁰.

Любые договоры и соглашения между субъектами Российской Федерации носят конституционный характер. Статья 66 Конституции закрепляет право отдельных регионов заключать договоры между ними по всем вопросам их взаимоотношений. В заключительных и переходных положениях Основного закона определяется его верховенство в случаях несоответствия договоров между органами государственной власти субъектов Федерации ее положениям. Конституция разрешает изменять границы субъектов Федерации только с их согласия, что подразумевает существование соглашения между ними, которое, чтобы вступить в законную силу, согласно статье 102 должно быть утверждено Советом Федерации [16, с. 53]. В этом положении видна роль Федерального Собрания в законодательном регулировании разграничения предметов ведения. На эту роль и указал Конституционный Суд, который в свою очередь рассмотрел несколько дел, связанных с соглашениями об изменении границы между субъектами Федерации на соответствие конституционным нормам¹¹.

Кроме вышеперечисленного, Конституционный Суд полномочен разрешать споры о компетенции между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти ее субъектов;

Российской Федерации» в связи с запросами Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) и Совета Республики Государственного Совета – Хасэ Республики Адыгея» // Собрание законодательства РФ, 2002. № 15. Ст. 1497; Постановление Конституционного Суда РФ от 12.04.2002 № 9-П «По делу о проверке конституционности положений статей 13 и 14 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина А.П. Быкова, а также запросами Верховного Суда Российской Федерации и Законодательного Собрания Красноярского края» // Собрание законодательства РФ, 2002. № 16. Ст. 1601.

⁹ Постановление Конституционного Суда РФ № 1-П от 09.01.1998 «По делу о проверке конституционности Лесного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 1998. № 3. Ст. 429.

¹⁰ См.: Заседание Консультативного совета председателей органов конституционного (уставного) контроля от 25.12.2000. URL: http://e-baikal.ru/news?record_id=20705/.

¹¹ См., напр., Постановление Конституционного Суда РФ от 06.12.2018 № 44-П «По делу о проверке конституционности Закона Республики Ингушетия «Об утверждении Соглашения об установлении границы между Республикой Ингушетия и Чеченской Республикой» и Соглашения об установлении границы между Республикой Ингушетия и Чеченской Республикой в связи с запросом Главы Республики Ингушетия». Вестник Конституционного Суда РФ», № 1, 2019.

между высшими государственными органами субъектов Федерации по ходатайству Президента, а также любого из участвующих в споре органов власти.

Современная теория конституционного правосудия насчитывает довольно большое разнообразие возникающих споров о компетенции, разрешаемых конституционными судами. Такие конфликтные ситуации можно классифицировать посредством различных критериев. В частности, по субъекту спора — на положительные и отрицательные. Положительные споры о компетенции возникают, когда два или более представителей власти полагают, что полномочны решать конкретный вопрос. Отрицательные споры о компетенции имеют место в случае отсутствия представителя власти, готового взять на себя ответственность за принятие решения в рамках конкретного вопроса.

* * *

Нельзя не согласиться с высказыванием Н.В. Витрука о том, что в рамках исполнения решений специализированного суда по конституционному контролю не только издаются новые нормативные акты, изменяются и дополняются действующие, но и пересматриваются конкретные судебные дела, по которым были вынесены решения на основе нормативных правовых актов, признанных в дальнейшем Конституционным Судом неконституционными, что вносит изменения в судебную практику по применению правовых положений. Постановления Конституционного Суда обязаны исполнять не только участники конституционного процесса, но и иные субъекты. Из этого следует, что в целях эффективной реализации актов Конституционного Суда целесообразно привлекать в этот процесс разные органы власти, находящиеся во взаимодействии. И здесь немалое значение имеют вопросы урегулирования подведомственности, подконтрольности, координации [17, с. 17].

Теоретическое исследование института судебного нормоконтроля свидетельствует об изменении, преобразовании и развитии данного института в особенности в последние годы. Однако некоторые вопросы правового регулирования еще нуждаются в совершенствовании.

Список литературы

1. Несмеянова С.Э. Понятие и структура конституционно-правового статуса органа государственной власти (на примере Конституционного Суда РФ) // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 7.
2. Хабриева Т.Я. Избранные труды: в 10 т. Т. 2: монографии. Содерж.: Конституционный контроль. Правовая охрана Конституции. Теория современной конституции. М., 2018. 448 с.
3. Морщакова Т.Г. Судебная реформа. М., 1990. 95 с.
4. Авакьян С.А. Конституционное правоприменение: некоторые проблемы теории и практики // Юридический вестник ДГУ. 2018. Т. 28. № 4.
5. Шупицкая О.Н. Реализация конституционных принципов в судебном правоприменении // Правоприменение. 2020. № 1.

6. Evans J.M. The principles of fundamental justice: the Constitution and the common law / J.M. Evans // *Osgoode Hall Law Journal*. 1991. Vol. 29, no. 1.
7. Королев Д.И. Конституционный Суд Российской Федерации как основной институт контроля над усмотрением законодателя: проблемы правовой и политической самостоятельности // *Конституционное и муниципальное право*. 2021. № 11.
8. Карасева Т.Н. Проблема устранения противоречий законодательных актов субъектов Российской Федерации Федеральному законодательству // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*. 2013. № 3(27).
9. Демин А.П. Проблемы приведения конституций и уставов субъектов РФ в соответствие с Конституцией РФ // *Российская юстиция*. 2020. № 5.
10. Ульихин В.С. Является ли конституция (устав) субъекта Российской Федерации законом? // *Государственная власть и местное самоуправление*. 2016. № 10.
11. Малиненко Э.В. Конституции республик Российской Федерации — основные источники права субъектов Российской Федерации (историко-правовой аспект) // *Юрист-правовед*. 2015. № 4(71).
12. Златопольский Д.Л. Верховный Совет СССР — выразитель воли советского народа. М., 1982. 280 с.
13. Жученко А.А. Способы обеспечения соответствия конституций республик федеральной Конституции // *Государственная власть и местное самоуправление*. № 1. 2001.
14. Гумашвили Л.Э. Теоретические основы правового регулирования предметов совместного ведения Российской Федерации и Чеченской Республики // *Конституционное и муниципальное право*. 2011. № 12.
15. Чурсина Е.В. Проблемы разграничения полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и ее субъектов по предметам совместного ведения // *15 лет Конституции Российской Федерации: проблемы теории и практики: Материалы Всероссийской научно-практической конференции 27–28 ноября. Часть 1. Махачкала*. 2008.
16. Степкин А.В. Как обойти конституционно-правовую норму: «пособие» для субъектов Российской Федерации // *Конституционное и муниципальное право*. 2018. № 1.
17. Витрук Н.В. Повышение эффективности действия и исполнения решений Конституционного Суда РФ // *Исполнение решений конституционных судов: Сборник докладов*. М., 2003.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕЗАКОННОЕ ОБРАЩЕНИЕ С ИЗБИРАТЕЛЬНЫМИ БЮЛЛЕТЕНЯМИ: ЗАРУБЕЖНАЯ ПРАКТИКА

***Аннотация.** В статье обобщается электоральная практика государств, законодательство которых особое внимание уделяет вопросам обращения избирателей с выданными им для голосования бумажными и в ряде случаев электронными избирательными бюллетенями, в том числе выдачи им нового избирательного бюллетеня взамен испорченного, а также установления ответственности за незаконное обращение с избирательными бюллетенями. Рассматриваются различные модели ответственности за незаконное обращение с избирательными бюллетенями и современная электоральная практика наложения на виновного избирателя. Определенный интерес представляет законодательство государств, предусматривающих привлечение виновного избирателя к ответственности в виде наложения штрафа в качестве меры наказания или профилактики, либо лишения свободы лица, виновного в совершении электорального преступления, в связи с незаконным использованием избирательных бюллетеней, на значительные сроки. Отмечается, что с целью обеспечения тайны голосования ряд государств предусматривает повышенную ответственность граждан не только за вынос, порчу или уничтожение избирательного бюллетеня, но также и за незаконное фотографирование, видеосъемку и публичную демонстрацию содержания избирательного бюллетеня. Законодательство подавляющего большинства стран регулирует вопросы выдачи избирателю нового бюллетеня взамен непредумышленно испорченного. В статье обобщается и анализируется современная электоральная практика, в рамках которой предусматривается ответственность избирателей, в том числе уголовная, за незаконное многократное голосование.*

***Ключевые слова:** бумажные и электронные избирательные бюллетени, ответственность, запрет, фотографирование, видеосъемка, законодательные модели ответственности.*

LIABILITY FOR UNLAWFUL TREATMENT WITH BALLOTS: FOREIGN PRACTICE

***Abstract.** The article summarizes the electoral practice of the states whose legislation pays special attention to the issues of voters' handling of paper and, in some cases, electronic ballots issued to them for voting, including the issuance of a new ballot to replace the spoiled one, as well as the establishment of liability for illegal handling of ballots. Various models*

ЛЫСЕНКО Владимир Иванович — главный советник отдела электронных ресурсов и издательской деятельности Российского центра обучения избирательным технологиям при Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, г. Москва

of responsibility for illegal handling of ballots and modern electoral practice of imposing on the guilty voter are considered. Of particular interest is the legislation of states that provide for bringing a guilty voter to justice in the form of a fine as a measure of punishment or prevention, or deprivation of liberty of a person guilty of committing an electoral crime in connection with the illegal use of ballots for a long time. It is noted that in order to ensure the secrecy of voting, a number of states provide for increased responsibility of citizens not only for the removal, damage or destruction of the ballot, but also for illegal photographing, video filming and public demonstration of the contents of the ballot. The legislation of the overwhelming majority of countries regulates the issuance of a new ballot to the voter to replace the unintentionally spoiled one. The article summarizes and analyzes the modern electoral practice, which provides for the responsibility of voters, including criminal liability, for illegal multiple voting.

Keywords: *paper and electronic ballots, liability, prohibition, photography, videography, legislative models of liability.*

Законодательство некоторых государств при проведении выборов особое внимание уделяет вопросам обращения и заполнения избирателями выданных им для голосования *бумажных* избирательных бюллетеней, в том числе нового (бумажного) бюллетеня взамен испорченного, а также установления ответственности за незаконное обращение с бюллетенями, которые являются документами строгой отчетности, обеспечивающими, в частности, реализацию одного из принципов избирательного права и избирательного процесса: «один избиратель — один голос».

В странах, где в соответствии с законодательством используются электронные избирательные бюллетени, указанных проблем практически не имеется, в том числе в части признания недействительных бюллетеней, либо погашения неиспользованных бумажных бюллетеней. Наблюдается тенденция перехода к небумажному (машинному или электронному) голосованию избирателей как к одному из магистральных направлений совершенствования избирательного процесса и процедуры голосования избирателей. Так, 26 апреля 2024 года Верховный суд Индии своим решением отклонил удовлетворение петиции об обязательном проведении повторного подсчета голосов избирателей, проголосовавших с помощью технических средств подсчета голосов с анонимным бумажным подтвердителем голоса избирателя — VVPAT (Voter Verifiable Paper Audit Trail), а также об использовании при голосовании (в качестве альтернативного способа) только бумажных избирательных бюллетеней, основывая свое решение на многократно подтвержденной достоверности машинного (электронного) голосования избирателей [1].

С целью обеспечения сохранения тайны голосования законодательство ряда государств устанавливает ответственность граждан за *незаконное фотографирование и публичную демонстрацию содержания заполненного бюллетеня, в том числе электронного бюллетеня*. Закон предусматривает привлечение виновного избирателя к ответственности в виде наложения штрафа, а также лишения свободы по приговору суда на срок до 10 лет (ЮАР).

В отдельных государствах введено наложение на виновного избирателя, в частности, штрафа за *вынос из помещения избирательного участка незаполненного бюллетеня, либо за его умышленную порчу, повреждение или уничтожение* (Беларусь, Индия, Ирландия, Литва, Молдова, Нигерия, Словакия, Эстония), либо привлечение к уголовной ответственности в виде лишения свободы за изготовление и распространение фальсифицированных бюллетеней для голосования (Исландия), либо за распространение недостоверной информации об их использовании (Таиланд).

Закон предусматривает *значительные сроки лишения свободы лица*, виновного в совершении электорального преступления с незаконным использованием бюллетеней — до одного года (Индия) и сроком свыше 10 лет (Нигерия).

В подавляющем большинстве государств вопросы выдачи избирателю нового избирательного бюллетеня взамен испорченного регулируются законом, в некоторых из них закрепляется ответственность избирателя за незаконное получение нового бюллетеня взамен испорченного (отдельные штаты США) [2].

Есть страны, в которых зафиксирована ответственность за незаконное многократное голосование избирателей, в том числе уголовная ответственность (Армения, Болгария, Ирландия, Киргизия, Молдова, Оман, Румыния, Таджикистан, Турция, Хорватия).

В некоторых государствах отдельные участники выборов, а также средства массовой информации призывали избирателей — *в знак политического и электорального протеста* — голосовать незаполненными избирательными бюллетенями (Монголия).

Законодательство отдельных стран прямо не обозначает ответственность организаторов выборов за изготовление и выдачу избирателям для голосования фактически недействительных бюллетеней, когда организаторами выборов изготавливаются и выдаются избирателям для голосования бюллетени с включением в них фамилий и имен, а также иных сведений *о фактически незарегистрированных кандидатах*, то есть о лицах, снявших свои кандидатуры, либо регистрация которых была отменена, о чем в избирательных бюллетенях не содержится соответствующей видимой и ясной информации (Португалия) [1]. Как показывает электоральная практика, в некоторых регионах мира при проведении выборов возрастает число случаев незаконного обращения избирателей и иных участников избирательного процесса с избирательными бюллетенями, что в ряде случаев ставит под сомнение целостность и легитимность результатов выборов.

* * *

В рамках *модели установления ответственности избирателей за незаконное обращение с избирательными бюллетенями* (Беларусь, Индия, Ирландия, Исландия, Литва, Молдова, Нигерия, Оман, Словакия, США — отдельные

штаты, Таиланд, Эстония) в **Беларуси** в статье 52 Избирательного кодекса закреплен запрет на вынос выданного избирательного бюллетеня за пределы помещения для голосования. За нарушение указанного законодательного положения предусмотрено наложение на виновное лицо штрафа в размере до 15 базовых величин или до 630 белорусских рублей.

В **Индии** лицо, которое на любых выборах берет или пытается вынести избирательный бюллетень с избирательного участка, либо умышленно помогает или подстрекает к совершению подобного действия, наказывается лишением свободы на срок до одного года, либо штрафом до пятисот рупий, либо и тем, и другим.

При этом если у председателя избирательного участка есть основание полагать, что кто-то совершает или совершил указанное электоральное преступление, то до того, как нарушитель покинет избирательный участок, он может задержать его, направить полицию арестовать такое лицо, обыскать лично или потребовать от сотрудника полиции обыскать его. Избирательный бюллетень, обнаруженный у задержанного при обыске, передается на ответственное хранение полиции.

В **Ирландии** в соответствии с частью XXII Закона о выборах 1992 года гражданин считается виновным в совершении преступления, если он умышленно и без законных полномочий забирает с собой или уничтожает как бюллетени, использованные при голосовании, так и любой неиспользованный бюллетень.

Гражданин считается виновным в совершении преступления, если злонамеренно уничтожает, рвет, портит, фальсифицирует бюллетень, ставит официальную отметку на нем, либо без законных оснований выносит его из помещения для голосования. В порядке упрощенного судопроизводства виновник может быть оштрафован на не более 1000 фунтов стерлингов, или по усмотрению суда приговорен к тюремному заключению на срок до 6 месяцев, либо к штрафу и тюремному заключению одновременно, а в случае осуждения по обвинительному акту (приговору) — к штрафу в размере не более 2500 фунтов стерлингов, или к тюремному заключению на срок до 2 лет, либо одновременно и к такому штрафу, и к тюремному заключению.

В **Литве** в соответствии с пунктом 7 статьи 135 Избирательного кодекса избирателям запрещается выносить избирательные бюллетени и конверты для голосования или передавать их другим лицам.

В **Молдове** статья 79 Кодекса о выборах запрещает вынос выданного для голосования бюллетеня из помещения избирательного участка.

В **Нигерии** по статье 118(3) Закона о выборах 2010 года лицо, незаконно завладевшее избирательным бюллетенем, либо осуществившее его незаконное изготовление, подлежит привлечению к ответственности в виде наложения штрафа в размере 50 000 000 нигерийских найр, либо лишению свободы на срок не менее 10 лет, либо одновременно наложению штрафа и лишению свободы.

В **Омане** при проведении парламентских выборов вынос избирателем бюллетеня из помещения для голосования законодательно запрещен.

Кроме того, законодательством предусмотрена ответственность председателя, секретаря и членов избирательной комиссии, а также лиц, привлеченных к подготовке и проведению парламентских выборов, если они умышленно или неумышленно совершили завладение, сокрытие или порчу избирательного документа, включая избирательные бюллетени, что нанесло ущерб избирательному процессу.

В **Словакии** в соответствии с рекомендациями БДИПЧ ОБСЕ, содержащимися в Итоговом отчете о международном наблюдении на парламентских выборах 2010 года, при проведении парламентских и президентских выборов законодательно запрещен вынос неиспользованного бюллетеня, нарушение запрета влечет наложение штрафа в размере 33 евро.

Так, при проведении 5 марта 2016 года очередных парламентских выборов Министерство внутренних дел Словакии проинформировало избирателей, что в связи с обновлением законодательства запрещен вынос неиспользованного бюллетеня с избирательного участка. Его следовало опустить в специальный стационарный ящик с надписью «Для неиспользованных избирательных бюллетеней». Но поскольку ящики для голосования и ящики для неиспользованных бюллетеней имели практически идентичный вид и в некоторых случаях размещались в непосредственной близости друг от друга, возникла путаница: нередко и заполненные, и неиспользованные бюллетени опускались не в тот ящик.

В итоге БДИПЧ ОБСЕ было рекомендовано сделать на ящиках отчетливые и видимые надписи и не располагать их в непосредственной близости друг от друга. При проведении 30 сентября 2023 года досрочных парламентских выборов законодательство по-прежнему запрещало вынос избирателями незаполненных бюллетеней из помещений для голосования участковых избирательных комиссий и устанавливало их обязательное опускание в специальный стационарный ящик. Однако, как отмечалось в Итоговом отчете БДИПЧ ОБСЕ, члены участковых избирательных комиссий не всегда осуществляли надлежащий контроль за выполнением избирателями указанной электоральной обязанности.

В **США** в законодательстве штата Нью-Мексико закреплено положение о том, что никто не имеет права выносить бумажный бюллетень с любого избирательного участка, если это не разрешено законом¹.

¹ В США в соответствии с федеральным и штатным законодательством голосование избирателей с помощью так называемого условного избирательного бюллетеня допускается в случаях, если у избирателя нет при себе или вообще надлежащего удостоверения личности, регистрационные данные о голосующем не были им изменены после смены места жительства или фамилии, избиратель пришел не на свой избирательный участок или кто-либо оспаривает право избирателя голосовать.

Закон 2002 года устанавливает, что условные избирательные бюллетени должны выдаваться избирателям, которые считают себя зарегистрированными, но по прибытии на участок не обнаружили своего имени в списке избирателей; или в случае, если сотрудник избирательной комиссии принимает решение

В **Эстонии** в соответствии со статьей 73³ Закона о парламентских выборах нарушение запрета на вынос избирательного бюллетеня из комнаты для голосования избирательного участка влечет наложение штрафа в размере до 20 штрафных единиц [3].

В **Исландии** статьей 137 Закона о парламентских выборах установлено, что лицо, изготавливающее и (или) распространяющее для целей голосования фальсифицированные (до степени смешения с подлинными) избирательные бюллетени, подлежит привлечению к уголовной ответственности в виде лишения свободы на срок до четырех лет.

В **Таиланде** при проведении 24 марта 2019 года парламентских выборов за распространение в Facebook* «фейковой» информации (в частности, постов о якобы 600 000 фиктивных избирательных бюллетенях, использованных при подсчете голосов) 9 человек были привлечены к уголовной ответственности в виде лишения свободы до пяти лет и наложения штрафа в размере 3100 долларов США. Указанные лица были осуждены в соответствии с положениями нового Закона «О компьютерных преступлениях».

* * *

В рамках модели установления ответственности избирателей за незаконное фотографирование и публичную демонстрацию содержания заполненного избирательного бюллетеня, в том числе электронного бюллетеня законодательство ряда государств при проведении президентских, парламентских и иных выборов допускает фото- и видеофиксацию хода голосования и подсчета голосов избирателей (Боливия) [2]. При этом в некоторых странах напротив законодательно либо в иной форме запрещено снимать или фотографировать ход голосования и подсчета голосов избирателей, а также использовать мобильные телефоны в помещениях для голосования,

о том, что данный избиратель не имеет права голоса. Закон гласит, что подсчет условных избирательных бюллетеней может осуществляться только после завершения дня голосования, когда будет выяснено, находился ли избиратель в правильной юрисдикции. Также по закону избиратель может узнать (через систему свободного доступа), был ли учтен его бюллетень при подсчете и если нет, то по какой причине.

При этом избиратель подписывает декларацию о том, что имеет право принимать участие в голосовании и не проголосовал на каком-либо ином избирательном участке. Условные избирательные бюллетени признаются действительными только в случае, если в установленный в штате срок после голосования избиратель представит в избирательную комиссию необходимый документ или иное подтверждение своего избирательного права.

Так, в Висконсине и Вирджинии избиратели, не имеющие надлежащего удостоверения в день выборов и проголосовавшие условно, для того, чтобы их голоса были засчитаны, могут предъявить нужный документ до пятницы, следующей за днем выборов; в Пенсильвании на это дается шесть дней, а в Огайо — 10 дней, во Флориде избиратель, прибывший на участок без соответствующего документа, должен расписаться на конверте для условного бюллетеня, потом избирательные органы будут сличать эту подпись с подписью в списке зарегистрированных избирателей. Подсчет условных избирательных бюллетеней занимает — в соответствии с законодательством штатов — от двух (Флорида) до 35 дней (Калифорния). При этом установлена ответственность лица за незаконное голосование с использованием условного бюллетеня.

* Facebook — социальная сеть, принадлежащая компании Meta, признанной экстремистской организацией, запрещенной в Российской Федерации.

кабинах для тайного голосования с тем, чтобы *не допустить виртуальный вынос избирательного бюллетеня (бумажного либо электронного) и обеспечить тайну голосования* (Беларусь, Бразилия, Бутан, Великобритания, Канада, Мальдивы, Молдова, Монголия, Нидерланды, Новая Зеландия, Сан-Марино, Сербия, США, Фиджи, Финляндия, ФРГ, ЮАР) [1].

В **Беларуси** в соответствии со статьей 52 Избирательного кодекса запрещается осуществлять фото- и видеосъемку заполненного избирательного бюллетеня. При проведении 26 января 2025 года очередных выборов Президента Беларуси в избирательный бюллетень по решению ЦИК Беларуси впервые включена информация о том, что этот запрет является правонарушением и карается штрафом в размере до 15 базовых величин или до 630 белорусских рублей.

В **Молдове** статья 79 Кодекса о выборах не допускает фотографирование или намеренную публичную демонстрацию заполненного избирательного бюллетеня.

В ряде государств избирателям запрещено брать с собой в кабины для голосования мобильные телефоны или технические устройства для фотографирования или передачи мобильных данных (Австралия, Монголия, Сан-Марино, Сербия, ФРГ), при этом аналогичный запрет имеется в странах, где голосование производится исключительно с использованием технических средств подсчета голосов (Бразилия).

В отдельных странах проведение видео- и фотосъемки, использование мобильных устройств, в том числе мобильных телефонов в процессе голосования и подсчета голосов избирателей законодательно запрещено, однако корреспондирующая административная либо уголовная ответственность не установлена (Украина).

В ряде стран аналогичные деяния запрещены и признаются *административными правонарушениями* или *преступлениями* (Бразилия, Великобритания, Канада, Новая Зеландия, Филиппины, ЮАР и отдельные штаты США — Айова, Алабама, Аризона, Западная Вирджиния, Джорджия, Иллинойс, Мэриленд, Мичиган, Невада, Нью-Джерси, Нью-Йорк, Огайо, Северная Каролина, Теннесси, Техас, Флорида, Южная Дакота, Южная Каролина).

В **Великобритании** во время досрочных парламентских выборов 12 декабря 2019 года не разрешалось снимать электоральное селфи на мобильный телефон. Избирательная комиссия страны уведомила граждан, что данный запрет связан с недопущением вольного или невольного нарушения тайны голосования любого избирателя, находящегося на участке. Кроме того, избирательная документация участковых избирательных органов содержит конфиденциальную информацию (например, персональные сведения об избирателях). Поэтому во всех помещениях избирательных участков, помеченных запрещающими надписями и пиктограммами (в том числе кабинках для тайного голосования) действовал запрет на фотосъемку.

За нарушение указанного запрета виновное лицо удаляется из помещения для голосования и получает штраф в размере 5000 фунтов либо лишение свободы на срок до шести месяцев.

Акт о парламентских выборах **Канады** устанавливает, что *демонстрация заполненного избирательного бюллетеня является незаконной*. Ведомство по выборам Канады рекомендует избирателям делать селфи за пределами помещения для голосования и предупреждает о недопустимости фотографирования заполненного избирательного бюллетеня.

При проведении парламентских выборов 18 октября 2019 года Ведомство разместило на своем сайте напоминание избирателям об этом запрете. Кроме того, не разрешается проносить с собой какие-либо записывающие технические средства (например, видео- и фотокамеры).

За соблюдением указанных требований следит контролер (здесь в одном общем пространстве находятся помещения для голосования избирателей нескольких избирательных участков; контролер назначается окружным руководителем выборов для координации их работы). В случае если кто-либо фотографирует в помещении для голосования, контролер вправе сделать замечание и попросить нарушителя удалить незаконно сделанные снимки.

В случае *намеренного* нарушения вышеуказанных положений виновное лицо может быть оштрафовано на 5000 канадских долларов, либо привлечено к ответственности в виде лишения свободы на срок до шести месяцев, также нарушитель может быть наказан лишением свободы со штрафом.

В **Новой Зеландии** при проведении парламентских выборов законодательство запрещает делать электоральное селфи. Ограничение распространяется на фотографирование в помещениях для голосования, в том числе в кабинках для тайного голосования, избирательных участках за три дня до дня голосования на парламентских выборах (т.е. при проведении досрочного голосования), а также в день голосования. На лиц, виновных в нарушении законодательства, может быть наложен штраф в размере 20 000 новозеландских долларов.

В **США**, если в большинстве штатов за электоральное селфи (самофотографирование на мобильный телефон или иное устройство, в том числе содержания избирательного бюллетеня) может быть наложен штраф, то в Иллинойсе за эти действия виновнику грозит срок от одного до трех лет.

В штате Огайо законодательство в течение многих лет запрещает фотографирование и передачу для всеобщего сведения (обнародования) в какой-либо форме заполненного избирательного бюллетеня. Виновных могут оштрафовать, либо привлечь к уголовной ответственности в виде лишения свободы.

На **Филиппинах** перед проведением выборов 9 мая 2016 года Избирательная комиссия страны дополнительно проинформировала граждан о запрете использования в помещениях для голосования мобильных телефонов для фотографирования процесса голосования, в том

числе избирательных бюллетеней (т.е. избиратель вправе иметь при себе мобильный телефон, но не должен использовать его для фотосъемки). Фотографирование избирательных бюллетеней рассматривается в качестве одного из элементов механизма подкупа избирателей, неправомерного воздействия на их свободное волеизъявление.

На этой основе электоральные селфи избирателей с заполненными бюллетенями запрещены. За неправомерное фотографирование виновному лицу грозит срок лишения свободы от одного года до шести лет, а также запрет на право занимать должности на государственной службе. Кроме того, такие избиратели лишаются активного избирательного права.

При проведении указанных выборов Избирательная комиссия Филиппин инициировала привлечение к ответственности девяти зарубежных филиппинских избирателей², которые снимали электоральные селфи (с демонстрацией избирательных бюллетеней) при голосовании с помощью открепительного удостоверения (голосование таких избирателей проводилось в течение одного месяца до дня проведения общего голосования на выборах).

В ЮАР законодательство о выборах предусматривает запрет на электоральные селфи. При проведении выборов Избирательная комиссия страны выступает с соответствующими заявлениями, разъясняя, что в случае не соблюдения законодательной нормы виновное лицо может быть привлечено к уголовной ответственности в виде лишения свободы от одного года до 10 лет [6].

В итоговых отчетах некоторых миссий международных наблюдателей содержались рекомендации о необходимости внесения в законодательство положений о запрете внесения избирателем в кабину для тайного голосования мобильного телефона, фото- и видеокамеры, иных технических средств (Восточный Тимор). В отдельных государствах центральные избирательные органы принимают *организационные решения о создании условий для недопущения фотографирования избирателями заполненных избирательных бюллетеней* (Босния и Герцеговина).

В Боснии и Герцеговине при проведении очередных всеобщих выборов 2 октября 2022 года Центральная избирательная комиссия приняла решение о том, что находящиеся в помещении для голосования столы-места, оборудованные стенками-экранами (так называемые индивидуальные настольные кабинки для голосования) для заполнения избирательных бюллетеней, должны своей открытой частью располагаться к столу членов участковой избирательной комиссии и наблюдателей таким образом, чтобы тайна голосования не была нарушена, а избиратель не мог незаметно использовать какие-либо технические средства для фотографирования заполненного избирательного бюллетеня.

² Такие избиратели голосовали во Вьетнаме, Брунее, Гонконге, Испании, Лаосе, Объединенных Арабских Эмиратах, Сингапуре. Всего при проведении указанных выборов было зарегистрировано около 230 000 зарубежных филиппинских избирателей.

В рамках модели законодательного регулирования вопросов выдачи избирателю нового избирательного бюллетеня взамен испорченного законодательство, как правило, закрепляет положение о том, что бюллетень должен содержать разъяснение о порядке его заполнения [4, с. 22–28]. Данная информация должна находиться в начале текста бюллетеня перед сведениями об участниках выборов и месте проставления отметки о выборе избирателя (Азербайджан, Армения, Беларусь, Грузия, Киргизия, Литва, Узбекистан). При этом законодательство ряда государств, наоборот, не предусматривает размещение в избирательном бюллетене информации о порядке его заполнения (Великобритания, Латвия, Туркмения).

В случае совершения ошибки при заполнении бумажного бюллетеня в ряде государств возможна выдача избирателю нового бюллетеня взамен испорченного (Австралия, Австрия, Азербайджан, Андорра, Армения, Бангладеш, Беларусь, Великобритания, Греция, Исландия, Италия, Канада, Киргизия, Латвия, Литва, Мальта, Молдова, Намибия, Папуа Новая Гвинея, Словения, США – отдельные штаты, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан, Украина, Финляндия, Черногория, Чехия, Эстония) [2]. Так, в соответствии со статьей 102 Закона о выборах в Намибии избиратель может вернуть члену участкового избирательного органа неумышленно испорченный им избирательный бюллетень и получить взамен него новый избирательный бюллетень. При этом член участкового избирательного органа изымает у избирателя испорченный избирательный бюллетень, убеждается в непредумышленном характере его порчи, делает на испорченном избирательном бюллетене и на корешке книги выдачи избирательных бюллетеней отметку о выдаче избирателю нового избирательного бюллетеня взамен испорченного и проставляет и там, и там отметку «испорченный».

Избирательные системы некоторых стран предусматривают процедуру голосования с вкладыванием избирателем заполненного бюллетеня в специальный электоральный конверт перед опусканием его в ящик для голосования. Также соответственным образом закреплено право избирателя не только на получение как нового (взамен испорченного) избирательного бюллетеня, так и другого конверта (Грузия, Латвия).

В отдельных государствах зафиксирована возможность выдачи избирателю нового бюллетеня взамен испорченного в помещении для голосования избирательного участка, а при соблюдении соответствующего порядка возвращения испорченного бюллетеня и иных избирательных документов (материалов) – и в случае голосования избирателя по почте (Великобритания, США), в том числе при проведении досрочного голосования [5, с. 47–49].

В отдельных странах в законодательстве особо оговаривается, что выдача избирателю нового избирательного бюллетеня взамен испорченного может быть произведена только *один раз* (Венгрия, Кипр, Молдова, Украина), либо *не более двух раз* (США – отдельные штаты).

Ряд законодательств *прямо* не закрепляют право избирателя на замену испорченного избирательного бюллетеня новым избирательным бюллетенем (Казахстан, Мальдивы, Швеция)³.

В отдельных странах при проведении выборов выдача избирателю нового избирательного бюллетеня взамен испорченного не допускается, — законодательство прямо и ясно запрещает совершение данного электорального действия (Польша, Турция, Филиппины) [1].

Некоторые государства закрепляют ответственность избирателя за незаконное получение нового избирательного бюллетеня взамен испорченного (США — отдельные штаты).

В США в соответствии с законодательством штатов при проведении голосования, в том числе по почте, избирателю может быть выдан новый избирательный бюллетень взамен испорченного (Виргиния, Канзас, Техас).

Для получения нового избирательного бюллетеня взамен испорченного избиратель, принимающий участие в голосовании по почте, должен не позднее окончания официального времени голосования на соответствующих выборах подать в избирательный орган лично, либо по почте или в электронном виде заявление в установленной форме (Монтана).

В Монтане в соответствии с законодательством в заявлении избиратель должен указать, что при заполнении избирательного бюллетеня он совершил ошибку, либо сообщить о повреждении бюллетеня. Также в заявлении он *подтверждает, что осознает юридическую ответственность за многократное голосование, в том числе с использованием нового избирательного бюллетеня, выданного ему взамен испорченного.*

* * *

В рамках модели законодательного закрепления ответственности за незаконное многократное голосование законодательство отдельных государств предусматривает административную или уголовную ответственность (Ирландия, Оман).

³ В частности, законодательство ряда государств закрепляет процедуру голосования избирателей, в рамках которой избиратель самостоятельно берет со стола или специального стенда участкового избирательного органа необходимое количество избирательных бюллетеней, один из которых вкладывается избирателем в кабине для голосования в специальный конверт и, по выходу из кабины, опускается в ящик для голосования; остальные бюллетени выбрасываются в мусорную корзину, установленную в кабине для голосования. На этой основе законодательство не предусматривает закрепления положений и процедуры получения избирателем нового избирательного бюллетеня взамен испорченного.

Так, в Швеции при проведении парламентских выборов избиратели заполняют бюллетени в кабинках для голосования, вкладывая в электоральный конверт с прорезью листок с отпечатанным наименованием политической партии (избирательный бюллетень) и *через сотрудника участкового избирательного совета* опускает конверт в стационарный ящик для голосования; остальные избирательные бюллетени, которые избиратель взял со стола участкового избирательного органа, выбрасываются в мусорную корзину кабины для голосования. В США при проведении 8 ноября 2022 года промежуточных выборов в Конгресс США около 30 процентов избирателей не должны были заполнять избирательные бюллетени вручную, они голосовали при помощи технических средств (в штатах Арканзас, Делавэр, Джорджия, Южная Каролина, Луизиана) и, следовательно, для них процедура выдачи нового избирательного бюллетеня взамен испорченного законодательством была не предусмотрена.

В **Ирландии** многократное голосование избирателя является уголовным преступлением.

В **Омане** предусмотрена ответственность, в том числе уголовная, за совершение ряда электоральных правонарушений, в том числе за двойное (многократное) голосование. Лица, виновные в совершении подобного рода преступлений, подвергаются наказанию в виде лишения свободы на срок от 10 дней до одного года и (или) наложению штрафа в размере от 1000 до 4000 оманских риалов.

* * *

В некоторых странах при проведении выборов отдельные их участники, а также некоторые средства массовой информации призывали избирателей в знак политического и электорального протеста проголосовать незаполненными избирательными бюллетенями, опуская их в ящики для голосования без проставления в них каких-либо отметок (Монголия).

В **Монголии** при проведении очередных президентских выборов 26 июня (первый тур) и 7 июля (второй тур) 2017 года отдельные участники, а также СМИ (в частности, телерадиовещательная организация «TV 9») под видом проведения предвыборной агитации призывали избирателей в знак политического и электорального протеста проголосовать во втором туре президентских выборов с помощью незаполненных избирательных бюллетеней.

Такая «предвыборная агитация» сопровождалась «разъяснениями» о том, что ни один из двух кандидатов, вышедших во второй тур голосования, не сможет получить 50 процентов и более действительных голосов избирателей, принявших участие в голосовании и, кроме того, явка избирателей будет также ниже 50 процентов. В этом случае, по мнению организаторов «агитационной кампании», президентские выборы будут признаны несостоявшимися, что способствовало бы назначению новых выборов.

Однако, по закону незаполненные избирательные бюллетени учитываются при определении числа избирателей, принявших участие в голосовании. Таким образом, участники указанной акции получили противоположный эффект: явка избирателей, наоборот, возросла на число незаполненных избирательных бюллетеней, опущенных в ящики для голосования в знак протеста. Ко всему прочему в Монголии явка избирателей не закреплена в законодательстве в качестве одного из оснований признания президентских выборов состоявшимися.

В первом туре в ящиках для голосования оказалось 18 663 незаполненных избирательных бюллетеня (1,37%); во втором туре их число выросло почти в четыре раза и составило 99 494 (8,24%).

По законодательству подобная «предвыборная агитация» противоправна, поскольку она и юридически, и фактически была направлена на воспрепятствование свободному участию избирателей в голосовании и их

волеизъявлению. А в таком случае законодательство предусматривает применение мер в том числе уголовной ответственности.

* * *

Законодательство отдельных стран прямо не устанавливает ответственность организаторов выборов *за изготовление и выдачу избирателям для голосования фактически недействительных избирательных бюллетеней* (Индонезия, Португалия).

Так, в **Индонезии** при проведении 5 апреля 2004 года выборов 550 депутатов Палаты представителей (было зарегистрировано 7800 кандидатов, выдвинутых 24 политическими партиями) избирательный бюллетень в соответствующем многомандатном избирательном округе (было образовано 33 таких избирательных округа, соответствующих административным границам провинций) был таким длинным, что не все избиратели смогли правильно его заполнить и, в конечном счете, 10 986 624 избирательных бюллетеня были признаны недействительными.

Таким образом, формат избирательного бюллетеня в определенных случаях может являться одной из причин его неправильного заполнения избирателями, а значит признания недействительным.

В **Португалии** при проведении очередных президентских выборов 24 января 2021 года были изготовлены и выданы для голосования избирательные бюллетени с включением в них фамилий и имен, а также иных сведений о фактически незарегистрированных кандидатах на должность президента Португалии (т.е. лиц, которые сняли свои кандидатуры либо регистрация которых была отменена, о чем в избирательных бюллетенях не содержалась соответствующая видимая и ясная информация) [3].

В избирательный бюллетень было включено 8 кандидатов на должность президента, тогда как было зарегистрировано только 7 кандидатов. Как ни странно, в Итоговом отчете БДИПЧ ОБСЕ данная «электоральная оплошность» организаторов президентских выборов была охарактеризована всего лишь как факт, который мог ввести в заблуждение избирателей. В отдельных государствах в случае опасности, угрожающей целостности избирательных бюллетеней и избирательного процесса в целом, может быть принято решение о приостановке голосования избирателей и, в частности, о его возобновлении только в случае устранения указанных обстоятельств.

Так, в Индии законодательством предусмотрено, что в случае, когда избирательные бюллетени утрачены, похищены, уничтожены или иным образом повреждены, Уполномоченный по выборам представляет отчет о случившемся в Избирательную комиссию страны, которая после исследования всех обстоятельств происшедшего останавливает процедуру подсчета голосов избирателей, аннулирует голоса и назначает дату, время и место проведения нового голосования; либо, если придет к выводу, что проведение нового голосования никак не повлияет на результаты выборов, издает

приказ о возобновлении процедуры подсчета голосов и опубликовании результатов выборов.

На период приостановления голосования по каким-либо причинам все материалы по выборам печатаются, и ответственность за их неприкосновенность несет Уполномоченный по выборам.

Список литературы

1. Избирательное законодательство и выборы в современном мире. Европейско-Азиатский регион / В.И. Лысенко; под общей ред. В.Е. Чурова; Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. Вып. 4. М., 2015. 1344 с.
2. Международные избирательные стандарты: Сборник документов и материалов: Выпуск пятый // Отв. ред.: кандидат юридических наук И.Б. Борисов и доктор юридических наук В.И. Лысенко. М.: Российский общественный институт избирательного права, 2017. 1440 с.
3. Современные избирательные системы. Вып. 17: Португалия, Турция, Эстония / В.А. Автономов, В.А. Оленченко, А.И. Сбитнева; науч. ред. В.И. Лафитский. М.: РЦОИТ, 2022. 400 с.
4. Гетьман Л.С. Недействительность избирательного бюллетеня: законодательство и судебная практика // Избирательное право и правосудие. Иркутск, 2008. № 2. С. 22–28.
5. Мармилова Е.П. Пустое и испорченное голосование и его влияние на институт выборов // Выборы: теория и практика. Рязань, 2017. №3. С. 47–49.
6. Spoilt Ballots. The Elections that Shaped South Africa. From Shaka to Cyril // Matthew Blackman and Nick Dall. Penguin Random House South Africa. 2022. 400 с.

Н.В. ПЕРЕВЫШИН

SMM-ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КОМИССИЙ (на примере социальной сети «ВКонтакте»)

***Аннотация.** В статье на основе анализа 24 пабликов избирательных комиссий субъектов Российской Федерации в социальной сети «ВКонтакте» исследована практика применения SMM-технологий в целях создания положительного имиджа избирательных комиссий, сформулированы рекомендации по улучшению качества контента в социальных сетях. Представлено значение формирования положительного имиджа системы избирательных комиссий.*

***Ключевые слова:** выборы, гражданское общество, политическая коммуникация, сетевые сообщества, новые медиа, социальные медиа.*

SMM-TECHNOLOGIES FOR FORMING THE IMAGE OF ELECTORAL AUTHORITIES IN SOCIAL NETWORKS (on the example of VK)

***Abstract.** Based on the analysis of 24 publications of election commissions of the subjects of the Russian Federation on the VK social network, the article examines the practice of using SMM technologies in order to create a positive image of electoral authorities, and makes recommendations for improving the quality of content on social networks. The importance of forming a positive image of the electoral commission system is presented.*

***Keywords:** elections, civil society, political communication, online communities, new media, social media.*

В настоящее время Интернет представляет собой главную коммуникативную площадку, становясь основным средством трансляции информации для массового потребителя. Ключевой особенностью глобальной сети как информационного пространства является высоко конкурентная среда, где получение широкого охвата аудитории становится более сложной задачей по сравнению с распространением информации по телевидению, радио или в печатных СМИ с ограниченным количеством конкурентов в соответствующей сфере телерадиовещания и печати.

Социальные сети прочно вошли в политическую систему России как эффективные площадки для массовых коммуникаций, в том числе и в целях формирования имиджа как «суммы убеждений, представлений

и впечатлений людей» [1, с. 205] и выстраивания долгосрочных отношений с гражданами. При этом специфика институционального имиджа органов публичной власти заключается в его формировании под широкую политическую перспективу и прагматично-реалистичный характер [2, с. 147].

В количественном отношении, по данным Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации (далее — Минцифры России), число государственных пабликов в социальных сетях на конец июля 2024 года составило более 176 000, содержащих 42 миллиона публикаций при 525 миллионах лайков и 21 миллионе комментариев¹. Соответственно, на одну публикацию приходится в среднем 12 лайков и менее одного комментария, что нельзя отнести к высоким показателям заинтересованности потребителей к распространяемому государственными органами информационному контенту. Причем сами граждане и объяснили причины такого низкого интереса к публикациям государственных органов.

Так, под постом депутата Государственной Думы Александра Хинштейна² в социальной сети «ВКонтакте» от 27 июля 2024 года, в котором как раз и описывалась вышеприведенная статистика Минцифры России, можно встретить комментарии об отсутствии вовлеченности органов государственной власти в информационную коммуникацию с населением, жалобы на массовые удаления негативных комментариев к официальным публикациям³. Хинштейн избран депутатом от партии «Единая Россия»⁴ и, соответственно, его аудиторию в социальных сетях нельзя назвать резко оппозиционной. Скорее, мы имеем дело с точкой зрения активных граждан, которые относительно лояльно настроены к действующей политической власти.

Вовлеченность граждан в информационное взаимодействие с органами публичной власти, наличие положительного имиджа властных институтов во многом обеспечивают политическую легитимность, под которой подразумевается «многоплановый целенаправленный коммуникативный процесс придания легитимного статуса политической власти, деятельности политических акторов и государственным решениям, которые они принимают» [3, с. 228].

Создание имиджа избирательных комиссий как коммуникативный процесс

В связи с вышеизложенным имидж избирательных комиссий, хотя и представляет собой практически неисследованный аспект политической имиджологии, носит принципиальное значение. Как уважение правопорядка

¹ Регионы в соцсетях: 42 млн публикаций, 525 млн лайков и 21 млн комментариев // Официальный сайт Минцифры России. URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/51798/> (дата обращения: 03.10.2024).

² С 5 декабря 2024 года А.Е. Хинштейн — временно исполняющий обязанности губернатора Курской области.

³ Минцифры России и «Диалог» — цифровые коммуникации подвели итоги работы госпабликов за первое полугодие // ВКонтакте. URL: https://vk.com/wall709507615_152958?ysclid=m1sz6jr51445054686 (дата обращения: 03.10.2024).

⁴ Хинштейн Александр Евсеевич // Государственная Дума РФ. URL: <http://duma.gov.ru/duma/persons/99109912/> (дата обращения: 03.10.2024).

начинается с отношения к судебной системе, так и легитимность избранных политиков определяется уровнем доверия к организаторам выборов и самому избирательному процессу. К примеру, «в ходе избирательной кампании 2011–2012 годов в России именно институт выборов и его фактическая денонсация так называемой „обратной рокировкой“ во многом способствовали значительному росту оппозиционных и протестных настроений в обществе» [4, с. 329]. Выборы традиционно относятся к самым обсуждаемым в социальных сетях темам [5, с. 194], что предполагает особую роль положительного имиджа избирательных комиссий в целях обеспечения атмосферы доверия к электоральным процедурам.

Борьба за главенствование или хотя бы за достаточное присутствие в информационном поле становится все более важной составляющей как общественно-политической деятельности в широком смысле, так и непосредственно в государственном управлении. Согласно теории «повестки дня», разработанной Д. Шоу и М. Маккомбсом, наиболее часто транслируемая в масс-медиа информация воспринимается аудиторией как действительно важная на конкретное время [6]. В информационном сообществе грань между искусственно созданным ажиотажем вокруг какого-либо события и его значимостью в реальности фактически стирается. Аналогичное суждение можно применить и для формирования общественной оценки политических процессов. Неслучайно в ряде современных исследований выделяется новая форма легитимации — медиалегитимация, как «комплекс реализуемых органами власти во взаимодействии со СМИ пропагандистских кампаний для укрепления собственной легитимности» [7, с. 44].

В онлайн-пространстве выпуск популярного контента напрямую связан с интересами и увлечениями потенциальной аудитории. Информационный продукт, не имеющий достаточного количества просмотров, лайков, комментариев или иных активных реакций потребителей информации, алгоритмично снижается в поисковой выдаче или в показах рекомендаций интернет-пользователям.

Отсюда следует вторая ключевая специфика Интернета: так как классическая «односторонняя» трансляция информации неэффективна, необходим коммуникативный подход. Потребитель контента не будет реагировать на статью, пост или видеоролик, если субъект их распространения и сама направленность информации ему неинтересна. Данная особенность прослеживается и в социальных сетях и блогах.

Коммуникация как отношения «субъект-субъект» с двусторонней обратной связью, осуществляемой в режиме диалога [8], позволяет устанавливать более прочные контакты с аудиторией, чем одноканальный информационный поток. Так, вовлеченная аудитория при наличии «когнитивного диссонанса» из-за столкновения двух взаимосвязанных, но противоречащих друг другу элементов, может сделать выбор в пользу отсекающей той части диссонансной информации, которая противоречит более значимым для

нее установкам [9]. Подобное преимущество имеет важное значение для формирования устойчивого политического имиджа, поскольку сформированный позитивный образ в дальнейшем будет более устойчив к попыткам деконструкции положительного имиджа.

Для образования таких установок в первую очередь необходимо выявление реакции аудитории на распространяемый контент, поскольку, исходя из теории «полезности и удовлетворения потребностей» Э. Каца, потребитель сам склонен подбирать важную для его эмоционального или интеллектуального удовлетворения информацию [10]. В отличие от модели традиционных СМИ «один-ко-многим», коммуникационная модель подачи тех или иных данных в социальных сетях характеризуется как «многие ко многим» [11, с. 55], когда границы между потребителем информации и ее создателем размыты [12, с. 27].

По этой причине первоначальным шагом к созданию устойчивых каналов политической коммуникации выступает пробуждение заинтересованности широкого круга потребителей к деятельности самого субъекта распространения информации через выявление и удовлетворение эмоциональных и интеллектуальных потребностей потенциальной аудитории. «Нужно только вести паблики органов власти так, как это уже делают в бизнесе, — прибегать к инструментам SMM, писать живо и интересно для пользователей, публиковать важный для них контент» [13, с. 27]. При этом инструменты SMM-продвижения не вызывают негативной реакции в отличие от рекламы [14, с. 69]. Под SMM-технологиями мы будем понимать целенаправленные действия по использованию социальных медиа для создания положительного имиджа компании (государственного органа) и для формирования мнений и убеждений у целевой аудитории.

Сами технологии маркетинга в социальных сетях (SMM-технологии) в России обладают определенной спецификой. В частности, отмечается рост значения видеоконтента, включая live-трансляции и стриминг, и геймификацию (применение игровых технологий) виртуального пространства путем подачи контента через мини-игры и интерактивные квесты [15, с. 63].

Анализ пабликов избирательных комиссий ряда субъектов Российской Федерации

На примере ряда пабликов избирательных комиссий субъектов Федерации постараемся выявить основы их информационной политики и степень зрелости коммуникационной составляющей этой деятельности. Здесь в качестве эмпирической базы нами используются паблики во ВКонтакте (как наиболее популярной социальной сети в России⁵) избирательных комиссий субъектов

⁵ Медиапотребление и активность в интернете // ВЦИОМ. 23.09.2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mediapotrebienie-i-aktivnost-v-internete> (дата обращения: 09.10.2024)

Федерации, в которых в сентябре 2024 года прошли выборы глав регионов. Для начала исследованные паблики по степени использования SMM-технологий разделим на три большие группы по признакам: *отсутствия применения; ограниченного применения; и развитого применения SMM-технологий*. Все эти группы будут проиллюстрированы наиболее характерными примерами из практики сообществ избирательных комиссий во ВКонтакте.

К *первой группе* относятся паблики с полным или практически полным отсутствием признаков применения каких-либо инструментов и технологий маркетинга в социальных сетях.

В частности, **Избирательная комиссия Республики Алтай** имеет сообщество в социальной сети⁶, созданное 31 августа 2017 года. Общее количество подписчиков на 9 октября 2024 года составляет 161 аккаунт (включая удаленные). Наиболее просматриваемые записи в период избирательной кампании 2024 года по состоянию на день обращения:

26 августа — пост об итогах учебного семинара для бухгалтеров территориальных избирательных комиссий (ТИК) набрал 626 просмотров при 8 лайках и 1 репосте;

18 июня — пост об итогах учебного семинара для председателей и бухгалтеров ТИК набрал 194 просмотра при 4 лайках;

23 мая — пост об участии председателя Избирательной комиссии Республики Алтай в заседании регионального парламента набрал 199 просмотров и ни одного лайка, репоста или комментария.

Остальные записи собрали в среднем от 60 до 100 просмотров практически при полном отсутствии лайков, репостов и комментариев.

Качественный анализ размещенных постов указывает на стремление использовать сообщество в социальной сети исключительно как одноканальный механизм трансляции собственной информации. Закономерный результат: группа в социальной сети фактически существует как внутрикорпоративный канал, где наиболее востребованная информация касается событий интересных для членов и сотрудников избирательных комиссий. Функции формирования положительного образа для массовой аудитории нет.

Схожие проблемы наблюдаются в избирательных комиссиях **Республики Калмыкия**⁷, **Курганской**⁸, **Курской**⁹, **Сахалинской**¹⁰, **Волгоградской**¹¹,

⁶ Избирательная комиссия Республики Алтай // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/iksrif04> (дата обращения: 09.10.2024).

⁷ Избирательная комиссия Республики Калмыкия // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/ikrk08> (дата обращения: 09.10.2024).

⁸ Избирательная комиссия Курганской области // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/izbirkom45> (дата обращения: 09.10.2024).

⁹ Избирательная комиссия Курской области // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/public123391146> (дата обращения: 09.10.2024).

¹⁰ Избирательная комиссия Сахалинской области // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/izbirkom65> (дата обращения: 09.10.2024).

¹¹ Избирательная комиссия Волгоградской области // ВКонтакте. URL: https://vk.com/ikvo_34 (дата обращения: 09.10.2024).

Калининградской областей¹² и **Забайкальского края**¹³, в аккаунтах которых паблики используются как одноканальный транслятор однотипных информационных сообщений.

Во *второй группе* прослеживается наличие целенаправленной работы для формирования интересного для пользователей контента путем использования достаточно простых технологий маркетинга в социальных сетях.

Центральная избирательная комиссия **Республики Башкортостан** имеет сообщество во ВКонтакте¹⁴ с 17 июня 2019 года. Общее количество подписчиков на 9 октября 2024 года составляет 10 909 (включая удаленные). Наиболее просматриваемые записи в период избирательной кампании 2024 года по состоянию на день обращения:

8 августа 2024 года — информационный коллаж о подомовом обходе членами участковых избирательных комиссий собрал более 8000 просмотров при 196 лайках и 68 репостах. Размещенный в этот же день пост с данными кандидатов на пост главы Башкирии собрал 8,7 тысячи просмотров при 81 лайке и 44 репостах. Комментарии к записям в сообществе запрещены;

19 августа 2024 года — мультипликационный ролик о способах голосования собрал 5,7 тысячи просмотров при 183 лайках и 57 репостах;

29 августа 2024 года — мультипликационный ролик о голосовании на дому собрал 4,9 тысячи просмотров при 95 лайках и 28 репостах;

8 сентября 2024 года — пост о голосовании семьями собрал 3700 просмотров при 52 лайках и 3 репостах.

В создании постов практикуются различные приемы начиная от обычной текстовой информации и заканчивая мультипликационными роликами. Имеются попытки отойти от бюрократического одноканального повествования и попробовать вызвать эмоциональную реакцию у аудитории (например, пост о голосовании семьями). Среди отрицательных характеристик следует выделить практически полное отсутствие репостов из других пабликов (есть только незначительное количество репостов с паблика регионального телеканала), а также недостаточное внимание к молодежным проектам, хотя подобный контент понравился аудитории (информация о победителе школьного всероссийского конкурса «Софиум» от 1 апреля текущего года набрала более 5000 просмотров при 104 лайках и 4 репостах, что кратно превышает среднее количество просмотров постов в паблике за 2024 г.).

В схожем направлении развивается паблик **Избирательной комиссии Кемеровской области**¹⁵, среди преимуществ которого необходимо отметить

¹² Избирательная комиссия Калининградской области // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/izbirkom39> (дата обращения: 09.10.2024).

¹³ Избирательная комиссия Забайкальского края // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/zabizbirkom> (дата обращения: 09.10.2024).

¹⁴ Центральная избирательная комиссия Республики Башкортостан // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/club183541146> (дата обращения: 09.10.2024).

¹⁵ Избирательная комиссия Кемеровской области — Кузбасса // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/public206663904> (дата обращения: 09.10.2024).

совместные интеграции с медийными личностями. В частности, 23 августа 2024 года вышел подкаст с участием председателя региональной избирательной комиссии Светланы Демидовой и узнаваемого в регионе видеоблогера Марины Ланшиковой. Однако данный проект носит эпизодический характер, не способствуя увеличению аудитории паблика.

В паблике **Избирательной комиссии Оренбургской области**¹⁶, как и у ЦИК Республики Башкортостан, особую популярность имеют записи, связанные с молодежной тематикой. Пост о деятельности молодых блогеров-наблюдателей от 19 сентября 2024 года набрал 2500 просмотров, 114 лайков, 3 комментария, 4 репоста. А пост об итогах их работы в период прошедшей избирательной кампании стал самым популярным среди всех постов, посвященных итогам выборов губернатора (включая результаты самих выборов губернатора области) и набрал 2800 просмотров, 109 лайков, 3 комментария и 2 репоста.

Тема детей и молодежи имеет востребованность и в сообществе **Избирательной комиссии Вологодской области**¹⁷, в котором пост с фотографиями детей на избирательных участках от 7 сентября 2024 года стал одним из самых просматриваемых за период избирательной кампании и набрал 5100 просмотров, 70 лайков, 10 комментариев и 3 репоста.

Избирательная комиссия Хабаровского края в своем сообществе¹⁸, созданном 18 июня 2015 года с числом подписчиков в 2251 аккаунт (включая удаленные), имеет следующие наиболее просматриваемые посты за период прошедшей избирательной кампании:

8 сентября 2024 года — пост, содержащий фрагмент выступления баяниста Владимира Суняйкина, с числом просмотров 801 (8 лайков, 1 репост, 0 комментариев);

6 сентября 2024 года — пост о впервые голосующих молодых избирателях (999 просмотров, 18 лайков, 0 репостов, 0 комментариев).

Как и в случае с пабликом ЦИК Республики Башкортостан, аудитория рассматриваемого сообщества проявляет особый интерес к молодежной тематике, при этом заметно, что Краевая избирательная комиссия старается отойти от трансляции исключительно шаблонных, бюрократических информационных текстов.

Аналогичной концепции формирования положительного имиджа придерживается **Избирательная комиссия Липецкой области**, которая в своем паблике¹⁹ также демонстрирует хорошую практику отхода от канцелярита

¹⁶ Избирательная комиссия Оренбургской области // ВКонтакте. URL: https://vk.com/izbirkom_56 (дата обращения: 19.10.2024).

¹⁷ Избирательная комиссия Вологодской области // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/ikvo35> (дата обращения: 09.10.2024).

¹⁸ Избирательная комиссия Хабаровского края // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/ikhk27> (дата обращения: 09.10.2024).

¹⁹ Выборы48 (Липецкая область) // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/club43429457> (дата обращения: 09.10.2024).

в общении с аудиторией, что находит отклик у подписчиков. К примеру, пост о фотоконкурсе от 1 сентября 2024 года набрал 34 000 просмотров, 483 лайка, 24 комментария, 232 репоста.

Информация о конкурсах также вызывает интерес у аудитории паблика **Избирательной комиссии Самарской области**²⁰, где пост от 15 августа 2024 года о конкурсе «Выборы глазами молодых» набрал 1162 просмотра, 28 лайков и 6 репостов, став одним из самых популярных в период избирательной кампании.

В *третьей группе* пабликов наблюдаются попытки апробации нестандартных для избирательных комиссий приемов привлечения внимания широкой аудитории и формирования положительного имиджа.

Сообщество **Избирательной комиссии Челябинской области** во ВКонтакте создано 16 мая 2017 года. Общее количество его подписчиков на 9 октября 2024 года составляет 2553 аккаунта (включая удаленные). Наиболее просматриваемые записи в период избирательной кампании 2024 года по состоянию на день обращения таковы:

9 сентября 2024 года — пост о предварительных итогах голосования по выборам губернатора Челябинской области набрал 9,6 тысячи просмотров при 162 лайках и 33 репостах;

8 сентября 2024 года — информационный пост о завершении голосования: 7500 просмотров, 70 лайков, 9 репостов.

Среди нестандартных приемов коммуникации этого сообщества с аудиторией необходимо отметить мемы и комиксы.

Избирательная комиссия города Санкт-Петербурга в созданном 28 августа 2013 года сообществе²¹ имеет в подписчиках 2749 аккаунтов. Одними из наиболее просматриваемых записей в период избирательной кампании 2024 года по состоянию на день обращения являются:

31 августа 2024 года — видеоролик о нестандартном жизненном пути члена ТИК № 6 Марии Матанцевой собрал 229 000 просмотров, 279 лайков и 13 репостов;

29 августа 2024 года — близкий по сюжету видеоролик о члене УИК № 1954 Радике Гайнанове набрал почти 239 000 просмотров, 240 лайков и 5 репостов.

Остальные посты в паблике собрали в среднем в 100–200 раз меньше просмотров, что говорит о высоком уровне внимания аудитории к наличию интересных и неординарных личностей в составе избирательных комиссий.

Аналогичный опыт успешно реализуется в паблике **Избирательной комиссии Тульской области**²², где, к примеру, видеосюжет о семье

²⁰ Избирательная комиссия Самарской области // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/izbirkom63> (дата обращения: 09.10.2024).

²¹ Санкт-Петербургская избирательная комиссия // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/stpbik> (дата обращения: 09.10.2024).

²² Избирательная комиссия Тульской области // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/public200557405> (дата обращения: 09.10.2024).

председателя УИК № 0720 города Донского Елены Клевакиной от 5 сентября 2024 года получил 7900 просмотров, 63 лайка и 1 репост, уступив по популярности только видеосюжету от 2 сентября 2024 года о семье другой представительницы избирательных комиссий региона Елене Кокоревой, который набрал 9600 просмотров, 87 лайков и 3 репоста. Почти все остальные посты в период избирательной кампании набрали в разы меньше просмотров.

Избирательная комиссия Мурманской области также занимает особое место среди рассматриваемых комиссий. Скорее всего потому, что впервые в российской практике избирательная комиссия приняла участие в организации общественных выборов [16]:

15 октября 2024 года в ее паблике²³ был размещен пост о консультативной поддержке молодежной избирательной комиссией и председателем Кировской ТИК избрания состава ученического совета школы № 5 города Кировска.

14 октября 2024 года — пост о выборах в ученический совет школы № 1 ЗАТО Видяево по стандартам, приближенным к выборам в органы государственной власти.

Данная практика говорит в частности и о том, что информационное освещение мероприятий о помощи в организации общественных выборов является одним из самых перспективных направлений по формированию положительного образа избирательных комиссий как системы профессиональных менеджеров электоральных процедур.

Как и в паблике Санкт-Петербургской избирательной комиссии, в сообществе Избирательной комиссии Мурманской области внимание, уделяемое раскрытию личных качеств членов избирательных комиссий, получает одобрение аудитории. К примеру, видеокллаж о членах участковых избирательных комиссий от 8 сентября 2024 года набрал 1300 просмотров, 50 лайков, 6 репостов и входит в число наиболее популярных постов в период избирательной кампании по выборам губернатора. Сопоставимые результаты имел и аналогичный пост от 7 сентября 2024 года.

Сообщество **Избирательной комиссии Ставропольского края**²⁴, созданное 1 июля 2021 года, имеет в подписчиках 5732 аккаунта. Одним из самых просматриваемых его постов за период региональной избирательной кампании стал пост от 31 августа 2024 года о проведении межпартийного форума «Ставрополье», набравший 2100 просмотров, 52 лайка, 10 репостов. Среди исследованных пабликов это единственный случай, когда информационное освещение получает межпартийное мероприятие, что является достаточно интересным фактом для аудитории сообщества. Также внимание пользователей привлек юмористический ролик в рамках проекта «ИнформУИК»

²³ Избирательная комиссия Мурманской области // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/izbirkom51> (дата обращения: 19.10.2024).

²⁴ Избирательная комиссия Ставропольского края // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/izbirkom26> (дата обращения: 19.10.2024).

от 16 августа 2024 года, получивший 2600 просмотров, 114 лайков, 15 комментариев, 10 репостов. По количеству активных реакций аудитории рассматриваемый пост является одним из лидеров всего паблика.

Заключение

Анализ исследованных пабликов позволяет выявить общие проблемы и сформулировать основные направления развития коммуникации между организаторами выборов и населением в целях улучшения политического имиджа избирательных комиссий как органов государственной власти.

Во-первых, важное значение в повышении уровня удобства для аудитории в пространстве социальных сетей имеет визуальная привлекательность, открытость и обратная связь [17, с. 94]. Как было наглядно продемонстрировано выше, многие избирательные комиссии в социальной сети фактически дублируют официальные сообщения. Между тем, подобное дублирование не учитывает специфику новых медиаресурсов, а при восприятии SMM-продвижения как не требующей глубокого осмысления игрушки [18, с. 45] сам факт существования сообщества в социальной сети становится бессмысленным. В то же время, посты избирательных комиссий, имеющие визуальную привлекательность, раскрывающие качества интересных личностей, а также пересекающиеся с интересами аудитории всегда вызывают положительную обратную связь.

Во-вторых, активная реакция аудитории в виде комментариев, лайков, репостов способствует продвижению паблика, позволяет ему выйти за рамки своей узкоспециализированной аудитории и сделать информацию «видимой» для широкого круга пользователей. Такой вектор развития имеет приоритетное значение в эпоху постправды, где широко применяется технология создания информационных пузырей, «которые распространяют информацию внутри определенных сетевых сообществ с высокой скоростью и при этом остаются непроницаемыми для представителей других сетевых групп» [19, с. 149]. Необходимо отслеживать наиболее популярный у аудитории контент и стараться максимально его развивать. Анализ пабликов всех избирательных комиссий во ВКонтакте указывает на отсутствие системного отслеживания показателей ER (Engagement Rate – коэффициент вовлеченности аудитории в сообщество), хотя индекс ER имеет «широкий спектр применения в оценке эффективности медиаактивности политических акторов в социальных сетях» [20, с. 152].

В-третьих, в рассматриваемой деятельности избирательных комиссий практически полностью отсутствуют какие-либо совместные информационные проекты с медийными личностями или знаковыми ресурсами, что также препятствует увеличению охвата аудитории и росту положительных реакций широкой аудитории. Здесь одним из перспективных направлений может стать сотрудничество с популярными образовательными ресурсами. К примеру, паблики ресурсов ПостНаука или КиберЛенинка имеют свыше

300 000 аккаунтов в подписчиках каждый и при этом обладают широким взаимодействием между аудиториями друг друга [21]. Применение подобного подхода избирательными комиссиями могло бы создать эффект неоднократного сотрудничества с определенным числом лиц.

Напоследок отметим необходимость учета возрастных особенностей аудитории. В сообществах отдельных избирательных комиссий показана особая заинтересованность молодежными проектами. По активной реакции аудитории пабликов на подобную информацию, развитие такого контента можно признать одним из самых ожидаемых в деятельности региональных избирательных комиссий.

В целом, исходя из анализа общей ситуации деятельности региональных организаторов выборов, можно сделать вывод об отсутствии единой разработанной стратегии формирования положительного политического имиджа избирательных комиссий в социальных сетях, в частности, «ВКонтакте». Применение тех или иных SMM-технологий определяется, вероятнее всего, личными качествами руководства или иных сотрудников отдельных избирательных комиссий, осознающих важность своего широкого присутствия в интернет-пространстве. Распространение наиболее успешных практик таких технологий на деятельность всех избирательных комиссий может выступить одним из ключевых направлений в работе Российского центра обучения избирательным технологиям как системообразующей организации по вопросам обучения и развития избирательных комиссий в России.

Список литературы

1. Котлер Ф. и др. Маркетинг мест. СПб.: Стокгольмская школа экономики. 2005 г. 390 с.
2. Аржаев Е.В. Имидж политических институтов как фактор легитимации власти в современной России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2008. Т. 8. № 1.
3. Михайлова Е.А. Доверие, недоверие и фейковые новости в процессе политической легитимизации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 2. DOI: 10.18500/1818-9601-2023-23-2-227-234.
4. Балугев Д.Г., Барсков И.В. Имидж политического института в современном политическом процессе // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. 2014. № 2–1.
5. Камаев Р.А., Григорьева В.В. Коммуникации государственных структур и населения в социальных медиа: специфика и направления развития // Вестник Московского финансово-юридического университета МФЮА. 2018. № 3.
6. Shaw D.L., McCombs M.E. The Emergence of American Political Issues: The Agenda-Setting Function of the Press. St. Paul, MN: West., 1977. 224 p.
7. Пономарев Н.Ф. Стратегии и технологии медиалегитимации власти: монография. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2010. 192 с.

8. Дридзе Т.М. Социальная коммуникация и фундаментальная социология на рубеже 21 века // Вестник Московского гос. ун-та. Серия 18: Социология и политология. 1999. № 4.
9. Festinger L. A Theory of Cognitive Dissonance. Stanford, CA: Stanford University Press., 1957. 291 p.
10. Katz E., Blumler J.G., Gurevitch M. Utilization of mass communication by the individual // The Uses of Mass Communications: Current perspectives on gratifications research. Beverly Hills, CA: Sage, 1974.
11. Никитина Т.А., Буртный К.П. Роль социальных медиа в политической коммуникации // Постсоветский материк. 2024. № 3. DOI:10.48137/23116412_2024_3_4.
12. Прокопенко Т.В. Роль социальных медиа в политической коммуникации // Коммуникология. 2020. № 8(4). DOI:10.21453/2311-3065-2020-8-4-22-36.
13. Китаев Д.О. Коммуникационная активность региональных органов власти в интернет-пространстве // Коммуникология: электронный научный журнал. 2023. Том 8. № 3.
14. Евсюков В.В., Райман А.К. SMM — драйвер повышения эффективности маркетинга в современных условиях // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2018. № 1–1.
15. Шнайдер К.В. Специфика применения SMM-технологий в России // Инновации и инвестиции. 2022. № 8.
16. Перевышин Н.В. Общественные выборы как основа демократизации в России // Гражданин. Выборы. Власть. 2023. № 1(27).
17. Купин Р.А. Информационное сопровождение местного самоуправления в социальных сетях (на примере республик Северного Кавказа) // Вестник Поволжского института управления. 2022. Т. 22. № 3. DOI: 10.22394/1682-2358-2022-3-93-105.
18. Прохоров А.О. Формы и методы неинституционального регулирования властно-общественных отношений: анализ российского политического процесса // Среднерусский вестник общественных наук. 2020. Т. 15. № 1. DOI: 10.22394/2071-2367-2020-15-1-42-50.
19. Осипов А.В. Политические коммуникации в сетевых электронных кластерах: кибертехнологии в формировании сетевого партийного бренда // Коммуникология. 2021. Том 9. № 3. DOI: 10.21453/2311-3065-2021-9-3-145-154.
20. Палачева Ю.А. Использование метрик для анализа социальных сетей: проблемные вопросы, количественные методы оценки, выбор показателей эффективности // PolitBook. 2021. № 4.
21. Копылова П.С., Тарунтаева В.В. Онлайн-сообщества ВКонтакте: разность контента и близость аудитории // Власть. 2024. Том 32. № 2. DOI: 10.24412/2071-5358-2024-2-96-104.

П.В. ДАНИЛИН

ФАКТЧЕКИНГ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ (на примере контрпропагандистских войн демократов против Д. Трампа)

***Аннотация.** Статья посвящена функционированию одного из самых молодых инструментов манипуляции общественным мнением — так называемому фактчекингу. Призванные беспристрастно проверять факты для СМИ в рамках борьбы с распространением ложных новостей (fake news), фактчекеры, тем не менее, быстро приобретают политическую ангажированность. В статье показано, какую роль сыграли и на чьей стороне участвовали команды фактчекеров во время президентской кампании в США в 2020 году и почему симпатии фактчекеров на выборах 2024 года оказались на стороне демократов, а не Дональда Трампа.*

***Ключевые слова:** фактчекинг, медиаманипуляции, американские выборы, соцсети, СМИ, Дональд Трамп, Джо Байден, Камала Харрис.*

FACT-CHECKING AS A WEAPON IN POLITICAL STRUGGLE (case of democrats' counter-propaganda wars against D. Trump)

***Abstract.** So-called fact-checking is one of the youngest tools for manipulating public opinion. Called to impartially check facts for the media as part of the fight against the spread of fake news, fact-checkers, however, are quickly acquiring political bias. The article shows what role fact-checking teams played and, on whose side, they participated during the 2020 US presidential campaign and why fact-checkers' sympathies in the 2024 elections are on the side of the Democrats, not Donald Trump.*

***Keywords:** fact-checking, media manipulation, American elections, social networks, media, Donald Trump, Joe Biden, Kamala Harris.*

Среди инструментов манипуляции общественным мнением фактчекинг — один из самых молодых. В институциональном плане он оформился только во второй половине 2010-х годов, но уже заслужил свое далеко не последнее место в арсенале пропагандистов за счет его иезуитского

ДАНИЛИН Павел Викторович — доцент Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, руководитель Центра политического анализа, г. Москва

использования государственными структурами, владельцами медиакорпораций и социальных сетей против своих политических оппонентов.

Фактчекеры сегодня — это группы или организации, осуществляющие якобы профессиональную проверку информации на достоверность, опять же якобы в интересах общества. Есть даже своего рода кодекс принципов фактчекеров и головные структуры фактчекеров, которые также якобы стоят на страже интересов общества. Однако реальность такова, что фактчекеры спонсируются такими государственными структурами, как Государственный департамент США, социальными сетями, глобальными информационными корпорациями типа *Google*, крупнейшими ИТ-игроками (*Microsoft* и др.) и некоммерческими фондами. Именно спонсоры определяют политику фактчекинга, которая за счет избирательности в проверке фактов и различных манипуляций позволяет посредством навешивания ярлыков управлять доверием аудитории и дискредитировать политиков, журналистов, партии и даже государства. Ставя на определенное информационное сообщение печать «фейк» или даже «ложь», фактчекеры наносят репутационный ущерб политике, СМИ или целой стране.

Можно с уверенностью согласиться с тем, что «фактчекинг сегодня — это не самоконтроль редакции, не проверка материала *ante hoc*, то есть, до выхода в печать. Это *post hoc* анализ избранной тематики для подтверждения важной для заказчика фактчекинга или опровержения вредной для него же информации. То есть, фактчекинг, в отличие от того же рецензирования, представляет собой избирательный, а если быть более точным, то волюнтаристский и порой откровенно ангажированный (что бы об этом ни говорили сами фактчекеры) подход к темам и сюжетам» [1, с. 137].

При этом сами методы работы фактчекеров, то есть, механизмы интерпретации информации не отличаются от тех, что использовались пропагандистами в предшествующие периоды. В работе «Искусство пропаганды» Элизабет Брайант Ли и Альфреда Мак Клунга, вышедшей еще в 1939 году, приводятся основные методики работы пропагандистов с общественным мнением:

навешивание ярлыков (применение негативных определений для вызова нужных ассоциаций у реципиента);

сияющие обобщения (тактика от обратного, когда реципиента заставляют полюбить объект, сопровождая сообщение исключительно позитивными описаниями объекта);

перенос (использование безусловно позитивных фактов или событий из прошлого для их ассоциирования с объектом пропаганды);

ссылка на авторитеты (призыв в качестве доказательства свидетельства лидеров общественного мнения);

подтасовка карт (передергивание, утрирование, нивелирование значения заявлений объекта пропаганды для стимулирования роста недовольства к объекту со стороны аудитории);

игра в протонародность (подстраивание объекта пропаганды под аудиторию с ее специфическими языком и потребностями);

фургон с оркестром (призыв присоединиться к большинству с его отношением к объекту пропаганды) [2].

Впоследствии к пропагандистским формам и практикам специалисты добавили целый букет подобного рода методик. В частности, *избирательную правду, насмешку и иронию, подмену понятий, цинизм* и многое другое [3, с. 41–44]. Все эти методики сегодня отлично используют специалисты по фактчекингу, чьей декларируемой целью является сопротивление манипуляции. На деле же фактчекеры занимаются прямо противоположным, — за счет тонкой настройки общественного мнения они канализируют отношение аудитории к объекту фактчекинга в нужном им русле. По сути дела, фактчекеры являются одним из важных инструментов управления медиапотоками и дискредитации нежелательной информации, появляющейся как в СМИ, так и в социальных сетях.

Это тем более актуально потому, что в современном мире в последние годы происходит концентрация медиакорпораций под управлением глобалистских структур. В контексте концентрации средств массовой информации происходит сокращение количества независимых СМИ. И если в 1983 году существовало 50 крупных медиакомпаний, то в 1990-х их осталось всего 23, а в 2002 году — лишь 9¹. К сегодняшнему дню количество подобных организаций сократилось до 6 (*News Corp, Time Warner, Sony, Comcast, Viacom* и *Disney*). Причем, если говорить о политической ангажированности, то из данной шестерки пять контролируются либеральными глобалистскими элитами. Одна только *News Corp* выступает с консервативных позиций. И если говорить о том, как это выражается в политике, то лишь *News Corp* открыто поддерживала и поддерживает Дональда Трампа. Остальные холдинги работают в интересах Демократической партии США. Журналист телеканала *Fox News*, принадлежащего *News Corp*, Билл О'Райли говорил, что «по меньшей мере три медиаорганизации, приказали своим работникам уничтожить Трампа»².

Ситуация с соцсетями и агрегаторами новостей носит схожий характер. Так, корпорация *Meta* (в Российской Федерации признана экстремистской организацией) и ее социальные сети *Facebook* (в Российской Федерации признана экстремистской организацией) и *Instagram* вместе с агрегаторами *Google* и *Yahoo* последовательно подрывают образ Трампа, посредством его дискредитации. Здесь им на помощь приходят специально созданные и выпестованные, вскормленные и вымуштрованные фактчекеры.

¹ Hausstein L. Die Massenmedien als Konsensfabrik für die Gesellschaft. Nach Denk Seiten, 22.01.2024. URL: <https://www.nachdenkseiten.de/?p=110117> (дата обращения: 21.10.2024).

² Bill O'Reilly: Media Outlets 'Ordered Their Employees to Destroy' Donald Trump. The Wrap. 11.10.2016. URL: <https://www.thewrap.com/bill-oreilly-media-outlets-ordered-their-employees-to-destroy-donald-trump/> (дата обращения: 21.10.2024).

Один из наиболее свежих и характерных примеров. В ходе дебатов 10 сентября 2024 года между кандидатами на пост президента США Дональдом Трампом и Камалой Харрис первый упомянул скандал в городе Спрингфилд, штат Огайо, где возникла неожиданная проблема с мигрантами из Гаити. Трамп, в частности, заявил: «Они едят собак. Они едят кошек. Они едят домашних животных людей, которые там живут!»³. Мы тут же стали свидетелями работы фактчекеров и их методики. Ведущие дебатов немедленно связались с сити-менеджером города, который не подтвердил данное высказывание. Параллельно из всех социальных сетей и специализированных фактчекеринговых структур был нанесен удар по Трампу, — фактчекеры практически сразу обратились в ряд местных официальных инстанций, где информация о том, что гаитянские мигранты едят домашних животных, также не была подтверждена.

Типичный заголовок сообщения фактчекеров на эту тему с сайта *CNN*: «Проверка фактов — разоблачение лжи Трампа об иммиграции в октябре». Резкое начало статьи Дэниэла Дейла имеет не менее резкое продолжение: «Бывший президент Дональд Трамп лжет по целому ряду тем в последний месяц президентских выборов. Но чаще всего он лжет по поводу иммиграции»⁴. И далее в статье речь идет о том, что «на самом деле, широко не сообщалось о том, что иммигранты в Спрингфилде едят домашних животных местных жителей. Фактически ни одно новостное агентство не сообщало никаких доказательств того, что это действительно произошло». Интересно, что автор статьи персонально занимается фактчекерингом заявлений Трампа с 2015 года.

Заявление Трампа получило от фактчекеров пометку «штаны горят», что в примерном переводе на русский язык может звучать как «чушь несусветная». Фраза завирусилась в социальных сетях, на нее вышли многочисленные мемы. Южноафриканский музыкант Дэвид Скотт, известный под сценическим псевдонимом *The Kiffness*, записал песню, мгновенно ставшую хитом, — за десять дней ее только на аккаунте автора прослушали больше 8 миллионов раз⁵.

На одном из главных ресурсов американских фактчекеров — сайте *PolitiFact*, на 20 октября было уже 203 присвоенных Трампу пометок «штаны горят» (*Pants on fire*), что составляет 19 процентов от всех проверенных заявлений политика, еще 408 его заявлений были помечены как «ложь» (38%),

³ Mike Catalini, Julie Carr Smyth and Bruce Shipkowski. 'They're eating the dogs. They're eating the cats': Why did Trump accuse immigrants of eating pets? Yahoo! News, 11.09.2024. URL: <https://ca.news.yahoo.com/eating-dogs-eating-cats-why-092351130.html> (дата обращения: 21.10.2024).

⁴ Former President Donald Trump is lying about a whole bunch of topics in the final month of the presidential election. But he is lying most frequently, by far, about immigration. CNN Politics, 18.10.2024. URL: <https://edition.cnn.com/2024/10/18/politics/fact-check-trump-october-immigration/index.html> (дата обращения: 21.10.2024).

⁵ The Kiffness. Eating the Cats ft. Donald Trump (Debate Remix). Youtube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=3BrCvZmSnKA> (дата обращения: 21.10.2024).

205 — «по большей части ложь» (19%), 125 — «наполовину правда» (11%), 86 — «по большей части правда» (8%) и 36 (3%) — «правда»⁶. То есть, при ознакомлении с этим сайтом складывается впечатление, что Трамп тотально лжет и почти никогда не говорит правду, что, безусловно, не так. Наоборот, эта картина демонстрирует как пристрастность, так и ангажированность фактчекеров.

Не менее интересно посмотреть на то, как фактчекеры анализировали высказывания К. Харрис⁷. В отличие от Д. Трампа, высказывания которого становились объектом для разбора американских фактчекеров более чем в тысяче случаев, кандидат от Демократической партии привлекала к себе внимание фактчекеров всего 61 раз. Не было ни одного случая, чтобы у нее «горели штаны», что по меньшей мере странно, учитывая, какое количество бреда она несла⁸. Также фактчекеры атрибутировали 11 процентов или 7 случаев заявлений Харрис как «правда», 32 процента (20 случаев) как «по большей части правда», 12 процентов (8 случаев) как «наполовину правда», 25 процентов (16 случаев) как «по большей части ложь» и 17 процентов (11 случаев) как «ложь».

Но вернемся к конкретному случаю — к заявлению о том, что мигранты едят домашних животных в Спрингфилде. Даже из сообщений самих фактчекеров становится ясно, что опровержение высказывания Трампа удалось получить только от официальных органов власти города, да и те делали упор на отсутствие официальных жалоб со стороны граждан⁹. То есть, аккуратные представители местной власти не сказали, что Трамп соврал, они лишь констатировали, что им про такие факты ничего не известно. Мэр Спрингфилда Роб Рю на заседании городской комиссии 10 сентября повторил, что нет никаких достоверных или конкретных заявлений об этом: «Подобные слухи отвлекают от таких реальных дел, как жилищные проблемы, ресурсы, необходимые для наших школ, и наша перегруженная система здравоохранения».

⁶ Donald Trump. PolitFact. URL: <https://www.politifact.com/personalities/donald-trump/> (дата обращения: 21.10.2024).

⁷ Kamala Harris. PolitFact. URL: <https://www.politifact.com/personalities/kamala-harris/> (дата обращения: 21.10.2024).

⁸ Оцените сами одно из ее заявлений: «Культура — это отражение нашего момента в наше время, не так ли? А нынешняя культура — это то, как мы выражаем то, что мы чувствуем в данный момент. И мы всегда должны находить время, чтобы выразить то, что мы чувствуем по поводу момента, который является отражением радости, потому что, как вы знаете, он наступает утром. Мы должны найти способы выразить то, что мы чувствуем в данный момент, с точки зрения языка и связи с тем, как люди воспринимают жизнь. И я тоже думаю об этом в таком ключе». Цит. по: Kamala Harris serves up 'culture' word salad, stumps Twitter users: 'Emptiest human being alive'. The New York Post, 7.07.2023. URL: <https://nypost.com/2023/07/07/kamala-harris-culture-word-salad-stumps-twitter-users/> (дата обращения: 21.10.2024).

⁹ Jeff Cercone. Trump repeats baseless claims that Haitian immigrants in Springfield, Ohio, are eating pets. PolitFact. 11.09.2024. URL: <https://www.politifact.com/factchecks/2024/sep/11/donald-trump/trump-repeats-baseless-claims-that-haitian-immigra/> (дата обращения: 21.10.2024).

Сами же республиканцы (Трампа не единственный, кто рассказывал эту историю: владделец X — Илон Маск, сенатор Тед Круз, республиканец от Техаса, возглавляемый республиканцами Юридический комитет Палаты представителей и консервативный лидер мнений Чарли Кирк поделились в социальных сетях заявлениями, аналогичными утверждениям Трампа) ссылались в конечном счете на статью от 10 сентября на консервативном веб-сайте *The Federalist*, которая включала полицейский отчет от 26 августа и аудиозапись звонка в центр связи в округе Кларк, штат Огайо, где находится Спрингфилд. Звонивший сообщил о группе из четырех гаитян, каждый из которых нес гуся. Иными словами, информация взялась не из ниоткуда и никем по сути не опровергалась. В противовес уверениям Трампа фактчекеры откопали только то, что на самом деле речь в реальных документах шла о гусях, а местные власти жалоб не получили, не говоря уже о том, что проблема с мигрантами — безусловный факт из жизни многих городов в США. Но тем не менее, не в последнюю очередь благодаря фактчекерам, Д. Трамп превратился в посмешище.

* * *

Дональду Трампу пришлось столкнуться с агрессией фактчекеров далеко не в первый раз. Последовательное разворачивание сетей фактчекеров на Западе началось с 2014 года — в момент старта активной кампании по выборам президента США, тогда как сама цель существования сетей и групп фактчекеров на начальном этапе заключалась в том, чтобы не дать победить кандидату от Республиканской партии Д. Трампу [1, с. 137] в противостоянии с кандидатом от демократов Хиллари Клинтон.

Не только американские, но и находившиеся на содержании у организации Марка Цукерберга фактчекеры из *VoxCheck* тогда делали удивительные выводы из публичного противостояния Трампа и Клинтон: «В 24% высказываний Хиллари Клинтон во время предвыборных дебатов обнаружены ложь или манипуляции. Много это или мало? У ее оппонента Дональда Трампа процент лукавства достигает 72%». Но откуда взялся такой результат? *VoxCheck* насчитал с десятка западных СМИ, которые проверяли первые и вторые дебаты. Из этих площадок они произвольно выбрали семь наиболее влиятельных (5 газет и 2 крупнейших фактчек-проекта Америки): *The Guardian*, *Washington Post*, *Daily News*, *New York Times*, *CNN*, *PolitiFact* и *Factcheck.org*. Вывод фактчекеров был однозначен: «По данным британской *The Guardian*, из 18 цитат двух кандидатов, прошедших проверку, все пять цитат Клинтон — правдивы, а все 13 сообщений Трампа — лживые»¹⁰.

Впрочем, есть немаловажный нюанс: в ходе первых дебатов фактчекеры проверили 111 цитат Трампа и только 60 цитат Клинтон. Во время вторых

¹⁰ Шкарпова Елена, Скубенко Максим. Опыт других: главный фактчек планеты. Как часто врут Трамп и Клинтон. Вокс Украина. 19.10.2016. URL: <https://voxukraine.org/ru/main-factcheck-ru> (дата обращения: 21.10.2024).

дебатов «перевес» в выборке Трампа стал еще больше, — его цитаты проверили 135 раз против 43 цитат у Клинтон. Таким образом высказывания Трампа подвергали сомнению в два, а затем в три раза чаще, чем аналогичные у Клинтон. При такой диспропорции очевидно, что сама проверка была не вполне релевантной. Да и отбор цитат очевидно отличался пристрастностью, что также сказалось на результате.

Однако 2016 год так и не стал триумфом для фактчекеров, — тогда индустрия проверки фактов находилась еще в зародыше. Некоторые публицисты даже предположили, что в ходе избирательной кампании подобный подход мог сыграть в пользу Трампа. Так, американский независимый журналист Майкл Трейси в 2018 году даже опубликовал колонку с провокационным названием «Как культ „фактчекинга“ помог Трампу победить». В ней он, в частности, писал следующее: «Когда я говорю о „культе“, связанном с проверкой фактов, я не имею в виду дело подтверждения утверждений и обеспечения их обоснованности в эмпирической реальности. Я имею в виду некую идеологию, которая укоренилась в элитных медиаклассах под прикрытием проверки фактов».

Олицетворением подобного мышления является уже упомянутый журналист Д. Дейл, который по какой-то причине старательно освещает события вокруг Трампа и с симпатией принимается антитрамповским пресс-корпусом. Часто он берет фразы, которые Трамп явно произнес в шутку и прогоняет их через так называемую «проверку фактов», тем самым вынося суждение о том, что факты Трампа были неверными. Он часто «проверяет факты» шуток и остроумных высказываний о Трампе, которые изначально не интерпретируются большинством американцев как окончательные версии событий и констатации фактов.

* * *

Самый яркий скандал, связанный с фактчекингом, разразился уже в ходе кампании по выборам президента США в 2020 году. В мае *Twitter* помечил заявления Трампа о бюллетенях по почте меткой, которая ссылалась на новостные статьи и гласила: «Узнайте факты о бюллетенях по почте», по существу дав понять, что Трамп распространяет недостоверные сведения.

Дональд Трамп обрушился с критикой на *Twitter*, обвинив компанию в попрании его права на свободу слова. В одном своем посте от 26 мая он заявил: «*Twitter* полностью подавляет свободу слова, и я, как президент, не позволю этому случиться!» Профессиональные фактчекеры отреагировали в своей манере, — утверждению Трампа опять-таки был присвоен высший уровень неадекватности «штаны горят»¹¹. Сопроводили они это заявление комментариями юристов о том, что *Twitter* не нарушал Первую поправку

¹¹ Bill McCarthy. Trump's Pants on Fire claim that Twitter is 'completely stifling free speech' by fact-checking him. PolitFact, 27.05.2020. URL: <https://www.politifact.com/factchecks/2020/may/27/donald-trump/trumps-pants-fire-claim-twitter-completely-stiflin/> (дата обращения: 21.10.2024).

к Конституции США. И заключили: «Шесть экспертов по правовым вопросам сказали нам, что Трамп ошибается. Первая поправка ограничивает правительство, а не частные платформы, вроде *Twitter*. Решение *Twitter* пометить один твит как вводящий в заблуждение само по себе защищено Первой поправкой».

После начала массовых беспорядков в связи с гибелью афроамериканца Джорджа Флойда, которые сопровождались погромами, поджогами и грабежами магазинов, кафе, аптек и других заведений, Трамп написал твит: «Когда начинается мародерство, начинается пальба». *Twitter* счел эти слова приветствующими насилие и заблокировал, — увидеть их можно было только после того, как пользователи соглашались с уведомлением о том, что твит нарушает правила *Twitter* против поощрения насилия.

Но вообще-то данная фраза принадлежит не Трампу. Он лишь процитировал фразу Уолтера Хедли, начальника полиции города Майами, штат Флорида, сказанную в ответ на вспышку насилия во время рождественских праздников 1967 года. Шеф полиции тогда обвинил «молодых хулиганов» в том, что они «воспользовались кампанией за гражданские права», которая в то время охватила США¹² для грабежа и разбоя. Борьба между Трампом и *Twitter* продолжилась недолго, — вскоре аккаунт президента США был банально заблокирован, в том числе и вследствие того, что многие его заявления получили отметку «ложь», что давало возможность как для пессимизации (более редкой выдачи контента от пользователя), так и для его блокировки.

* * *

Пристрастный подход фактчекеров сохранялся по ходу всей выборной кампании 2020 года. Как и в 2016 году, примечательным опытом довольно откровенной манипуляции стали два тура дебатов кандидатов в президенты. Обратим особое внимание на фактчекеров из *PolitiFact*. Это — проект Института Поинтера (*The Poynter Institute*), базирующегося в Санкт-Петербурге, штат Флорида. Институт является владельцем Международной сети проверки фактов *International Fact-Checking Network* (IFCN). Он владеет газетой *The Tampa Bay Times*, а также некоммерческой школой журналистики. Поначалу основной задачей Института было предоставление вердиктов о достоверности той или иной информации по заказу *Facebook* — компании М. Цукерберга начиная с 2016 года, и долгое время премиальным заказчиком у фактчекеров была именно эта социальная сеть. Более того, стать партнером *Facebook* в фактчекинге без одобрения и получения сертификата IFCN было невозможно.

¹² Olivia Eubanks. The history of the phrase 'when the looting starts, the shooting starts' used by Trump. ABCNews, 29.05.2020. URL: <https://abcnews.go.com/Politics/history-phrase-looting-starts-shooting-starts-trump/story?id=70950935> (дата обращения: 21.10.2024).

К 2020 году число клиентов (они же спонсоры) Института Поинтера существенно увеличилось. Среди спонсоров и партнеров Института оказались: *NED, Facebook**, *Google, TikTok, WhatsApp, MacArthur Foundation, Microsoft, Bill and Melinda Gates Foundation, Carnegie Foundation***, *Open Society Foundation***, *Democracy Fund, Omidyar Network, Corporation for Public Broadcasting, National Public Radio, NBC News, Newsweek, Penske Media Corporation, TEGNA, The Washington Post, Voice of America****¹³. В 2019 году — в преддверии избирательной кампании в Америке, Институт опубликовал черный список из 515 новостных ресурсов. Там оказались российские RT и Pravda.ru, а также многочисленные СМИ республиканцев в США¹⁴. Попытка уничтожить репутацию этих средств массовой информации провалилась, и Институту Поинтера пришлось даже оправдываться: мол, методология оказалась негодной. Тем не менее, от своей главной задачи — работы против Трампа, Институт не отказывался.

20 октября 2024 года на главной странице его сайта можно было увидеть пять главных новостей, из которых четыре непосредственно занимались критикой Д. Трампа и поддержкой кандидата от Демократической партии США К. Харрис. К примеру, «Fox News и Брет Байер подвергаются критике за интервью с Камалой Харрис» или «Дружелюбное интервью Дональда Трампа на Fox News против недружелюбного интервью Камалы Харрис на Fox News», «Как аккаунт X искажил факты, чтобы выдвинуть необоснованное обвинение [кандидата в президенты от Демократической партии] Тима Уолза в насилии», а также «12 проверок фактчекеров по женской проблематике из интервью Дональда Трампа на Fox News».

Заметно, что никакой беспристрастностью тут и не пахнет. А ведь сам Институт Поинтера разработал требования к фактчекерам, в которых указывается, что проверяющая факты организация «должна продемонстрировать приверженность беспристрастности и справедливости, прозрачности источников, прозрачности финансирования и организации, прозрачности методологии»¹⁵. Впрочем, ни сам Институт, ни «подписанты», то есть, авторизованные фактчекеры, работающие на правительство США и крупные глобалистские структуры, никогда не следовали этим правилам и принципам.

¹³ Как убивают свободу СМИ. Фактчекеры — инструмент западной контрпропаганды и цензуры. Доклад Центра политического анализа (2022). URL: <https://centerforpoliticsanalysis.ru/image/report/5/90c2c7541c1ce85af151688dd7ce799e.pdf> (дата обращения: 21.10.2024).

¹⁴ См. подробнее: Данилин П. Фактчекинг как инструмент западной пропаганды в контексте СВО. ЦПА, 15.04.2024. URL: <https://centerforpoliticsanalysis.ru/position/read/id/faktcheking-kak-instrument-zapadnoj-propagandy-v-kontekste-svo> (дата обращения: 21.10.2024).

¹⁵ Verified signatories of the IFCN Code of Principles who are active. URL: <https://ifcncodeofprinciples.poynter.org/signatories> (дата обращения: 21.10.2024).

* Признана в Российской Федерации экстремистской организацией.

** Признан в Российской Федерации иноагентом и нежелательной организацией.

*** Признан в Российской Федерации иноагентом.

* * *

Так было и в ходе избирательной кампании 2020 года. Фактчекеры из PolitiFact сыграли в ходе кампании заметную роль. Высказывания Джозефа Байдена на первых дебатах 30 сентября 2020 года подверглись проверке со стороны PolitiFact 9 раз. При этом Дональда Трампа проверили 21 раз¹⁶. Любые высказывания Байдена в ходе дебатов освещались либо безусловно позитивно, либо с сочувствием. Самой негативной оценкой его высказываний стало «по большей части ложное заявление». Еще три высказывания удостоились комментария от фактчекеров «необходим контекст». Была даже оценка «правда», чего Трамп, соперник Байдена по дебатам, от фактчекеров так и не получил ни разу.

Обратим внимание на конкретные механизмы манипуляции фактчекеров. Вот, например, Байден заявляет, что «число преступлений с применением насилия снизилось на 15 процентов при нашей администрации. И выросло при нем». То есть, очевидно, имеется в виду, что при Бараке Обаме и его вице-президенте Джо Байдене число преступлений с применением насилия количественно упало, а при Трампе — выросло. Но это неправда. Как раз при администрации Трампа число преступлений с применением насилия последовательно снижалось. Знают об этом и фактчекеры, и вот как они оценивают слова Байдена: «Байден прав относительно результатов Обамы-Байдена, но не прав относительно результатов Трампа. Уровень преступлений с применением насилия снизился почти на 16 процентов с 2008 года, когда были избраны Барак Обама и Байден, по 2016 год, последний полный год их правления. Но уровень преступлений с применением насилия снижался каждый год пребывания Трампа у власти, согласно данным ФБР»¹⁷. Таким образом, заявление Байдена — откровенное вранье, однако по мнению фактчекеров, это «частично верное» утверждение.

Еще одна манипуляция. Трамп в ходе дебатов заявил, что «Байден назвал афроамериканцев „суперхищниками“, когда в 1994 году принимал законопроект о преступности». Комментарий фактчекеров на это заявление Трампа выглядит так: «В своей речи в Сенате 18 ноября 1993 года Байден говорил о том, чтобы сделать что-то для молодых людей, у которых не было надзора или структуры и у которых не было возможностей. По его словам, страна должна сосредоточиться на них, потому что в противном случае часть из них „станет хищниками через 15 лет“. Байден не стал выделять афроамериканцев», — заключают фактчекеры PolitiFact, фактически обеляя кандидата от демократов.

Им вторят журналисты с ABC, которые тоже проверяли Трампа на профпригодность. Они уверяют, что выражение «суперхищники», а не просто

¹⁶ Fact-checking the first 2020 presidential debate, Joe Biden vs. Donald Trump. PolitiFact, 30.09.2020. URL: <https://www.politifact.com/article/2020/sep/30/fact-checking-first-2020-presidential-debate-joe-b/> (дата обращения: 21.10.2024).

¹⁷ Там же.

«хищники» принадлежит Хиллари Клинтон, и та «использовала фразу „суперхищники“ в 1996 году, выражая свою поддержку законопроекту о преступности 1994 года». А дальше журналисты ABC добавляют: «Выступая в Сенате в 1993 году Байден сказал: „У нас на улицах есть хищники, которых общество фактически создало, отчасти из-за своего пренебрежения“. Он добавил: „Многие из этих людей выходят за рамки дозволенного, и это печальный комментарий к обществу. У нас нет другого выбора, кроме как убрать их из общества“»¹⁸. После чего заявление Трампа объявляется «полуправдой». Ведь, Байден говорил не «суперхищники», а «хищники». Такой вот фактчекинг.

Но ведь очевидно, что речь не идет ни о какой «полуправде» со стороны Трампа, а непосредственно о подтасовке со стороны фактчекеров: Байден говорил именно то, о чем упоминает Трамп и именно в этом контексте. На тот момент Байден вел речь о чернокожих американцах-преступниках, которых он называл хищниками. Фактчекеры же это отрицают. И единственная поправка — Байден в упомянутом контексте говорил просто о «хищниках», тогда как Хиллари Клинтон — предыдущий конкурент Трампа — высказывалась о «суперхищниках».

Приведем еще одно высказывание Байдена, которое оценивают фактчекеры: «Пригороды в общем и целом интегрированы». Каково значение этой фразы? Какой смысл ее оценивать? Но фактчекеры набрасываются на нее и лепят ярлык «по большей части правда». Оказывается, «исследования показывают, что пригороды сегодня в самом широком смысле значительно более интегрированы, чем они были в предыдущие десятилетия, благодаря как законодательным изменениям, так и сдвигам в общественном мнении. В то же время более двух третей американцев и три четверти белых не живут в существенно интегрированных районах». Зачем оценивать эти слова? Что в них такого значимого — фактчекеры умалчивают. Но даже если принять на веру, что это заявление Байдена имеет какое-то важное значение, в словах самих фактчекеров прямо указывается: «Более двух третей американцев и три четверти белых не живут в существенно интегрированных районах». То есть, фактчекеры прямо говорят, что Байден не прав в своем высказывании, но при этом вешают на это заявление метку, что оно «по большей части правдиво»¹⁹.

Интересный (в контексте недавней истории о поедании мигрантами домашних животных в Спрингфилде) подход выбрали фактчекеры, чтобы проверить очередное заявление Байдена и признать его «правдой». Будущий

¹⁸ Fact-checking Trump and Biden during 2nd 2020 presidential debate. ABCNews, 23.10.2020. URL: <https://abcnews.go.com/Politics/fact-checking-trump-biden-2nd-2020-presidential-debate/story?id=73750341> (дата обращения: 21.10.2024).

¹⁹ Fact-checking the first 2020 presidential debate, Joe Biden vs. Donald Trump. PolitFact, 30.09.2020. URL: <https://www.politifact.com/article/2020/sep/30/fact-checking-first-2020-presidential-debate-joe-b/> (дата обращения: 21.10.2024).

президент США говорит, что «каждый тысячный афроамериканец погиб из-за коронавируса». Фактчекеры заявляют: «Трудно точно сказать, сколько афроамериканцев умерло от COVID-19, потому что правительство не располагает полной информацией о расовой и этнической принадлежности умерших. Но, судя по ограниченным имеющимся данным, Байден, похоже, прав. Ранее в этом месяце исследовательское подразделение American Public Media обнаружило, что 1 человек из 1020 чернокожих американцев умер от вируса — самый высокий уровень смертности среди всех расовых групп по всей стране — на основе данных об уровне смертности, собранных из каждого штата и округа Колумбия».

Если свериться с источником, на который ссылаются фактчекеры, выясняется, что *American Public Media* (APM) — американская компания, производящая и распространяющая программы общественного радиовещания в США. То есть, ссылка фактчекеров на радио с сомнительными данными и такими же подсчетами принимается фактчекерами в качестве доказательства. Тогда как в случае с гаитянами, поедающими гусей и котов в Спрингфилде, вся рать фактчекеров требовала в качестве доказательства этого факта как минимум официальных заявлений властей города. Двойные стандарты — норма для фактчекинга.

Что же касается Трампа, то тут фактчекеры не сдерживают себя, постоянно обвиняя его во лжи. Иногда получается забавно. Например, Дональд Трамп ехидно поддевает своего оппонента, заявляя: «Мы не можем запереться в подвале, как это делает Джо». Тут республиканец намекает на то, что Байден, испугавшийся коронавируса, заперся в своем доме и никого не принимал долгое время. Фактчекеры бросаются грудью на эти слова Трампа, утверждая: «Мы присвоили данному утверждению рейтинг „ложь“. Один из любимых приемов Трампа — сказать, что Байден изолировался в своем подвале. В первые несколько месяцев пандемии Байден действительно руководил большей частью своей кампании из своего дома в Делавэре. Он построил в своем подвале телевизионную студию, чтобы виртуально взаимодействовать с избирателями. Но все изменилось». Собственно, где тут ложь, если фактчекеры сами подтверждают, что Трамп сказал правду, а Байден заперся в подвале?

На вторых дебатах ситуация изменилась. 22 октября 2020 года кандидаты вновь встретились в студии. Тут фактчекеры проверили Трампа 20 раз, а Байдена — 12, что более релевантно, чем на первых дебатах. В основном оценки давались заявлениям о мерах по борьбе с пандемией COVID-19. Следует заметить, что даже сегодня по этой теме трудно давать компетентные оценки. Но это не останавливало фактчекеров. Что и понятно — у них была совсем другая задача.

Еще один пример — заявление тогдашнего кандидата от республиканцев о том, что «администрация Трампа уже сделала все, что предложил Байден, поэтому демократы отстают». Казалось бы, что тут проверять?

Но фактчекеры утверждают: «есть некоторые сходства между планами Байдена и Трампа по борьбе с COVID-19, но эксперты сказали нам, что любой план реагирования на пандемию должен иметь определенные основные стратегии. Администрация Трампа не опубликовала всеобъемлющего плана по борьбе с COVID-19 за исключением разработки и распространения вакцин. Главной мерой, предложенной Трампом, было введение ограничений на поездки, в то время как усилия по развертыванию широкомасштабного плана тестирования столкнулись с трудностями. Байден же опубликовал развернутый план по COVID-19 — первый проект был опубликован 12 марта 2020 года. Он включал такие меры здравоохранения, как бесплатное тестирование и развертывание средств индивидуальной защиты, а также реализацию экономических мер, таких как оплачиваемый отпуск в чрезвычайных ситуациях и государственные и местные чрезвычайные фонды»²⁰.

То есть, фактчекеры сами признают, что у Трампа план был, и он был похож на план Байдена. Но при этом данное заявление Трампа рассматривается ими как «штаны горят», то есть, крайняя степень лживости. Поразительно, как можно давать оценку, отличную от собственных же утверждений. Но политическая целесообразность способна и не на такое.

В ходе дебатов Трамп заявил, что США подошли к переломному моменту в борьбе с коронавирусом, а дальше ситуация будет улучшаться. Фактчекеры непонятно по каким данным и основаниям назвали эти слова Трампа ложью: «В настоящее время число случаев заболевания находится на самом высоком уровне с начала августа, при этом ежедневно регистрируется почти 60 000 новых подтвержденных случаев заражения. Это всего на 10 процентов ниже, чем пик в конце июля»²¹. Та статистика, которую мы знаем сегодня, а также прогнозы инфекционистов того времени говорят о том, что Трамп был прав, — действительно, затем началось стабильное снижение заболеваемости. То есть, соврали фактчекеры. И никто так и не извинился.

Интересный нюанс — фактчекеры из *PolitiFact* обвинили Трампа во лжи, когда тот сказал, что директор Национального института аллергии и инфекционных заболеваний, главный в США по коронавирусу доктор Энтони Фаучи «демократ, но это нормально». *PolitiFact* написал: «Это не соответствует действительности. Доктор Энтони Фаучи не связан ни с одной политической партией. Он также не поддержал ни одну партию или кандидата». Формально фактчекеры были правы, если не учитывать того факта, что всего спустя месяц после дебатов, 4 декабря избранному президенту Байдену задали вопрос: говорил ли тот с Фаучи лично, предлагал ли он главному инфекционисту США сохранить работу в американской администрации при новом президенте. «Да и да», — ответил Байден. «Мы беседовали с ним.

²⁰ Fact-checking Donald Trump, Joe Biden in the final presidential debate. PolitiFact, 23.10.2022. URL: <https://www.politifact.com/article/2020/oct/23/fact-checking-donald-trump-joe-biden-final-preside> (дата обращения: 21.10.2024).

²¹ Там же.

Я попросил его сохранить должность, которую он занимал при последних нескольких президентах. Кроме того, я предложил ему занять пост моего старшего советника по вопросам здравоохранения и войти в состав моей команды»²². Э. Фаучи согласился и вошел в команду Байдена, что выставляет заявление Трампа о демократических убеждениях главного инфекциониста США совсем в другом свете. Понятно, что постфактум фактчекеры так и не поправили ни одного своего фальшивого «диагноза».

* * *

Интересная часть «расследований» фактчекеров касалась связей Байдена с Россией. Дональд Трамп заявил: «Джо получил от России 3,5 миллиона долларов... потому что он был дружен с мэром Москвы, и это была его жена». Фактчекеры вынесли вердикт, что «это неверно сформулировано и не имеет веских доказательств». Какова аргументация фактчекеров? «Когда Трамп впервые сделал это заявление, он сказал, что сын Байдена, Хантер Байден, получил деньги. Распространение обвинения на бывшего вице-президента не имеет никаких доказательств вообще»²³. То есть, деньги получил сын Байдена — Хантер, который, как мы сегодня знаем, являлся посредником между самим Байденем и его контрагентами в зарубежных странах.

Но и на этом фактчекеры не остановились, они уточнили информацию: «В докладе, опубликованном республиканским большинством в комитетах Сената по финансам и внутренней безопасности, говорится, что Хантер Байден и его деловой партнер Девон Арчер имели финансовые отношения с Еленой Батуриной, вдовой человека, который был мэром Москвы до 2010 года. В качестве источника в докладе приводятся нераскрытые документы. Без ознакомления с документами, на которые опираются республиканцы, это обвинение остается бездоказательным». Вспоминаем Спрингфилд, где для подтверждения информации из СМИ, высказанной Трампом, необходима была еще и позиция официальных лиц города. В этом случае фактчекеры отказывают в доверии даже официальному документу Сената. Все для достижения цели! И слова Трампа названы ложью, потому что фактчекеры не смогли ознакомиться с доказательствами, которые есть у Конгресса США. Вот такой подход к проверке информации у профессионалов фактчекинга.

В свою очередь, фактчекеры с ABC, которые тоже проверяли дебаты, набросились на это заявление Трампа, приводя слова адвоката Х. Байдена Джорджа Месиреса, что, это «ложь», — Хантер Байден «не был заинтересован и не был соучредителем *Rosemont Seneca Thornton*, поэтому утверждение о том, что ему заплатили 3,5 миллиона долларов, является ложным.

²² Байден предложил главному инфекционисту США Фаучи работать в новой администрации. ТАСС, 4.12.2020. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10167853> (дата обращения: 21.10.2024).

²³ Fact-checking Donald Trump, Joe Biden in the final presidential debate. PolitiFact, 23.10.2020. URL: <https://www.politifact.com/article/2020/oct/23/fact-checking-donald-trump-joe-biden-final-preside/> (дата обращения: 21.10.2024).

А сам Байден был связан с *Rosemont Seneca Partners*, а не с *Rosemont Seneca Thornton*, как утверждали республиканцы в Сенате»²⁴. То есть, Х. Байден был связан с одной из двух сопряженных компаний, которая получила деньги от русских. И фактчекеры предлагают «поверить на слово» не президенту США, а адвокату подозреваемого. Впрочем, сенатское расследование прямо говорит, что «*Rosemont Seneca Thornton* представляет собой консорциум двух компаний — *Rosemont Seneca Partners* и *Thornton Group*. *Rosemont Seneca Partners* создали в июне 2009 года все тот же Х. Байден, а также Арчер и Кристофер Хайнц. Наконец, *Thornton Group*, если верить выводам сенатских исследователей, тесно аффилирована с бизнесом Байдена и его партнеров»²⁵.

Тут фактчекеры ступают на минное поле, пытаясь доказать отсутствие коррупционных интересов Джозефа Байдена. Они активно пытаются обелить его действия, когда тот, будучи вице-президентом, потребовал от президента Украины увольнения генерального прокурора страны. Напомним, что Украина после Майдана 2014 года превратилась в заложницу американских политиков и корпораций. Уже в мае 2014 года сын тогдашнего вице-президента США Джо Байдена Хантер вошел в совет директоров добывающей компании *Burisma Holdings*. Известна история о том, как украинский генеральный прокурор Виктор Шокин начал расследование против данной компании и тем самым затронул интересы Байдена. Тогда будущий американский президент лично прилетел на Украину и уволил генпрокурора страны. Он сам рассказывал об этом, даже не стесняясь: «Я ездил в Киев 12 раз и в конце должен был объявить, что мы предлагаем еще один миллиард долларов кредитных гарантий. Я получил обещания от Порошенко и Яценюка, что они будут предпринимать шаги по генеральному прокурору, но они этого не сделали. Я сказал, что вы не получаете миллиард долларов, и я уезжаю через шесть часов, если ваш генпрокурор не будет уволен к тому времени, вы не получите денег. И тот сукин сын был уволен»²⁶.

Как этот неоспоримый факт вмешательства вице-президента США во внутренние дела «независимого» государства в интересах члена своей семьи интерпретируют фактчекеры? Это вот все, оказывается, лишь «полуправда». «Полуправда» заключалась в следующем, по мнению фактчекеров: «Когда Хантер Байден занимал должность „директора крупнейшего частного производителя газа в Украине“, его отец „угрожал удержать 1 миллиард долларов помощи США Украине, если они не уволят прокурора, изучающего“ газовую компанию. Видео правильно передает отдельные части этого

²⁴ Fact-checking Trump and Biden during 2nd 2020 presidential debate. ABCNews, 23.10.2020. URL: <https://abcnews.go.com/Politics/fact-checking-trump-biden-2nd-2020-presidential-debate/story?id=73750341> (дата обращения: 21.10.2024).

²⁵ Как первая российская женщина-миллиардер Елена Батурина оказалась американской демократкой. Версия.ру, 30.09.2020. URL: <https://versia.ru/kak-pervaya-rossijskaya-zhenshhina-milliardere-elena-baturina-okazalas-amerikanskoj-demokratkoj> (дата обращения: 21.10.2024).

²⁶ Как Байден снимал прокурора Украины. YouTube, 20.03.2022. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=CO3Bv78FCAI> (дата обращения: 21.10.2024).

утверждения, — Хантер Байден был директором компании, и Джо Байден действительно использовал помощь США, чтобы уволить прокурора. Но в ролике перегибают палку, предполагая, что Джо Байден действовал, чтобы защитить компанию, с которой был связан его сын. На самом деле на Западе было широко распространено мнение о том, что действующий прокурор должен уйти, и неясно, выиграла бы компания от его увольнения в любом случае, учитывая доказательства того, что она долгое время бездействовала. Тем не менее, эксперты критикуют Байденов за их договоренность, заявляя, что это мог быть значительный конфликт интересов. Мы оцениваем утверждение как полуправда»²⁷.

* * *

Борьба фактчекеров с правдой шла не только в США, — их сеть работала по всему миру. О чем ее представители и отчитывались материнским организациям — Институту Поинтера и Международной сети проверки фактов. Так, *ColombiaCheck* писала, что в Колумбии сенатор Мария Фернанда Кабала солгала, когда заявляла, что Байден получил больше голосов в определенных округах, чем было зарегистрировано избирателей. Якобы она полагалась на «устаревшую информацию, чтобы сделать ложное заявление»²⁸. В Испании организация по проверке фактов *Maldita.es* проверила как минимум 30 утверждений о выборах в США, «опровергая» те, что не идут на пользу демократам в США.

Основная работа для фактчекеров по всему миру началась как раз после оглашения результатов выборов. Грязные и «украденные» выборы, очевидно, снижали легитимность президента Джо Байдена. И именно фактчекеры в различных странах бросились доказывать пользователям соцсетей, а через них — и многочисленным СМИ, что всё в США проходило в рамках легитимных выборных процедур. Результатом работы как американских, так и заграничных фактчекеров стало то, что было проверено большинство сообщений о нарушениях.

Еще одно утверждение звучало так: «Работники избирательных участков в Пенсильвании не были пойманы на мошенническом заполнении бюллетеней. Работники избирательных участков переписывали информацию из поврежденных бюллетеней в пустые бюллетени, чтобы их можно было подсчитать»²⁹. То есть, имеем в наличии поврежденные бюллетени, которые

²⁷ Louis Jacobson. Fact-checking Joe Biden, Hunter Biden, and Ukraine. PolitiFact, 7.05.2019. URL: <https://www.politifact.com/factchecks/2019/may/07/viral-image/fact-checking-joe-biden-hunter-biden-and-ukraine/> (дата обращения: 21.10.2024).

²⁸ Falsehoods about the 2020 election run rampant on the world stage. Poynter.org, 17.11.2022. URL: <https://www.poynter.org/fact-checking/2020/falsehoods-about-the-2020-election-run-rampant-on-the-world-stage/> (дата обращения: 21.10.2024).

²⁹ Daniel Funke. Fact-checking false claims about the 2020 election. PolitiFact, 20.11.2020. URL: <https://www.politifact.com/article/2020/nov/20/fact-checking-false-claims-about-2020-election/> (дата обращения: 21.10.2024).

были переданы для «переписи» членам избирательной комиссии, которые их собственноручно переправляли. Что это, если не нарушение? Но, по мнению фактчекеров — все было в пределах нормы.

Далее — учет бюллетеней в Калифорнии после завершения процедуры голосования? «Нет, это не было „жульничеством“, когда работники избирательных комиссий Калифорнии собирали бюллетени после того, как штат призвал Байдена. Чиновник округа сказал, что ящики были заперты в 8 часов вечера в ночь выборов»³⁰. Ну, раз чиновник сказал, значит точно — жульничества не было...

И далее:

- Трамп ошибается, утверждая, что наблюдателям на выборах было запрещено работать в Пенсильвании и Мичигане;
- Более 100 республиканских претендентов следили за подсчетом бюллетеней для заочного голосования в Детройте, несмотря на заявления о том, что их несправедливо не пустили;
- Тед Круз ложно утверждал, что Филадельфия подсчитывает голоса под «покровом тьмы»;
- Вывеска возле избирательного участка в Пенсильвании — это не мошенничество с голосованием;
- Бюллетени за Трампа не были обнаружены в мусорном баке в Джорджии;
- На видео якобы показаны выброшенные бюллетени за Трампа в округе Талса, штат Оклахома, но бюллетени были испорчены, значит, по закону уничтожены и выброшены.

И так далее: вся проверка фактчекеров из PolitiFact после выборов была направлена на защиту результатов кандидата от Демократической партии. А отчет заканчивался словами: «Мы проверяем неточные заявления людей, находящихся у власти, независимо от политической партии». К власти, правда, уже пришел человек от другой партии. И, как мы могли наблюдать, не без помощи фактчекеров, ставших удобным пропагандистским инструментом в руках связанных с демократами глобалистских структур.

Список литературы

1. Данилин П. Фактчекинг как новый инструмент в пропагандистских войнах // Гражданин. Выборы. Власть. 2023. № 3(29).
2. McClung A., Lee E.B. The Fine Art of Propaganda: A Study of Father Coughlin's Speeches. Institute for Propaganda Analysis. NY: Harcourt, Brace and Co, 1939.
3. Данилин П., Захаров М. Информационные войны от Трои до Бахмута. Как противостоять деструктивной пропаганде. М.: Книжный мир, 2024.

³⁰ Там же.

ПРОБЛЕМА ЕСТЕСТВЕННЫХ ПРАВ ЛИЧНОСТИ В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Аннотация. Статья посвящена проблеме естественных прав личности в произведениях классиков политико-правовой мысли Западной Европы в раннее Новое время (около 1550–1700). Новое время — это поворотный момент не только в жизни всей мировой цивилизации, но и в истории философской мысли и политической науки, в точке соприкосновения которых складывались современные учения о государстве и праве. Раннее Новое время — время крушения феодальной социально-экономической формации и кризиса традиционного религиозного миропонимания — дает мощный импульс к быстрому развитию капиталистических экономических отношений в Западной Европе. На протяжении XVI–XVIII веков в Западной Европе складываются неразрывно связанные между собой социальные и политические институты буржуазной частной собственности на средства производства и естественных прав человека или гражданина, философское обоснование которых усматривали чаще всего в актуальных тогда теориях естественного права или общественного договора. В это же время в произведениях ряда влиятельных представителей западноевропейской политико-правовой мысли был представлен довольно широкий спектр самых разнообразных идей и концепций, в той или иной мере затрагивавших проблему теоретического осмысления естественных прав личности как совершенно особого правового института.

Ключевые слова: господство, естественное право, естественные права личности, жизнь, права человека, рабство, раннее Новое время, самоубийство, свобода, собственность.

THE PROBLEM OF NATURAL RIGHTS OF THE INDIVIDUAL IN WESTERN EUROPEAN POLITICAL AND LEGAL THOUGHT OF THE EARLY MODERN PERIOD

Abstract. This article is devoted to the problem of natural rights of the individual in the works of the classics of political and legal thought of Western Europe in the Early Modern Period (c.1550–1700). Modern Period is a turning point not only in the history of the entire world civilization, but also in the history of philosophical thought and political science, at

the point of contact of which the doctrines of the state and law were formed. The Early Modern Period – the time of the collapse of the feudal socio-economic formation and the crisis of the religious worldview – gives a powerful impetus to the rapid development of capitalist economic relations in Western Europe. Throughout the 16th-18th centuries, in Western Europe, inextricably linked social and political institutions of bourgeois private ownership of the means of production and the natural human or citizen rights were formed, the philosophical justification of which was most often seen in the then relevant theories of natural law or social contract. At the same time, in the works of a number of influential representatives of Western European political and legal thought, a fairly wide range of the most diverse ideas and concepts were presented, which in one way or another affected the problem of theoretical understanding of the natural rights of the individual as a completely special legal institution.

Keywords: *dominance, natural law, natural rights of the individual, life, human rights, slavery, Early Modern Period, suicide, liberty, property.*

*Светлой памяти
Юрия Алексеевича Веденева (1945–2024)
посвящается*

Идея естественных прав личности или прав человека, то есть идея о том, что все люди уже в силу одной своей «природной» сущности человеческих начал обладают определенными правами, которые повсеместно следует признавать и защищать, имеет преимущественно «западное» происхождение, восходя к этическим идеям античной мысли или первоначального христианства, и относится к числу наиболее значительных и вместе с тем противоречивых проблем политической мысли раннего Нового времени (около 1550–1700). Более того, одна из ключевых проблем всей актуальной политико-правовой мысли заключается именно в том, чтобы четко уяснить, могут ли такие права быть в полной мере ассимилированы в традиционных либо религиозных культурах сообществ, прямо не принадлежащих к западной традиции, или это невозможно в принципе. В подобных обстоятельствах задача осмысления того, как идея естественных прав смогла сперва зародиться, а затем закрепиться и сохраниться в общественном и идеологическом пространстве всегда быстроизменяющегося западного мира, представляет собой не просто праздный или, так сказать, «археографический» интерес. В данной статье мы попытаемся кратко рассмотреть происхождение и развитие в раннее Новое время лишь одного конкретного аспекта, связанного с этой довольно проблематичной сферой политико-правовой мысли, — идеей обладания лица собой либо господства над самим собой, то есть идеей права собственности на самого себя как принципиальной основы для формирования современного юридического института прав человека.

Идея права собственности личности на самую себя довольно широко используется и в современной литературе, особенно когда затрагивается

тема прав человека, а очевидный источник этой идеи находят, прежде всего, в политических работах Джона Локка, который утверждал, что «каждый человек обладает некоторой *собственностью*, заключающейся в его собственной *личности*, на которую никто, кроме него самого, не имеет никаких прав» [1, с. 277]. Тем не менее немалая часть актуальных исследований в данной области была посвящена отысканию гораздо более ранних истоков концепции естественных прав личности в философии и юриспруденции позднего западноевропейского Средневековья, а также в трудах выдающихся представителей иберийской неосхоластики. Подобные исследования предполагают, что мы должны были бы научиться воспринимать современные доктрины прав человека не как неведомо откуда взявшиеся нововведения XVII столетия либо эпохи Просвещения, а в качестве конечного продукта развития очень давней и мощной традиции философской мысли, берущей начало в работах ряда крупных мыслителей — представителей «зрелой» схоластики периода XII–XIII веков.

Исследования последнего времени, посвященные представлениям и формулировкам раннего Нового времени о естественных правах, привели к более ясному пониманию проблемы, но также и поставили совершенно новые вопросы, которые нередко затрагивают проблемы автономии воли индивида и свободы человека, прямо связанные с заявленной нами темой «*обладания личности самой собой*». Некоторые современные авторы с уверенностью утверждали, что, даже если какие-либо представления о естественных правах личности и существовали в средневековую эпоху, то они радикально отличались по своему характеру от современной концепции прав человека. Этот аргумент предполагает не только то, что актуальный сегодня «дискурс о правах» включает в себя столь многое, о чем средневековым мыслителям даже и не грезилось, — это всего лишь самоочевидная истина, — но также и то, что вся основа «досовременных» прав была такова, что она вообще не могла бы привести к концепции прав человека в нынешнем ее понимании, то есть по сути дела утверждается, что современные права человека не могли бы возникнуть в условиях Средневековья в принципе.

Существенным аргументом в пользу этой позиции становится констатация того, что современные права человека вытекают из идеи автономии воли индивида, а «досовременные» — из этики естественного права, и что, таким образом, эти два подхода в конечном счете несовместимы друг с другом. Фиксируется, что функция естественного права состоит в том, чтобы ограничить диапазон нашего выбора довольно ригидными предписаниями и запретами, а современные теории прав человека, напротив, предусматривают определенную сферу автономии субъекта, где индивид волен действовать по собственному усмотрению, и где он может осуществлять полное господство над своими действиями и поступками, приобретая тем самым некоторый эквивалент политического «суверенитета» для собственной личности. И такие права, как утверждается, не могут быть непосредственно

выведены из идеи естественного права, поскольку в рамках последнего единственные права, которые могут существовать, — это права подчиняться предписаниям закона и выполнять те обязанности, которые самим этим законом на нас же и налагаются.

Хотя мысль о том, что средневековые «права человека» могли быть не столько правами, а скорее обязанностью подчиняться предписаниям естественного права, в современных исследованиях часто воспринимается как нечто само собой разумеющееся, довольно трудно привести какие-либо конкретные примеры из текстов того времени, где бы содержалось подобное утверждение. Вместо этого, при непосредственном обращении к средневековым источникам, мы, скорее, сталкиваемся в них с давней традицией «схоластического» дискурса о естественных правах, где особое внимание уделялось праву выбора индивида, а также исполнению им обязанностей. В частности, существовали две принципиальные идеи, выступавшие, пожалуй, стержневыми в средневековом дискурсе о естественном праве или естественных правах личности, которые сохранялись и всегда способствовали утверждению человеческой автономии и связанному с ней праву выбора, — таковыми были идея «все-дозволяющего» естественного права и идея обладания индивидом самим собой.

Коротко касаясь содержательной стороны рассматриваемых идей, отметим, что правоведы XII столетия придали несколько иную трактовку античному термину «*ius naturale*» (естественный закон или естественное право), который теперь стал означать: «То, что разрешено или одобрено, но не предписано каким-либо законом». При помощи данного определения юристы начали выделять в рамках этики естественного права сферу человеческой автономии, где закон не приказывает и не запрещает, а оставляет людям свободу выбирать свои собственные варианты действий. С тех пор идея «все-дозволяющего» *ius naturale* как принципиальной основы существующих естественных прав человека имела непрерывную историю вплоть до начала XIX века и сохраняла определенную научную актуальность даже в политических работах Иммануила Канта и Иоганна Готлиба Фихте.

Другим основанием человеческой автономии, с которой мы сталкиваемся в работах раннего Нового времени, выступает идея обладания самим собой (идея права собственности на себя либо господства над самим собой). Именно она становится узловой темой нашего рассмотрения. Для раскрытия поставленной проблемы мы сможем предложить вниманию читателей только несколько избранных фрагментов из текстов широко известных авторов. Само собой разумеется, что, рассматривая некоторые темы, например, учение святого Фомы Аквинского о свободе воли и любви к самому себе либо представления Франсиско де Витории о правах индейского населения Америки, мы лишь слегка коснемся самой поверхности проблем, которые иначе потребовали бы гораздо более сложной системы аргументации при их полномасштабном анализе. Таким образом, мы начнем свои размышления

с краткого обзора идей о естественных правах личности, существовавших на излете Средневековья, далее обратимся к учениям авторитетных мыслителей раннего Нового времени, а в заключение немного затронем классическую философско-правовую концепцию Дж. Локка, лежащую в основе современных представлений об институте прав человека.

* * *

1. Представляется правомерным начать повествование, обратившись к творческому наследию *святого Фомы Аквинского* (1225–1274), поскольку философские и теологические работы этого великого религиозного мыслителя Европы нередко оцениваются как эталонные с точки зрения стройности и последовательности изложения средневекового схоластического учения об *ius naturale*. Непосредственно сам Аквинат и не развивал юридический аспект доктрины естественных прав личности, однако он представил самые разнообразные аргументы относительно свободы выбора человека, которые были восприняты создателями более поздних теорий прав человека. Кроме того, у Фомы была своя собственная концепция автономии личности, основанная на природе человеческой рациональности, ибо всякое разумное существо, полагал мыслитель, не было предписано другому как цель, а скорее — в силу человеческого достоинства — все были равны в свободе [2, р. 255]. Современный исследователь томизма Мартин Ронхаймер совершенно определенно утверждает, что понимание Ф. Аквинским естественного закона, устанавливаемого разумом, уже само по себе являлось утверждением автономии человеческой личности [см. подробнее: 3, р. 5, 534].

Подобно Дж. Локку Ф. Аквинский полагал, что люди, даже подчиняясь Господу Богу, обладают естественной властью как над внешними вещами, так и над своими собственными поступками, и что эти две формы властвования тесно взаимосвязаны. «Человек ничего не любит больше, чем свободу своей собственной воли. Ибо именно благодаря этому он [и] является человеком и владыкой (*dominus*) других вещей, благодаря этому он может использовать их и наслаждаться ими, благодаря этому он также руководит (*dominatur*) своими собственными действиями» [4, р. 560]. Обычно в работах Фомы Аквинского словосочетание *dominium actuum* точнее всего переводится как владычество над своими действиями, но в какой-то момент мыслитель заметил, что человек господствует над самим собой точно так же, как он господствует и над внешними вещами [5, р. 327]. В различных других контекстах Фома объяснял господство человека над своими действиями или поступками как способность свободного выбора индивида, качественно отличающую людей от множества неразумных существ: «Вещи, обладающие разумом, сами движутся к цели, потому что они управляют своими действиями посредством [возможности] свободного выбора, который является способностью воли и разума; те же, у кого отсутствует разум, стремятся к цели по естественной склонности, поскольку ими движет [кто-то] другой» [5, р. 355].

В несколько ином контексте Аквинат писал о «суждении человека по его собственной воле» (*propriae voluntas arbitrium*), благодаря которому он становился господином или хозяином самого себя (*sui dominus*); мыслитель также утверждал, что только свободные действия, совершаемые человеком как господином (*dominus*) своих действий, могут быть по праву названы человеческими [например, см. 4, р. 560; 5, р. 354]. Утверждать обратное, то есть то, что человек не является хозяином своих собственных действий, означало бы уничтожить всю моральную философию и разрушить общественную жизнь человечества [6, р. 43]. Для Фомы свободный выбор человека включал в себя также право и способность индивида выбирать порой и зло, хотя философ и подчеркивал, что свободная воля никогда не была настолько подчинена страсти, чтобы человек был вынужден грешить; в противном случае он не мог бы нести ответственность за свои поступки в принципе [2, р. 200].

Учение Ф. Аквинского о господстве над собой сопровождалось надежной и убедительной доктриной «законного себялюбия», ибо для средневековых авторов любовь к себе вовсе не была грехом или недостатком падшей природы, а выступала примером добродетели либо даже милосердия. Все понимали, что заповедь любить ближних как самих себя требует, чтобы мы в первую очередь любили самих себя (после Господа Бога, разумеется). Следовательно, когда Аквинат размышлял о грехе самоубийства, в основе его аргументации лежало то обстоятельство, что это — грех против милосердия, то есть против той любви, которой человек был обязан самому себе [5, р. 610].

В произведениях Ф. Аквинского акцент на свободе человека дополнялся различными рассуждениями о подходящих пределах власти земных правительств, ибо, согласно его учению, человеческий закон может судить только внешние действия, а не внутренние акты волеия или намерения [5, р. 490]. Все мы обязаны вышестоящим только в тех вопросах, в которых мы им подчиняемся, а не в решениях, зависящих от внутреннего выбора нашей собственной воли, таких как решение жениться, не жениться, «или что-нибудь еще в таком же роде» [5, р. 661]. В подобных вопросах, утверждал Фома, человек настолько свободен, что может действовать даже вопреки повелениям самого римского папы [2, р. 613]. Более того, человеческий закон запрещает не все известные пороки, а только наиболее тяжкие, особенно те, которые причиняют вред другим, то есть такие, как убийство, воровство или изнасилование [5, р. 482]. И к некоторым иным противоправным практикам, таким, как, например, религиозные обряды инаковерующих или язычников, в христианских обществах следует относиться терпимо, дабы их подавление не привело к еще более худшим последствиям [5, р. 539].

Таким образом, Ф. Аквинский оставил нам довольно аргументированную и глубоко продуманную концепцию обладания самим собой и свободы выбора индивида, хотя и не создал какой-либо соответствующей доктрины естественных прав личности. Однако это классическое схоластическое

изложение элементов средневекового *ius naturale*, безусловно, включало в себя и моменты мышления, которые могли бы поспособствовать развитию более поздних и развитых концепций прав человека, основанных на автономии человеческой личности. Кроме того, как заметил один из современных комментаторов, временами кажется, что учение Аквинского буквально вопиет (*sic!*) о дополнительной и самостоятельной доктрине естественных прав человека [см. подробнее: 7, р. 96n].

* * *

2. Формулировки, в общем и целом сходные с высказываниями доминиканца Фомы Аквинского об обладании самим собой, встречаются также и во францисканских источниках XIII столетия. Так, теолог и философ *Джон Питер Оливи* (1248–1298) приводил хороший пример, когда, рассматривая сложный юридический казус, касающийся предположительно ростовщического контракта, отмечал: «Каждый является собственником (*dominus*) самого себя и всего, что ему принадлежит в отношении любого [заключаемого] договора или [производимого] обмена, не запрещенного правом или законом». Однако, допуская, что контракт действительно мог быть ростовщическим, Оливи добавил: «Никто не является собственником самого себя или своего [имущества] в том, что касается вещей, противоречащих Богу» [8, р. 319, 321]. Таким образом, здесь один и тот же термин «*dominus*» применяется как к самому себе, так и к обладанию внешними вещами.

Во второй половине XIII столетия наиболее подробное раскрытие проблемы, связанной с обладанием самим собой, было дано известным светским теологом из Парижа *Генрихом Гентским* (1217–1293), который задался вопросом, может ли преступник, справедливо приговоренный к смертной казни, законно скрыться от правосудия. И таким образом он поднял вопрос о праве и обязанности самосохранения, то есть суть аргументации Гентского заключается в том, что она затрагивает идею права человека на самого себя, понимаемого конкретно как право собственности. Теолог в первую очередь указывал на обстоятельство, что разные люди могут обладать властью над одним и тем же предметом по-разному, — у одного лица может быть собственность, которой пользуется другой, и каждый из них может осуществлять свое собственное право, не причиняя вреда другому.

В упомянутом примере Гентского судья имел право использовать тело преступника, — захватить его, удерживать и даже убить; однако преступник также обладал правом использовать свое тело для сохранения собственной жизни; кроме того, подобная власть сама оказывается правом по закону природы.

Заключительная стадия рассмотрения вопроса касалась первоначального различия между использованием и обладанием, ибо если у судьи было только право использования тела преступника, то преступник обладал и полным правом собственности на самого себя: «Только душа, находящаяся под

владычеством Господа Бога, обладает властью в отношении собственности на [саму] субстанцию [своего] тела» [9, р. 309].

Вывод из этого аргумента заключается в том, что при некоторых обстоятельствах право собственности на самого себя у преступника «превосходило» право судьи на пользование его телом, то есть, хотя заключенный и не мог вырваться на свободу силой, однако, если бы его оставили в тюремной камере несвязанным и с незапертой дверью, то он мог бы сбежать, не причинив вреда судье, и даже был бы обязан сделать это, чтобы сохранить свою жизнь. Подобного рода идея обладания самим собой «под владычеством Бога» со связанным с ней соответствующим правом и обязанностью самосохранения может даже напомнить нам об одном из аналогичных моментов в аргументации Дж. Локка.

В работах Г. Гентского право не всегда подразумевает неотвратимую обязанность; осуществление или неисполнение права зависело от тех конкретных обстоятельств, в которых оказался сам заключенный. Один из немалого числа различных авторов более позднего времени, обсуждавших вышеприведенный казус об осужденном преступнике, английский философ и теолог *Джон Мэйр* (ок. 1465–1550) практически полностью воспроизвел аргументацию Г. Гентского с явной отсылкой на названный источник. Мэйр, однако, пришел к выводу, что, хотя заключенный и мог на законных основаниях бежать из-под стражи, чтобы сохранить свою жизнь, он, тем не менее, совершенно не был обязан этого делать (*iudico quod non tenetur*). Таким образом, заключенный может принять справедливо назначенное ему наказание, то есть, по мнению Мэйра, право на самосохранение само по себе могло бы трактоваться как своего рода право выбора лица [см. подробнее: 10, Fol. CXXIIr].

В начале XIV столетия знаменитый итальянский мыслитель *Марсилиус Падуанский* (около 1275 — около 1342) дал несколько определений термину «*dominium*» (собственность), включив сюда и господство человека над своими действиями или поступками. Он пояснял, что без такого врожденного качества человеческого существа не могло бы быть и права собственности на вещи внешнего мира. Также добавил, что это настолько очевидно, что он оставляет это без каких-либо дальнейших комментариев [см. подробнее: 11, с. 332, 345].

Уже ближе к концу XIV века видный французский богослов *Жан Жерсон* (1363–1429) выдвинул весьма необычный аргумент (пожалуй, несколько созвучный взглядам древнеримского юриста Ульпиана), согласно которому даже неразумные существа в своих действиях обладают своего рода эквивалентом права, ибо они действуют в соответствии со справедливым разумом Бога, хотя ученый и отличал такое божественное право от простого права человеческого господства (*dominium*). Даже после Дня грехопадения, утверждал Жерсон, человек сохранил некоторое естественное господство (*dominium*), включая и «обладание своей собственной свободой» [12, р. 146]. Дискурс о господстве или обладании нашей свободой может показаться

нам довольно странным словоупотреблением, однако оно сохранялось еще и в XVIII веке, когда известный британский философ и этик Френсис Хатчесон заявлял, что каждый человек является изначально обладателем своей собственной свободы.

* * *

3. Наиболее подробное исследование рассматриваемой темы уже на излете Средневековья осуществил германский теолог *Конрад Зумменхарт* (около 1455–1502) в трактате «*De contractibus*» («О договорах»). Он последовательно отождествлял термины *ius* и *dominium*, то есть право и собственность. Это привело его к ощутимым результатам, когда он приступил к анализу феномена господства лица над самим собой. Господство над нашими действиями или поступками, возможность свободного выбора, которые обычно трактовались как психологические свойства, присущие людям, теперь рассматривались как определенное правомочие лица — право на свободу.

К. Зумменхарт первоначально определил «*dominium*» (прямо следуя в этом за Ж. Жерсоном) как «непосредственную власть или способность брать какую-либо внешнюю вещь [...] для своего законного использования» [13, р. 1]. Однако затем ученый уточнил, что господство не всегда распространяется только на внешний круг предметов или явлений, следовательно, можно было бы сказать, что душа властвовала над собой или воля властвовала над собой, переходя от бездействия к действию [13, р. 4]. Далее Зумменхарт перешел к рассмотрению обладания самим собой как свободы выбора, однако теперь он определил эту свободу как *право* на свободу, понимаемое в строго юридическом смысле. «Точно так же и свобода является разновидностью права (*iuris*), и свободный человек имеет это право сам по себе, а именно [право] делать то, что ему заблагорассудится. Отсюда право (свободы) определяется в „Институциях“ как естественная способность делать то, что человеку заблагорассудится, если только это не запрещено силой или законом» [13, р. 4]. Затем Зумменхарт все же добавил предостережение: «однако лицо не является обладателем (*dominus*) своих членов [для того], чтобы отсекать их либо иным образом злоупотреблять оными».

В своем трактате К. Зумменхарт представил вниманию читателей полномасштабную дискуссию о человеческой свободе и господстве, затрагивая известную и на тот момент довольно давнюю проблему морального богословия, так как еще с XIII столетия теологи активно обсуждали вопрос, можно ли заплатить фиксированную сумму, чтобы получить право на постоянный доход. Он рассматривал частный и конкретный вариант указанной проблемы: может ли человек «установить доход для другого в самом себе либо в своей личности», то есть — заключить такой договор, которым он обрекает себя на пожизненное рабство у другого лица [13, р. 335].

Зумменхарт, пожалуй, первым отметил, что принудительному рабству может подвергнуться пленник, взятый во время ведения несправедливой

войны либо захваченный неким преступником, однако его истинной целью было доказать, что право человека на свободный выбор распространяется даже на возможность добровольного порабощения самого себя. В обычной схоластической манере ученый привел ряд контраргументов, а затем сам же ответил на них. Один из его контраргументов, извлеченный из сокровищницы римского права, прямо поднимал вопрос о праве собственности на самого себя. «Согласно смыслу *lex Aquileia*, никто не является собственником (*dominus*) своих собственных членов; еще меньше он является обладателем своей личности. Следовательно, никто не может продать самого себя, ибо всякий, кто что-нибудь продает, является собственником продаваемой вещи» [13, р. 337].

Вышеприведенную нами позицию сам же Зумменхарт намеревался опровергнуть. Утверждая, что человек настолько сам себе господин, что может самого себя запродать в рабство, он апеллировал как к римскому гражданскому праву, так и к христианской теологии. Что же касается гражданского права, то, если бы у человека не было прав на самого себя и свое собственное тело, то закон, трактующий свободного человека как *personu sui iuris* (*своего права*), принадлежащую самой себе или существующую по своему собственному праву, был бы бессмысленным.

Опираясь на традиционное богословие, Зумменхарт утверждал, что Бог дал человеку власть над самим собой и его собственной личностью в Екклесиасте: «Бог [...] оставил его в руках своего собственного совета». Затем теолог привел один из аргументов Дунса Скота, согласно которому наши тела принадлежат Господу Богу, но не каждый акт их использования или наложения на них каких-либо обязательств требует прямого божественного дозволения, а, напротив, Бог даровал человеку достаточно широкий диапазон свободного выбора. «Хотя человек в силу своего сотворения и обязан Богу во всем, что он может сделать, но Бог не требует от человека слишком многого, а скорее, оставляет ему свободу при условии лишь соблюдения им Декалога» [13, р. 337].

Далее Зумменхарт продолжил рассмотрение текстов источников римского права, разрешавших добровольное подневольное состояние, и пришел к следующему выводу: «Не похоже, что свободный человек не может обязать себя бессрочно служить другому [...], ибо, если он свободен, у него есть способность делать все, что ему заблагорассудится, если только это не запрещено силой или законом» [13, р. 339]. Ко всему вышесказанному ученый присовокупил довольно необычный и странный аргумент, чтобы тем самым доказать справедливость своей точки зрения: если бы договор о постоянной службе был незаконным, то согрешили бы и профессора его собственного университета, согласившись преподавать в данном университете на постоянной основе в обмен на фиксированное вознаграждение [13, р. 339]. Хотя Зумменхарт обильно цитировал римское право, однако тот вид «рабства», который он имел в виду, очевидно, не был подлинным

античным рабством «одушевленных орудий», приобретшим столь широкое распространение в ряде стран древнего мира.

Вероятно, нам сегодня может показаться несколько парадоксальным, что в работе К. Зумменхарта, впрочем, как и в некоторых произведениях других авторов (а в числе прочих и у того же Дж. Локка) пределы человеческой свободы исследовались путем рассмотрения возможности добровольного рабства. Однако вряд ли можно было бы найти более очевидные доводы в пользу широкого спектра прав выбора личности, нежели те аргументы, которые были представлены немецким теологом. В его трактате «*De contractibus*» свобода выбора, присущая господству человека над самим собой, понималась как право на свободу, и осуществление этого права распространялось на те варианты выбора, которые прямо не возбранялись десятью библейскими заповедями.

* * *

4. Вышеупомянутый трактат весьма широко цитировался представителями испанской неосхоластики XVI–XVII столетия, а сам великий Франсиско де Витория именовал его не иначе как «благородной книгой». Труды иберийских мыслителей — представителей так называемой «Школы Саламанки» — предоставляют исследователю еще один чрезвычайно обширный массив аргументации относительно различных аспектов обладания самим собой, но опять же, будучи по необходимости избирательными, мы решили выбрать для рассмотрения всего лишь два, но абсолютно хрестоматийных примера: Франсиско де Виторию и Франсиско Суареса.

Основатель достославной Саламанкской школы, философ, теолог и юрист *Франсиско де Витория* (около 1483–1546) представляет серьезный интерес для современной юридической науки своим весомым вкладом в развитие идеи обладания самим собой, так как он использовал эту правовую концепцию в качестве основного аргумента в знаменитой апологии прав американских индейцев. Однако Ф. де Витории также было что сказать и по другой актуальной на тот момент теме, — о возможности осуществления права выбора там, где речь идет о проблеме так называемого «естественного» долга, в частности, когда затрагивается вопрос о долге самосохранения.

В трактате «*Relectio de Indis*» («Чтение об американских индейцах») он предпринял попытку ответить на один из самых животрепещущих вопросов своего времени: «По какому праву американские варвары подпали под власть испанцев?» Первый вопрос, который следовало бы подвергнуть обсуждению, заключался в том, обладали ли индейцы каким-либо законным и правомерным «господством» (каковое ученый трактовал двояко — и как собственность, и как юрисдикцию) до прибытия в Новый свет испанцев.

Хотя де Витория отмечал, что он здесь опустит свое более раннее подробное рассмотрение категории «*dominium*», некоторые замечания в одном из его комментариев к работам Фомы Аквинского формируют само собой

разумеющуюся основу для позднейшей аргументации испанского философа. В одной из работ де Витория утверждал, что по своей великой щедрости Бог, Господь всего творения, дал всем людям «право и господство» надо всем сущим, и кроме того, подчеркивал мыслитель, все люди могли узнать об этом из установлений *ius naturale*; ибо не существовало народа настолько варварского, чтобы он не ведал, что именно человек является обладателем всех других вещей [14, р. 71, 72].

Если исходить из подобных предпосылок, то кажется очевидным, что индейцы, как, впрочем, и все другие народы, действительно обладали правом законного господства в полном соответствии с установлениями *ius naturale*. Де Витория соглашался с тем, что это должно было быть правдой, «не обладая доказательствами обратного» [15, р. 651]. Затем он представил три линии аргументации (каждую из которых сам же опроверг), каковые можно было бы использовать для доказательства того, что индейцы оказались неспособны удерживать власть, так как: были прирожденными рабами; оказались скудоумными или пустоголовыми; являлись грешниками или еретиками. Опровергая поочередно каждое из выдвинутых им же самим утверждений, де Витория апеллировал к идее обладания самим собой в качестве логического основания для своей дальнейшей аргументации.

При рассмотрении проблемы рабства он был особенно озабочен понятием *dominium* как правом обладания собственностью. Согласно нормам римского права, указывал мыслитель, раб не мог иметь ничего своего; все, что он приобретал, принадлежало только лишь его господину, а согласно мнению самого Аристотеля все варвары без различия были прирожденными рабами. В своем ответе де Витория прежде всего провел различие между «гражданским» (или юридическим) рабством, которое он рассматривал как одну из возможных форм каторжных работ, и «естественным» рабством Аристотеля. Затем он дал немного вводящую в заблуждение своим благодушием интерпретацию Аристотеля, основанную на идее права собственности каждого человека на самого себя: «Аристотель, конечно, не имел в виду, что люди с меньшим интеллектом естественным образом принадлежат другим или что они не имеют [права] собственности (*dominium*) на самих себя или на свое достояние. Рабство такого рода является гражданским и правовым институтом, и никто не является подобного рода рабом по своей природе» [15, р. 665]. Значит, по своей природе все люди владеют самими собой и могут обладать и многими другими вещами внешнего мира.

Ф. де Витория снова выдвинул на авансцену идею обладания самим собой, когда он рассматривал аргумент о том, что индейцы были совершенно неразумными существами и лишь поэтому неспособными к господству. Тот же К. Зумменхарт, под очевидным влиянием идей Ж. Жерсона (или Ульпиана) утверждал, что неразумные существа действительно обладают своего рода правами и господством, однако де Витория не захотел основывать защиту прав индейцев на столь зыбкой почве. Вместо этого он

настаивал на том, что аргумент Зумменхарта ошибочен, ибо неразумные животные не обладали правом господства над самими собой (*dominium sui*), а тем более над другими вещами внешнего мира. Затем он процитировал один отрывок из классических текстов Ф. Аквинского, где утверждалось, что только разумные существа обладают властью над своими действиями и, именно благодаря этому самообладанию, они и способны владеть внешними вещами [15, р. 662]. Данный аргумент подтверждал, что индейцы на самом деле были разумными существами и поэтому были в полной мере способны к господству. «Истина заключается в том, что они не пустоголовы, но по-своему используют [свой] разум. Это [и] понятно, потому что у них существует определенный порядок в своих делах. У них есть города, правильные браки, магистраты, правители, законы [...], [а] все это требует использования разума» [15, р. 664].

Вопрос об обладании самим собой вновь возник в тот момент, когда де Витория столкнулся с возражением, что индейцы не могут быть истинными господами, поскольку все они жили в состоянии язычества и греха. Здесь ему пришлось опровергнуть взгляды Фитцральфа и Уиклифа, полагавших, что всякое владычество основано на божественной благодати, и таким образом грешный правитель утрачивает свое право властвовать, а грешный собственник соответственно утрачивает свое право обладать. Ф. де Витория указывал, что его в первую очередь интересует последний пункт. И он вновь обратился к идее естественного обладания самим собой, присущего всем человеческим существам. «Если бы человек утратил гражданское господство, нарушив [заповедь] Бога, то по той же причине он утратил бы и естественное господство. Однако вывод оказывается ложным; грешник не теряет своей естественной власти над своими собственными поступками и своим собственным телом; грешник имеет право защищать свою собственную жизнь» [15, р. 654]. Следует заметить, что в своем более раннем комментарии к трудам Ф. Аквинского де Витория свою точку зрения на данную проблему сформулировал несколько иначе: если бы грех отнимал господство, то грешник никогда не стал бы хозяином собственного тела или собственных поступков, а значит, просто грешил бы, используя их. Здесь де Витория добавил, что человек также является обладателем (*dominus proprietarius*) и всех своих духовных даров [14, р. 107].

Последнее предложение только что процитированного отрывка — «грешник имеет право защищать свою собственную жизнь» — может познакомить нас с другой областью размышлений Ф. де Витории, которая также имеет отношение к рассматриваемой нами теме человеческой автономии и права выбора как возможности осуществления выбора даже в том случае, когда перед человеком стоит наиважнейшая обязанность, предписанная *ius naturale*. Конкретно здесь речь идет о долге самосохранения, и проблема заключается в том, что право обычно относилось к той поведенческой сфере, где человек был волен действовать по своему собственному усмотрению,

но мог бы индивидуум по этой причине принять решение не защищаться и тем самым навлечь на самого себя смерть?

Наиболее полное обсуждение данного вопроса содержалось в трактате де Витория «*De homicidio*» («Об убийстве»), который был посвящен главным образом проблеме самоубийств. Сначала философ представил совершенно стандартные аргументы, доказывающие, что самоубийство по своей сути греховно как противоречащее и божественному, и естественному праву. Однако это была только отправная точка для более обширной дискуссии, в которой исследовался вопрос, существуют ли какие-либо обстоятельства, при которых человек может стать причиной собственной смерти. В случае самообороны обычно допускалось, что жертва нападения могла бы законно убить нападавшего, если бы это был единственный способ сохранить свою жизнь. Следующий вопрос заключался в том, может ли жертва отказаться от своего права на жизнь и выбрать смерть. Исследуя данный вопрос де Витория пришел к выводу, что это было бы допустимым и даже добродетельным поступком, ибо, по его мнению, было бы более совершенным поступком принять собственную смерть, нежели предавать агрессора, совершавшего грех, немедленному проклятию. Ф. де Витория, однако, признавал, что этот вопрос весьма спорный, — во-первых, другие в этом с ним не соглашались, во-вторых, сам мыслитель в своем трактате вполне справедливо приводил совершенно противоположный аргумент: «Если бы человек мог защитить себя и не сделал этого, это противоречило бы заповеди не убивать себя» [16, р. 1113].

Ф. де Витория приводил множество случаев, когда человек мог бы законно сохранить свою жизнь, хотя и не был обязан этого делать. Он же утверждал, что только Господь Бог является верховным повелителем самих жизни и смерти.

Отметим, что эта проблема совершенно аналогична той, с которой мы сталкиваемся и у Дж. Локка: если жизнь человека принадлежит Богу, может ли он когда-нибудь решиться вызвать свою смерть? В предлагаемом им ответе Ф. де Витория гораздо более четко и обстоятельно, чем позднее сам Дж. Локк, объяснил корреляцию между божественной собственностью на личность и индивидуальной собственностью на самого себя: «Хотя человек и не является обладателем своего собственного тела и своей жизни, как он обладает и другими вещами, тем не менее у него есть что-то вроде права собственности и права на свою жизнь, так что, если кто-то причиняет вред его телу, то он причиняет вред не только Богу, который является верховным Господом жизни, но также и каждому человеку в отдельности. Поэтому он может похвально отказаться от этого права, которым он обладает в своем собственном теле, даже несмотря на то, что у него есть право защищать себя, и таким образом терпеливо переносить [и самую] смерть» [16, р. 1118].

Франсиско де Витория продолжил свой анализ различных обстоятельств, при которых человек может принять решение пожертвовать

собственной жизнью, одобряя подобный поступок в одних случаях и осуждая такой же поступок в других. К примеру, некий человек, у которого было ровно столько хлеба, чтобы прокормить себя, в то время как другие люди голодали, имел право оставить этот хлеб себе, однако он мог бы и отказаться от своего права и отдать хлеб другому человеку для того, чтобы спасти его жизнь. Подобным образом и моряк, потерпевший кораблекрушение, мог бы отбросить доску, за которую он цеплялся, чтобы таким действием спасти жизнь другому человеку [16, р. 1122]. Основная мысль де Витории заключается в том, что человек не мог бы законно сказать «я хочу покончить с собой», — однако он мог выбрать такой образ действий, который бы привел его к его смерти [16, р. 1128].

* * *

5. Один из гениальных мыслителей Иберийского полуострова *Франсиско Суарес* (1548–1617) — *Doctor Eximius*, как прозвали восхищенные универсализмом интересов философа современники, представил ученому миру крупные обобщающие работы, собрав в известном смысле творческий урожай со столетнего труда своих многочисленных выдающихся предшественников и коллег по Школе Саламанки. Если же мы теперь обратимся к его политико-правовым работам, то достаточно быстро обнаружим, что в трудах мыслителя идея господства над собой, понимаемая как внутренняя психологическая свобода (свобода выбора), была крепко связана с другой трактовкой идеи свободы, подчеркивавшей связь свободы с внешним владычеством. Затем такая расширенная концепция свободы тесно переплеталась с другой концепцией, о которой уже упоминалось, — идеей «все-дозволяющего» *ius naturale*. Суарес, желая подчеркнуть свободу воли человека отчасти в противовес современным ему протестантским теориям предопределения человеческой судьбы, писал: господство над нашими поступками означает не просто то, что мы можем совершать какие-то действия добровольно, но и то, что мы можем исходить из различных вариантов действий и выбирать — действовать или воздержаться от действий [см. подробнее: 17, р. 5, 6]. Человеческие поступки, считал мыслитель, не предопределены ни судьбой, ни влиянием небесных тел, ни аппетитами человеческого тела, ни даже подчинением воли интеллекту. Если бы воля неизбежно следовала суждениям разума, то не было бы по-настоящему свободных действий, и без такой свободы люди не могли бы нести ответственность за свои грехи [см. подробнее: 18, р. 162–165].

Затем обоснование философа обращается к другому пониманию свободы как свободы от подчинения другому. Подобно К. Зумменхарту Суарес рассматривал свободу выбора, связанную с господством над собой, как право, и опять же как и сам Зумменхарт, в своей аргументации апеллировал к римскому праву. В первоначальном значении, отмечал Суарес, слово *libertas* относилось к тому, кто был *неpcoной sui iuris*, то есть к тому,

кто существовал «сам по себе», не подчиняясь никому другому, а затем это первичное значение было перенесено на нашу внутреннюю свободу воли [18, р. 171]. И вот подобную свободу, присущую человеку, можно было бы охарактеризовать как *право*. И в другом контексте Суарес объяснял, что всякий светский человек, не принесший религиозного обета послушания, обладает «правом на свою собственную свободу» [19, р. 535].

Ф. Суарес присовокупил еще один принципиальный момент в вопрос рассмотрения свободы человека и связанных с ней юридических прав. В свое время Фома Аквинский утверждал, что люди вообще не могут выбирать своей целью в жизни, например, счастье или благоденствие, а только лишь конкретные средства для достижения какой-либо цели. Однако к этому он добавил, что упомянутое положение относится только к конечной цели; в жизни существует много других конкретных целей, и люди могли свободно выбирать между ними, то есть, по сути, каждый человек смог бы выработать свой собственный жизненный план [20, р. 713].

Идея обладания самим собой, понимаемая как свободный выбор человека, стала прямо ассоциироваться с более ранней идеей «все-дозволяющего» *ius naturale*, когда Суарес рассматривал вопрос о происхождении частной собственности, воспроизведя при этом некоторые идеи из числа «стандартных» аргументов. Бог был верховным Господом всего сущего, но люди пользовались подчиненным Богу господством как существа, созданные по образу Божьему, то есть как господа своих собственных действий либо поступков, наделенные свободной и разумной природой [18, р. 165; 19, р. 567].

Однако здесь Суаресу пришлось столкнуться с извечной проблемой канонического права, — общность прав собственности относилась к области установлений *ius naturale*, а само естественное право считалось незыблемым инвариантом. Философ давал на это тот же самый ответ, что и известные правоведы XII столетия: только повеления *ius naturale* были неизменными, а естественный закон, относящийся к общности собственности, был не предписывающим, а «дозволяющим, или отрицающим, или уступающим» [21, р. 137]. Соответственно, приобретение частной собственности было законным, а не предписанным или запрещенным, и являлось сферой свободного человеческого выбора.

В более позднем обсуждении Суарес отмечал, что многие вещи, которые не предписывались законом, могли быть сделаны законно в соответствии с *ius naturale*, — здесь он также упомянул о праве взять жену или сохранять свою свободу, — да и сама «способность» совершать подобные действия была сферой действия установлений естественного права (*ius naturale*) [см. подробнее: 21, р. 163–164]. Такими «естественными» правами индивида являлись не права исполнять обязанности, налагаемые незыблемыми велениями *ius naturale*, а права делать или воздерживаться, которые, выражаясь современным языком, оказывались правами выбора индивида.

Хотя Франсиско Суарес и подчеркивал право на свободу, но он также объяснял, что это тоже своего рода право выбора, а сам этот вопрос возник, когда философ обсуждал проблему происхождения человеческого правления и возможность добровольного рабства. Первоначальная проблема в обоих случаях заключалась в том, что согласно установлениям *ius naturale* все были свободны, то есть решение снова базировалось на идее «все-дозволяющего» права. Однако Суарес довольно тонко этому возражал, замечая, что, хотя *ius naturale* не дает одному человеку право господства над другим, оно фактически не запрещает человеку отказываться от своей свободы [21, р. 141].

Таким образом, в том, что касается задачи формирования человеческого правительства, Суарес, подобно Локку, пришел к выводу, что политическое сообщество, осуществляющее власть над своими членами, может быть сформировано законным образом, но только по «особой воле и общему согласию» индивидов, которые собрались вместе, чтобы его составить [21, р. 181]. Далее, чтобы пояснить свою мысль, он вновь обратился к идее обладания самим собой, используя ее на этот раз как своего рода метафору. Подобно тому, как человек по своей природе был свободным, а не рабом, обладая господством над своими поступками и властью над самим собой и своими членами, так и политическое объединение людей, созданное с их же согласия, обладало властью и повелевало собой и всеми своими членами [21, р. 183].

Ф. Суарес (опять же как и Дж. Локк после него) придерживался мнения, что учреждение правительства представляет собой двухэтапный политический процесс: сначала было сформировано политическое общество, а затем оно учредило для себя правящую власть. Проанализировав несколько известных форм правления, он предположил, что, вероятно, наилучшим был бы какой-либо тип ограниченной или смешанной монархии, однако его главная мысль заключалась в том, что конкретный тип правительства, которое должно быть учреждено, зависит от свободного выбора самого общества [21, р. 184], то есть мы снова оказываемся в сфере права выбора.

Единственным видом режима, который полностью исключался Суаресом, был абсолютный или неограниченный деспотизм. Ибо политическое правление, объяснял он, — это не господство, устанавливающее деспотическое рабство, а другой вид господства, — господство юрисдикции, учрежденное на благо подданных. Отдельные личности обладали правом на самооборону (согласно Суаресу — величайшее из всех прав) против агрессии тирана, и все сообщество вкупе могло устранить такого тирана от его политической должности [21, р. 178; 22, р. 676, 680].

Оставалось еще рассмотреть проблему свободы и рабства. Ф. Суарес много и с энтузиазмом писал о свободе человека, ибо, называя свободу естественной для людей и великим достижением человека, он отмечал, что свобода от подчинения основана на естественном достоинстве человека, сотворенного по образу и подобию Божьему, всегда являющегося *персоной*

sui iuris и созданного подвластным одному только Господу Богу [22, р. 203]. Тем не менее рабство существовало, и с этим фактом приходилось считаться.

Суарес дал обычное объяснение принудительному рабскому труду: оно берет свое начало в практике милосердного отношения к военнопленным и могло быть наложено государством в качестве наказания за уголовное преступление [19, р. 172]. Трудности возникали, когда философ приступал к рассмотрению проблемы добровольного порабощения самого себя, так как в этот момент смысл категории «*dominium*» изменялся со значения юрисдикции на значение собственности, включая право собственности на самого себя. Именно потому, что человек является собственником (*dominus*) своей свободы, утверждал Суарес, он мог продать или отчуждать ее; он мог отказаться от своего права собственности на себя и передать его кому-либо другому. Но иберийский мыслитель также должен был рассмотреть тот вопрос, который позднее занимал и Дж. Локка: жизнь человека принадлежит не только ему самому, но и Господу Богу.

Ответ Суареса заключался в том, чтобы провести принципиальное различие между продажей своей жизни и продажей своих услуг (подобно тому, как Локк проводил различие между подлинным рабством и некоей «тяжелой работой»). «Хотя человек, по сути, и не является господином своей собственной жизни, тем не менее, у него есть свое собственное право владеть ею и сохранять ее, от которого [...] он не может отречься или отделить [его] от себя, ибо это противоречит праву высшего сеньора. Следовательно, хотя человек и может запродать себя в рабство, он не имеет возможности продать ни свою жизнь, ни право, каковым обладает на нее. Он также имеет право использовать свои члены и способности для своих действий, и это право он может отчуждать, как это делается при добровольном рабстве» [19, р. 557]. И далее Суарес дает пояснение своей мысли: «Поскольку человек не является абсолютным владельцем своего собственного тела для какого бы то ни было использования, он не может продать его другому таким образом, чтобы другому было разрешено убить его или изувечить» [19, р. 706].

Ф. Суарес также обсуждал закон самосохранения и возможные исключения из него, когда рассматривал возможность самоубийства. Он ссылаясь на аргумент Ф. де Витории о том, что жертва нападения поступила бы добродетельно, если бы приняла смерть, а не сама убила нападавшего. Однако у Суареса имелись серьезные сомнения по поводу данного аргумента: он считал, что при прочих равных условиях первостепенной обязанностью человека является сохранение собственной жизни, то есть главная идея мыслителя заключалась в том, чтобы провести различие между отказом от сохранения собственной жизни, который иногда может быть и разрешен, и непосредственно совершением акта самоубийства, который безусловно должен всегда быть запрещен [23, р. 713].

* * *

6. После работ Франсиско де Витории и Франсиско Суареса мысль обладания самим собой воспроизводилась и в других произведениях на протяжении всего XVII столетия. Влиятельнейший правовед раннего Нового времени *Гуго Гроций* (1583–1645) писал о том, что «По [своей] природе достояние человека составляет [его] жизнь, которая не должна быть утрачена, но сохранена, а также тело, его члены, доброе имя, честь и собственные [его] действия» [24, с. 420]. Идея права собственности на самого себя также имела широкое хождение и среди английских левеллеров и была с предельной четкостью выражена их авторитетным идеологом *Ричардом Овертоном* (около 1631–1664): «Каждому индивидууму самой природой дана индивидуальная собственность, которая никем не может быть захвачена или [каким-либо иным образом] узурпирована: ибо каждый таков, каков он есть сам по себе, поэтому у него есть собственные права, иначе он не мог бы быть самим собой» [25, р. 3]. Похожие формулировки использовал в этот же исторический период и английский священник-пресвитерианин *Ричард Бакстер* (1615–1691): «Каждый человек рождается с чувством собственного достоинства в своих *собственных членах*» [цит. по 26, р. 168]. Схожим образом выражал подобную мысль и *сэр Мэтью Хейл* (1609–1676), верховный судья в период правления английского короля Карла II: «Итак, каждый человек обладает неоспоримым [правом] собственности на свою собственную жизнь и на самого себя» [цит. по 26, р. 164].

Становится совершенно очевидным, что, когда Джон Локк представил образованной общественности свое собственное учение об обладании самим собой или господстве над самим собой, философ опирался на давно уже устоявшуюся в европейской (и английской) культуре традицию мысли. Подобно многим известным коллегам или предшественникам по философскому цеху, Локк адаптировал эту традицию по-своему и для своих собственных целей, которые в его конкретном случае определялись фактической общественно-политической обстановкой в Англии 1680-х годов. Однако в двух принципиальных пунктах, по-видимому, он скорее отвергал, чем адаптировал элементы предшествующей традиции, а именно, — в своем отказе принять возможность добровольного рабства и в своем попустительстве самоубийству. От первого пункта нам будет довольно несложно избавиться, поскольку возражение мыслителя против самопорабощения состояло в том, что оно ставит человека под абсолютную, деспотичную власть другого, каковой может отнять у первого жизнь [1, с. 275].

Однако ни один из известных предшественников Локка, обсуждавших этот вопрос, не предусматривал такого условия; они рассматривали рабство просто как некий договор пожизненной службы, по смыслу которого господин и раб обладали взаимными правами и несли определенные обязанности (естественно, в разном объеме). Ф. де Витория и Ф. Суарес единодушно

отмечали, что хозяин не имеет права убивать своего раба, да и большинство других предшественников Дж. Локка согласились бы с тем, что человек не может запродать себя в «обельное» рабство того типа, который предусматривал английский мыслитель.

Вопрос о самоубийстве представляется здесь уже более сложной проблемой. Сразу после заявления о том, что человек, «не обладающий властью над [своей] собственной жизнью», не может добровольно отдать себя во власть произвола другого, Локк отмечал, что несправедливый агрессор, содержащийся в каторжном рабстве, может скорее навлечь на себя свою собственную смерть, чем переносить тяготы своего рабского положения [1, с. 275]. Таким образом, Локк, похоже, в конце концов все-таки одобрил самоубийство. Данный вопрос особенно важен, потому что, как мы увидим далее, он был истолкован как значимая примета того, что английский философ действительно намеревался ниспровергнуть всю предшествующую традицию мысли, — как об установлениях *ius naturale*, так и о естественных правах индивидов.

Однако по всей видимости, вышеприведенный аргумент Дж. Локка можно объяснить, не прибегая к столь слабо обоснованной гипотезе, коль скоро знаменитый ученый размышлял о самоубийстве, не пребывая в некоем интеллектуальном вакууме. Так, еще тот же Ф. де Витория предусматривал различные обстоятельства, при которых человек мог покончить с собой, и с этого времени возникает очень сложная и запутанная казуистика (как католическая, так и протестантская) относительно законности совершения самоубийства.

Все казуисты сходились во мнении, что самоубийство запрещено в принципе, потому что жизнь человека принадлежит лишь Господу Богу, но они же проявили и удивительную изобретательность, предусмотрев достаточно широкий ряд исключительных обстоятельств, при которых человек мог бы законным образом вызвать собственную смерть. Некоторые полагали, что лицо, обвиняемое в тяжком преступлении, караемом смертной казнью, может законно навлечь на себя смерть, сделав признание — пусть даже и ложное, дабы избежать мучительных и попирающих человеческое достоинство пыток [см. например 27].

Непосредственный источник аргументации Джона Локка мы сможем отыскать, обратившись к произведениям маститого германского политического мыслителя XVII века *Самуила Пуфендорфа* (1632–1694), а именно к его ранней работе «*Elementorum jurisprudentiae universalis libri duo*» («Элементы всеобщей юриспруденции»), которую английский философ хорошо знал и которой искренне восхищался. Нужно обратиться к ряду пассажей из этого широко известного труда, чтобы опровергнуть аргумент Локка о том, что пленник действовал законно, даже если он и не совершал самоубийства напрямую, однако косвенно стал причиной собственной гибели. Пуфендорф действительно отмечал: «если человек погибает от своей

собственной руки или каким-либо образом вынуждает других предать его смерти, это, по-видимому, не имеет никакого отношения к делу» [28, р. 337]. Однако, если мы продолжим читать данный отрывок дальше, то увидим следующие слова Пуфендорфа: «тот, кто не должен был умереть здесь и сейчас, не освобождается от ответственности, [даже] если он использовал руку другого, чтобы вызвать [свою] смерть...» [28, р. 337].

Исключение у Пуфендорфа предусматривало именно ту ситуацию, которую обсуждал в свою очередь и Локк, ибо, если несправедливый агрессор, согласно последнему, лишился жизни, то он действительно был «должен умереть здесь и сейчас». Далее Пуфендорф рассматривал множество различных обстоятельств, при которых самоубийство может быть дозволено или оправдано, включая случай «с людьми [...], которые, увидев, что смерть от руки свирепого врага или тирана [неминуемо] нависла над их головами, предпочли сами ускорить свою участь, чтобы избежать мучений; а также [и те] женщины, которые таким образом избежали нарушения своего целомудрия» [28, р. 337]. Дж. Локк никоим образом не выступал с апологией этого краткого замечания С. Пуфендорфа, которое вызвало немало разнообразных комментариев со стороны современников, но, если бы Локк и решился защитить данный тезис, то мог бы найти хорошее подтверждение для своей позиции и во вполне ортодоксальных христианских источниках.

* * *

7. Система аргументации в работе «*Two Treatises of Government*» («Два трактата о правлении») классика английской философской и политической мысли *Джона Локка* (1632–1704) основывалась на двух концепциях собственности: на идее божественной собственности, утверждающей, что люди являются «собственностью того, чьим творением они являются», и на идее обладания самим собой, то есть идее о том, что «каждый человек обладает некоторой *собственностью*, заключающейся в его собственной *личности*» [1, с. 265, 277]. Здесь следует отметить, что современный исследователь в области естественных прав человека Майкл Цукерт считал эти идеи совершенно несовместимыми друг с другом, поскольку во втором утверждении он увидел «ошеломляющее опровержение» (sic!) первого [29, р. 240]. Главный аргумент в пользу указанной позиции, который нам в конце концов потребуется рассмотреть, заключается в том, что концепция обладания самим собой у Локка логически включает в себя и право совершать самоубийство, хотя сама возможность существования такого права прямо противоречила бы идее о том, что жизнь человека в конечном счете принадлежит одному лишь Господу Богу.

Скорее всего, идеи божественной собственности и обладания самим собой по своей сути принципиально несколько не противоречат друг другу. За столетия развития философской мысли до Локка считалось само собой разумеющимся, что разные стороны могут обладать автономными

и дифференцированными правами собственности на одну и ту же вещь: на языке юристов одна сторона могла обладать *dominium directum* (т.е. окончательной собственностью), другая — только *dominium utile* (как воплощением права пользования). Сам Локк давал аналогичное объяснение божественной и человеческой собственности, когда рассматривал право собственности во внешних вещах, то есть в предметах внешнего мира: «...по сравнению с Богом, творцом неба и земли, который является единственным господином и владыкой всего мира, право собственности людей на животных есть не что иное, как та „свобода употреблять их“, которую дозволил Бог...» [1, с. 167]. Это была вполне стандартная для средневековой правовой доктрины формулировка, и вышеупомянутый нами Фома Аквинский выразил аналогичную точку зрения очень похожим языком [см. подробнее: 5, р. 612].

Данный аргумент может быть применим как к праву собственности на себя, так и к собственности на что-либо еще. На самом деле обе идеи — обладание самим собой и божественная собственность — приобретают существенное значение на различных этапах развертывания аргументации Локка. Ибо чувство самообладания подразумевает, что мы не принадлежим никому другому, и никто по своей природе не может быть хозяином кого-то другого.

В трактате Локка это утверждение привело к тезису о том, что всякое законное правительство должно основываться на индивидуальном согласии, а точнее, на согласии индивидов, которые впервые собрались вместе, чтобы сформировать политическое сообщество. Постулат о том, что человек является собственником либо обладателем своих собственных действий (особенно своего труда), был основой аргументации Локка, оправдывающей приобретение частной собственности в естественном состоянии, а право обладания самим собой также означало, что люди пользовались достаточно широким диапазоном свободного выбора в управлении своей жизнью. По своей природе, отмечал английский мыслитель, люди разделяют «*состояние полной свободы* в отношении их действий и в отношении распоряжения своим имуществом и личностью в соответствии с тем, как они считают подходящим для себя в границах закона природы» или «в рамках [дозволений] закона природы» [1, с. 263, 336]. Несмотря на заключительные оговорки, аргумент Локка оставлял достаточно места для свободно избранной деятельности личности, то есть для «моральной свободы следовать своему собственному жизненному плану» [7, р. 77].

Однако Дж. Локку была необходима и идея божественной собственности, поскольку божий закон налагал на людей важнейшие обязанности, в том числе и обязанность самосохранения [см. подробнее: 1, с. 264–265]. И одним из следствий такого положения вещей, по его мнению, было то, что человек не может добровольно поработить самого себя, то есть «*не может* посредством договора или собственного согласия *отдать себя в рабство* кому-либо или поставить себя под абсолютную, деспотичную власть другого, чтобы тот лишил его жизни, когда это ему заблагорассудится» [1, с. 275].

В процитированном выше отрывке Локк, по-видимому, отвергает существовавший ранее консенсус ученых-правоведов, которые, следуя доктрине римского права, полагали, что продажа себя в рабство была юридически вполне допустимой. Однако данный аргумент был принципиально важен и для политической теории Локка, точка зрения которого заключалась в том, что точно так же, как отдельный человек не может поработить самого себя, так и целый народ не может подчиниться деспотическому правительству с абсолютной, неограниченной властью, которая имеет возможность лишать человека жизни [см. подробнее: 1, с. 363–365].

Дж. Локк действительно предусмотрел одно возможное обстоятельство, при котором рабство могло быть оправдано: так, упомянутый нами выше несправедливый агрессор лишался своего права на жизнь, поскольку подпадал под деспотическую власть своего похитителя, который мог законно убить его либо позволить ему продолжать жить, но уже в качестве раба. Именно при рассмотрении этой темы ученый довольно лаконично изложил идею *законного* самоубийства, где он, как мы уже выше указывали, подчеркивал, что, если пленник находил тяготы рабства невыносимыми, то в его власти посредством сопротивления воле своего господина навлечь на себя смерть, которой он желает [1, с. 275]. Таким образом, складывается впечатление, что Локк в итоге все-таки соглашается, что самоубийство допустимо. Тем самым можно утверждать, он давал этим понять достаточно внимательному читателю, что молчаливо отрекается от той многовековой традиции «христианского» *ius naturale*, которую сам же гласно и открыто отстаивал, чтобы вместо нее представить скептическую, по своему характеру, а может быть даже и атеистическую доктрину, которая оправдывала бы необходимость подведения совершенно нового «светского» фундамента для концепции философа о естественных правах личности.

* * *

Раннее Новое время начиналось в Западной Европе в обстановке сложного синтеза конкурирующих идей светского, секулярного Ренессанса и тех влиятельных религиозных и политических идеологов, которые сформировались вокруг исторически неизбежного обновления института христианской церкви, происходившего в контексте событий европейской Реформации. Делая акцент на рассмотрении политических учений представителей мысли раннего Нового времени *до эпохи* Джона Локка, мы вынужденно и вполне сознательно обходим вниманием многие широко известные учения философов периода Просвещения об *ius naturale* и естественных правах личности. Тем не менее здесь следует подчеркнуть, как это делали некоторые и задолго до нас, что многие представители Просвещения имплицитно сохранили в своем мировоззрении гораздо больше черт (чем сами признавали) от той «архаичной» схоластической культуры, которую они же вслух презирали. Существуют достаточные основания утверждать, что и сам Локк

унаследовал прочную многовековую традицию мышления, основанную на той идее *ius naturale*, которая ассоциировалась с правом собственности на самого себя и самым широким спектром свободы выбора индивидуума. Таким образом, представляется возможным постулировать определенную и довольно значимую связь между указанной «старой» религиозной традицией и более «современными» секулярными концепциями прав человека.

Существуют две очевидные причины, по которым доктрина естественных прав личности, зародившаяся в среде средневековой религиозной культуры, смогла сохраниться в атмосфере вполне секулярного XVIII столетия. Первая из них заключается в том, что возможность обоснования естественных прав на чисто рациональной основе была присуща как самим средневековым формулировкам, так и устойчивому мнению ученых о том, что понимание *ius naturale* и естественных прав человека может быть достигнуто только при помощи здравого смысла и без какого-либо божественного откровения либо вмешательства. При подобной аргументации бытие Господа Бога не всегда рассматривалось как необходимая теза, и когда великий Гуго Гроций вынес на суд самой широкой публики свою «кощунственную гипотезу» о том, что «даже если мы будем вынуждены признать, что Бога нет...», нидерландский мыслитель всего лишь воспроизводил давно устоявшуюся традицию поздне-средневековой мысли.

Вторая причина, по которой более ранние идеи естественных прав человека могли сохраниться и в эпоху Просвещения, содержится в том, что, как показали многочисленные исследования представителей современной науки, XVIII век был не только столетием воинствующего атеизма, анти-клерикализма, секуляризма и скептицизма, но и веком значительной религиозной активности. В наше время частью ученых даже принято отдельно выделять «католическое» Просвещение и «протестантское» Просвещение, особенно в Северной Америке, где рационализм и религиозный радикализм шли рука об руку, во многом усиливая друг друга. Когда Томас Джефферсон писал о природе и Боге природы, то, вероятно, большинство из тех, кто читал его работы, действительно верили в божественное происхождение естественных прав, на которые они сами тогда и притязали. Здесь можно было бы добавить, что такое, возможно, причудливое понятие о легитимации естественных прав и не исчезло вовсе, да и значительная часть современной литературы по проблеме обоснования прав человека базируется в конечном счете на религиозных по своим корням убеждениях, и этого совершенно не стоит скрывать или стыдиться.

В революционных событиях драматического финала эпохи Просвещения Национальное собрание Франции провозгласило «естественные и неотъемлемые права человека», лишь несколько невнятно и сумбурно упомянув о некоем Высшем Существо. Однако провозглашенные тогда же права человека были совершенно традиционными: «свобода, собственность, безопасность и сопротивление угнетению». К концу XVIII столетия уже наличествовали

чисто светские доктрины естественных прав, и если бы отыскался некто, кто проследил ход истории моральной философии, то именно это показалось бы наиболее существенным изменением. Но если кого-либо заинтересует прежде всего происхождение и развитие идеи естественных прав личности, то не менее важно, что «религиозные» естественные права полностью сохранились, хотя уже и в новом светском облачении. Если бы доктрина прав человека не возникла в более ранней и более религиозно ориентированной культурной обстановке, то в наступившую эпоху Просвещения не нашлось бы ничего, что можно было бы, скажем так, «секуляризировать». Более того, здесь нам совершенно нет необходимости вслед за рядом специалистов в области политической мысли Нового времени предполагать, что секуляризация всегда подразумевает под собой и отсутствие легитимности. По всей видимости, «старинная» идея естественных прав оказалась слишком ценной, чтобы ее можно было попросту отбросить, даже в быстро изменявшемся мире «нового мышления». В том числе и по этой причине мы вполне могли бы рассматривать вновь возникшие светские теории естественных прав личности XVIII века как результат адаптации многовековой традиции философско-правовой мысли, а не как полный отказ от таковой.

Список литературы

1. Локк Дж. Два трактата о правлении // Сочинения: В 3 т. М., 1988. Т. 3.
2. Aquinas T. In quattuor libros Sententiarum // S. Thomae Aquinatis opera omnia / Edited by R. Busa. Stuttgart, 1980. Vol. I.
3. Rhonheimer M. Natural law and practical reason: A Thomist view of moral autonomy. New York, 2000.
4. Aquinas T. De perfectione spiritualis vitae // S. Thomae Aquinatis opera omnia / Edited by R. Busa. Stuttgart, 1980. Vol. III.
5. Aquinas T. Summa theologiae // S. Thomae Aquinatis opera omnia / Edited by R. Busa. Stuttgart, 1980. Vol. II.
6. Aquinas T. Summa contra Gentiles // S. Thomae Aquinatis opera omnia / Edited by R. Busa. Stuttgart, 1980. Vol. II.
7. Simmons A.J. The Lockean theory of rights. Princeton, 1992.
8. Olivi P.J. Quodlibet // Gli scritti sul capitale e sul» interesse di fra Pietro Giovanni Olivi / Studi Francescani 73 / Edited by A. Spicciati. 1976.
9. Henry of Ghent. Quodlibet // Opera omnia / Edited by R. Macken et al. Leiden, 1983.
10. Mair J. In quartum Sententiarum quaestiones utilissimae. Paris, 1519.
11. Марсилиий Падуанский. Защитник мира / Defensor pacis. М., 2014.
12. Gerson J. De vita spirituali animae // Oeuvres complètes / Edited by P. Glorieux. Paris, 1962.
13. Summenhart C. De contractibus licitis et illicitis. Venice, 1570.
14. De Vitoria F. De Justitia / Edited by V. Beltrán de Heredia. Madrid, 1934.
15. De Vitoria F. De Indis recenter inventis // Obras de Francisco de Vitoria / Edited by T. Urdanoz. Madrid, 1960.

16. De Vitoria F. De homicidio // Obras de Francisco de Vitoria / Edited by T. Urdanoz. Madrid, 1960.
17. Suarez F. De necessaria dependentia // Opera omnia / Edited by A.D.M. André and C. Berton. Paris, 1858. Vol. XI.
18. Suarez F. De voluntario et involuntario // Opera omnia / Edited by A.D.M. André and C. Berton. Paris, 1856. Vol. IV.
19. Suarez F. De statu perfectionis et religionis // Opera omnia / Edited by A.D.M. André and C. Berton. Paris, 1859. Vol. XV.
20. Suarez F. De causis necessaria agentibus // Opera omnia / Edited by A.D.M. André and C. Berton. Paris, 1866. Vol. XXV.
21. Suarez F. De legibus et legislatore Deo // Opera omnia / Edited by A.D.M. André and C. Berton. Paris, 1856. Vol. V.
22. Suarez F. Defensio fidei catholicae // Opera omnia / Edited by A.D.M. André and C. Berton. Paris, 1859. Vol. XXIV.
23. Suarez F. De charitate // Opera omnia / Edited by A.D.M. André and C. Berton. Paris, 1858. Vol. XII.
24. Гроций Г. О праве войны и мира. М., 1994.
25. Overton R. An arrow against all tyrants. London, 1646.
26. Tuck R. Natural rights theories: Their origin and development. Cambridge, 1979.
27. Minois G. Histoire du suicide. La société occidentale face à la mort volontaire. Paris, 1995.
28. Pufendorf S. Two books of the Elements of universal jurisprudence. Indianapolis, 2009.
29. Zuckert M.P. Natural rights and the new republicanism. Princeton, 1998.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ: ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ НАПОЛНЕНИЕ И ПРАКТИКА

Аннотация. *Статья посвящена исследованию теории отечественного практического конституционализма в трудах доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста Российской Федерации, выдающегося отечественного ученого-практика, члена Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, судьи Конституционного суда Российской Федерации в отставке Бориса Сафаровича Эбзеева, которому в этом году исполняется 75 лет. Научные идеи Б.С. Эбзеева в сфере конституционализма — основа национальной теории отечественного конституционализма. В статье исследуется предложенная авторская призма понимания конституционализма и его национальных особенностей; обновленного содержания некоторых основ конституционного строя и правового статуса человека и гражданина; особое внимание уделено значимости Конституции Российской Федерации в процессе конституционализации. Отмечается широта исследований юбиляра в сфере гарантий осуществления прав и обязанностей человека и гражданина, в том числе конституционным правом порядком сквозь призму конституционализма.*

Ключевые слова: конституция, конституционализм, суверенитет, глобализация, права и обязанности человека.

DOMESTIC CONSTITUTIONALISM: THEORETICAL CONTENT AND PRACTICE

Abstract. *The article is devoted to the study of the theory of domestic practical constitutionalism in the works of Boris Safarovich Ebzeev, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, outstanding domestic scientist-practitioner, member of the Central Election Commission of the Russian Federation, retired judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, who turns 75 this year. The scientific ideas of B.S. Ebzeev in the field of constitutionalism are the basis of the national theory of domestic constitutionalism. The article explores the author's proposed prism of understanding of constitutionalism and its national peculiarities; the updated content of some foundations of the constitutional system and the legal status of man and citizen; special attention is paid to the significance of the Constitution of the Russian Federation in the process of constitutionalization. The breadth of researches of*

КОМАРОВА Валентина Викторовна — профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), почетный работник высшего образования Российской Федерации, почетный работник сферы образования Российской Федерации, г. Москва

the jubilee in the sphere of guarantees of realization of rights and duties of the person and citizen, including constitutional legal order through the prism of constitutionalism is noted.

Keywords: *constitution, constitutionalism, sovereignty, globalization, human rights and duties.*

К своему 75-летию Борис Сафарович Эбзеев подошел с огромным числом достижений. Его жизненный путь многогранен в общественной, государственной жизни и в научной деятельности. Сфера его научных интересов охватывает актуальные проблемы власти, суверенитета, федерализма, конституционного правосудия, свободы и прав человека. Он автор более 300 научных работ, в том числе более 40 книг — монографий, учебников, научно-практических комментариев; ученый, сформировавший научную школу, вносящую весомый вклад в развитие отечественной юриспруденции.

Б.С. Эбзеев является выдающимся представителем саратовской научной школы конституционного права, внесшей огромный вклад в развитие российского конституционализма и всей науки конституционного права.

Многолетняя деятельность юриста-патриота в науке и преподавании, конституционном правосудии, на значимых государственных постах оценена как государством, — значимыми наградами, в том числе за выдающийся вклад в развитие отечественной юридической науки, так и коллегами, учениками и последователями, общим научным признанием и уважением юридического сообщества в целом.

Хотелось бы осветить один из аспектов общественно-научной деятельности юбиляра. Речь идет о взаимоотношениях кафедры конституционного и муниципального права МГЮА имени О.Е. Кутафина, которая на протяжении многих десятилетий поддерживала научные и дружеские связи с Саратовской государственной юридической академией, с кафедрой конституционного права имени профессора И.Е. Фарбера и профессора В.Т. Кабышева.

Б.С. Эбзеев, вошедший с марта 2011 года в состав Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, не только возобновил наше сотрудничество, но и по сей день развивает научные контакты с кафедрой конституционного и муниципального права МГЮА, участвуя в рамках своих научных интересов в научно-практических мероприятиях Университета и кафедры, а также в научной судьбе ее профессорско-преподавательского состава.

Прежде всего, он традиционный участник классических мероприятий Университета: Московской юридической недели и Международной научно-практической конференции «Кутафинские чтения», научно-практических мероприятий кафедры.

К последним отнесем пять слетов конституционалистов, организованных кафедрой, где профессор Б.С. Эбзеев принимал участие не только в качестве докладчика, но и модератора и члена президиума.

В рамках университетского проекта «Научное наследие», кафедра конституционного и муниципального права МГЮА проводит разнообразные

мероприятия с его участием. Это — «круглые столы» на темы «Творческое наследие академика Олега Емельяновича Кутафина: наука, юридическое образование и практика» (6 апреля 2016 г.), «Развитие идей О.Е. Кутафина о конституционной юстиции в науке и практике», посвященный 80-летию О.Е. Кутафина (25 октября 2017 г.), «Конституционное право России: научные и образовательные концепты» (27 мая 2019 г.);

всероссийский форум с международным участием «Реализация новелл Конституции России: вызовы и образ будущего» — первое научно-практическое мероприятие по результатам конституционной реформы, проводимом в стенах МГЮА (сентябрь 2020 г.);

международная конференция «Современный российский конституционализм» к 85-летию со дня рождения академика Кутафина (23 июня 2022 г.);

научно-практическая конференция «Наука конституционного и муниципального права: традиции и современные векторы развития», посвященная 60-летию юбилею кафедры конституционного и муниципального права (сентябрь 2022 г.);

научно-методический семинар «Теория и философия конституционализма: современные тенденции», посвященный 86-летию основателя Школы российского конституционализма, академику Олегу Емельяновичу Кутафину (сентябрь 2023 г.) и другие.

* * *

Одним из новых направлений научного сотрудничества, поддерживающего наряду с научными связями между вузами еще и взаимосвязь поколений, можно назвать коллективные обсуждения научных работ с участием не только профессорско-преподавательского состава кафедры конституционного и муниципального права, но также студентов и аспирантов.

Здесь примерами могут послужить обсуждения на заседании кафедры конституционного и муниципального права статьи Б.С. Эбзеева «Предмет конституционного права: историчность содержания и тенденции развития» [1, с. 54–67] (7 ноября 2019 г.); на заседании «круглого стола» на тему «Конституционное право России: научные и образовательные концепты» — авторского учебника Б.С. Эбзеева «Конституционное право России» [2] (27 мая 2019 г.); в рамках научно-методического семинара «Теория и философия конституционализма: современные тенденции» — книги «Философия российского конституционализма: очерки» [3] (сентябрь 2023 г.).

Б.С. Эбзеев оказал неоценимую помощь в создании магистерской программы кафедры конституционного и муниципального права «Юрист в избирательном процессе», участвовал в ее реализации в качестве научного консультанта. Он проводил встречи по обсуждению научных трудов и актуальных вопросов конституционного права со слушателями этой уникальной магистерской программы, которые в большинстве своем были сотрудниками системы избирательных комиссий.

Университет имени О.Е. Кутафина совместно с Центральной избирательной комиссией Российской Федерации много лет организовывал и проводил спецкурс «Избирательное право и процесс», в рамках которого проходили встречи студентов с членами ЦИК России. В частности, 12 декабря 2015 года в рамках заключительного занятия по спецкурсу Б.С. Эбзеев представил глубокий аналитический доклад «Новации избирательного законодательства». Он неоднократно выступал оппонентом по защите кандидатских и докторских диссертаций наших коллег и аспирантов. Традиционным направлением научного сотрудничества для Бориса Сафаровича стало его участие в совместных учебниках. Так, он является ответственным редактором многих учебников (для магистратуры и аспирантуры, высших учебных заведений, средней школы) по конституционному и муниципальному праву, по избирательному праву и процессу [4; 5; 6; 7; 8; 9; 10].

Нельзя не отметить деятельность Б.С. Эбзеева в роли рецензента научных трудов профессорского преподавательского состава кафедры, наших учебно-методических и учебных материалов. Авторы благодарны видному отечественному правоведу за его участие в рецензировании коллективных монографий «Реализация новелл Конституции России: вызовы и образ будущего» [11] (2021 г.), «Конституционализация российского права в учении академика О.Е. Кутафина» [12] (2022 г.), «Современный российский конституционализм (к 85-летию со дня рождения академика О.Е. Кутафина)» [13] (2022 г.).

Стоит отдельно вспомнить выступление Б.С. Эбзеева в качестве рецензента подготовленной и утвержденной в Университете учебной дисциплины «Конституционализация российского права в учении академика О.Е. Кутафина» [14] с соответствующими рабочей программой и оценочными материалами для текущего контроля успеваемости и промежуточной аттестации обучающихся по упомянутой учебной дисциплине.

* * *

Юбилей известного ученого, общественного деятеля, творческого и критически мыслящего автора, человека, преданного государственному делу, является еще одним поводом обратиться к научным трудам доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста Российской Федерации Б.С. Эбзеева.

Одним из научных пристрастий юбиляра по праву можно назвать конституционализм. В большинстве своих работ профессор затрагивает эту тему, не говоря о научных статьях и монографиях, посвященных конституционализму.

При определении конституционализма, на наш взгляд, одним их базовых вопросов может быть назван вопрос о лидировании или соотношении естественного и позитивного права, и, как следствие, источнике конституционализма.

В авторской модели конституционализма Б.С. Эбзеева ответ на эти вопросы — основа, как и основа процесса конституционализации. Профессор, исследовав историческую динамику становления современной теории конституционализма, обращает внимание на то, что он «возник как ответ на неразрешимые в феодальном обществе противоречия; он стал ответом на государственный деспотизм» [2, с. 13]. Думается, что и сегодня конституционализм выполняет эту функцию — быть ответом на современные вызовы.

Эбзеев утверждает: «Современный конституционализм не есть замкнутый в себе позитивный правопорядок, который всегда несовершенен и рано или поздно приходит в противоречие с социальной средой» [15, с. 8]. Он дополняется надпозитивными правовыми принципами, сила которых не только предполагается, но и прямо признается конституциями.

Речь здесь идет о принципах, которые позитивированы основным правопорядком государственной и общественной жизни либо не обрели еще позитивно-правовую форму, однако в силу прямого веления Конституции являются непосредственно применимыми принципами естественного права. Это в том числе означает, что естественное право дополняется позитивным правом и выступает источником последнего; естественное и позитивное право в современном практическом конституционализме не противостоят друг другу, но, напротив, органично дополняют друг друга и находятся в синтетическом единстве в качестве структурных элементов Конституции и доминанты ее сущностной характеристики [3, с. 108].

Таким образом, на вопрос о лидировании или соотношении естественного и позитивного права в рамках, определяющих современный конституционализм, профессор дает однозначный ответ: нет лидирования, есть синтетическое единство. Кроме того, позицию по вопросу источников конституционализма, обозначенную в ранее представленной цитате, о том, что позитивированные основным правопорядком государственной и общественной жизни принципы, которые не обрели еще позитивно-правовую форму, тем не менее являются непосредственно применимыми, в дальнейших своих работах поясняет и аргументирует. Так, на наш взгляд, это происходит в трудах Б.С. Эбзеева о «мягком» праве, где он отмечает, что «мягкое» конституционное право — «это правила поведения, которые заключены в актах, не обладающих некоторыми присущими нормативным правовым актам атрибутивными свойствами и качествами, в частности возможностью государственного принуждения, но способных вызвать и вызывающих конституционно-правовые последствия» [16, с. 35].

В своих работах, посвященных конституционализму, автор выделяет особенности и виды конституционализма, в частности, практический конституционализм, транснациональный [17] и отечественный [18]. Хочется остановиться на них, поскольку именно эти виды конституционализма характеризуют научные приоритеты Б.С. Эбзеева — ученого и патриота-государственника.

Сквозь призму практического конституционализма [19, с. 6] Эбзеев рассматривает такие важные в любом государстве вопросы, как основной закон, его значимость и динамичное содержание; права человека, конституционный порядок и конституционную модель государства и общества [20].

Возвращаясь к содержанию практического конституционализма в авторской интерпретации, поделимся ассоциацией: с нашей точки зрения, практический конституционализм Эбзеева сродни конституционализации в узком и в широком смысле.

Конституционализация в узком смысле (закрепление положений в тексте конституции, придание им конституционной силы, зачастую поднятие на конституционный уровень применяющихся в правовой действительности и успешно себя зарекомендовавших терминов, категорий и моделей; пример тому — некоторые конституционные поправки 2020 г.), по нашему мнению, сегодня не соответствуют требованиям и вызовам современности.

Конституционализацию сегодня целесообразно рассматривать более широко, как процесс сведения к общему конституционному знаменателю текущего законодательства и правоприменительной практики самого конституционного процесса, в соответствии с принципами и нормами Конституции России [21, с. 5]. В широком смысле понимание термина «конституционализация» обозначает «закрепление национальной модели (наиболее значимых общественных отношений, идей и ценностей) конституционализма в тексте Конституции России, конкретизацию норм Конституции в отраслевом законодательстве; осуществление процесса правопонимания и правоприменения, процесса устойчивого развития государства и права; организацию и развитие гражданского общества в точном соответствии с базовыми принципами и ценностями, духом Конституции» [22], реализуемое в трех стадиях конституционализации.

В любом видовом многообразии теоретических конструкций конституционализма основой является конституция. Разделим мнение Б.С. Эбзеева о том, что «в рамках российской правовой системы нет актов, которые по своей юридической силе стояли бы выше Конституции» [23, с. 12].

Очевидно, что регулирующий аспект верховенства Конституции находит свое выражение в юридической конституции, а поведенческий — в фактической [24]. «До тех пор, пока Конституция действует, — отмечает Б.С. Эбзеев, — она свята для всех государственных и общественных органов и их должностных лиц, граждан, всех субъектов права» [25, с. 8]. Особое внимание уделяется значению преамбулы: Эбзеев подчеркивает, что «нормативное значение преамбулы заключается в том, что она обычно определяет стратегию как правотворчества, так и правоприменения, налагает на государство, государственные и общественные органы, должностных лиц юридическую обязанность действовать в соответствии со сформулированными в ней основополагающими принципами. Отсюда не должна следовать недооценка ее значения как способа изложения и некоторых

позитивно-правовых принципов конституционного регулирования, отличающихся, однако, весьма высоким уровнем абстракции» [26, с. 41, 43].

На современном этапе развития нашего государства действие Конституции не ограничивается только регулированием, оно шире и включает иные формы воздействия на общественные отношения: информативное, ценностно-ориентационное [3, с. 423].

Будучи судьей Конституционного Суда Российской Федерации с 30 октября 1991 года по 4 сентября 2008 года, в своих научных трудах с позиций не только теоретика, но и практика, Б.С. Эбзеев делает глубокий вывод о непреложной значимости этого уникального в своем роде органа. Принимая во внимание статус Конституционного Суда и предоставленные ему полномочия, правовое воздействие, оказываемое его решениями на правовую действительность, согласно мнению профессора Эбзеева, его можно охарактеризовать как «живой орган конституционного правопорядка» [27].

«Именно Конституционному Суду предоставлено право интерпретировать объективный смысл Конституции, присущую ей функцию рационализации и стабилизации социума и ограничения государственной власти в смысле ее возможностей вторжения в сферу индивидуальной автономии личности...» [28, с. 38]. Конституционно закреплённая ценность — «человек, его права и свободы» — безусловный, ключевой ориентир в «проективном будущем», в эволюции функционирующих сегодня правовой, политической, экономической, культурной и других систем.

Через предложенную призму понимания конституционализма (синтез естественного и позитивного права) Эбзеев рассматривает суть и содержание нормативной модели основного субъекта — конституционной ценности, человека: «...признание социальной природы человека и возложение на нее определенных тягот во имя общего блага, с одной стороны, и охрана свободы и индивидуальной автономии личности, которая наделена только ей присущим достоинством, и ограничение всемогущества государства, которое без риска своей делегитимации может действовать лишь в определенных пределах, — с другой» [3, с. 110].

Одна из особенностей современного конституционализма заключается в обретении личностью права на государство, — пишет Эбзеев. Далее он раскрывает содержание этого права посредством негативного перечня характеристик субъекта-носителя этого права — личности: «...она не может рассматриваться в качестве средства достижения публичной властью тех или иных надличностных целей; самоцелью в современной демократии в ее конституционном идеале одинаково поступают и отдельная личность, и общность жизни граждан» [29, с. 12].

Личность как сочлен государства и ассоциации людей не пассивна в отношениях с государством, коль скоро оно является демократическим. Личность обретает право на государство, и речь теперь идет не о «свободе от государства», а о «свободе в государстве и при его содействии» [29, с. 15].

Однако стоит помнить: в любом государстве свобода личности, выражающаяся в конституционных и иных правах и свободах, не может быть безграничной. Свобода, не знающая ограничений, есть произвол [30, с. 145]. Особо актуален этот тезис, с нашей точки зрения, в политической сфере. Он касается не только граждан, но и государства. Последнее должно себя ограничивать правовыми механизмами и обеспечивать участие в политической жизни своих граждан посредством политических прав и свобод.

По мнению Б.С. Эбзеева, политическая свобода гражданина в ее конституционно-правовом выражении представляет собой «установленную законом и гарантированную экономическими и юридическими средствами возможность участия граждан в осуществлении государственной власти, определении задач и функций государства» [2, с. 145]. В его позиции очевидны и значимость государства в сфере политических свобод граждан, и широта политической сферы участия граждан.

Отметим широту исследований Эбзеева в сфере гарантий осуществления прав и обязанностей человека и гражданина. В качестве условий и гарантий им рассматривается процесс конкретизации и актуализации норм конституции нашей страны [31, с. 8], а также особенности государственной защиты основных прав посредством конституционного правопорядка [29].

«Смысл Основного закона, — пишет Б.С. Эбзеев, — как нормативного выражения государственного правопорядка с присущей ему системой ценностей, в которой доминирующее положение занимает человек; именно человек есть цель, а устанавливаемый Конституцией правопорядок есть средство, и всякая их подмена независимо от мотивации является нелегитимной и антиконституционной» [3, с. 384].

В сфере реализации правового статуса человека и гражданина, как безусловного элемента конституционного правопорядка, он анализирует основные обязанности в исторической ретроспективе, определяя юридическую природу и особенности нормирования [31].

Основные обязанности человека закреплены в Конституции и связаны с общей системой ценностей, закрепленных в ней — основами конституционного строя, нравственностью, здоровьем, правами и законными интересами других людей, обеспечением обороны и безопасности государства. При этом «ценность самих обязанностей предопределяется тем, насколько они способны гарантировать указанные ценности» [29, с. 213]. Основные обязанности представляют собой необходимое, должное поведение, «выраженные в конституционных нормах и закрепленные в них виды и меры должного поведения личности, заключающие в себе требования к поведению каждого члена общества, выполнение которых необходимо, с одной стороны, для обеспечения прав и свобод других, а с другой — для удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе» [29, с. 218].

В актуальной действительности, на наш взгляд, очевидно, что особенностью конституционных обязанностей является их направленность на реализацию конституционных ценностей и обеспечение баланса личных и общественных интересов. По справедливому утверждению Б.С. Эбзеева, конституционные обязанности граждан имеют особое социальное значение, занимают доминирующее положение во всей системе юридических обязанностей и оказывают определяющее воздействие на эту систему, конкретизируемую и развиваемую федеральным законодательством [30, с. 207].

В современном осмыслении природы конституционных прав и свобод человека и гражданина, считает Эбзеев, доминирующее значение принадлежит обновленной естественно-правовой доктрине, не противостоящей позитивизму, но образующей диалектическое единство сущностей ее внешнего оформления. Сформулировав такой вывод, автор подчеркивает возможные риски: «Вне осознания указанного диалектического единства проблема субъективного права рискует остаться предметом юридико-догматической схоластики в замкнутом в себе мире права» [31, с. 13].

* * *

На протяжении всей своей трудовой деятельности Б.С. Эбзеев отстаивал интересы российского государства, но и современная тенденция глобализации, многократно усилившаяся в современном мире, неоднозначно воспринимаемая в науке конституционного права, не осталась вне пределов научных воззрений юбиляра. У него своя аргументированная позиция по вопросу глобализации и ее соотношения с суверенитетом государства, глобализации и конституционализации [33, с. 29].

Б.С. Эбзеев определяет суверенитет как «организационно-политический и функциональный, а также юридический принцип государственной власти, выражающийся в верховенстве государства на своей территории и его независимости во внешних сношениях» [29, с. 395]. Он справедливо отмечает, что «...восприятие Россией традиционных для Западной Европы стандартов организации государственной бытийности в их сочетании и взаимосвязи с отечественной государственно-правовой традицией привнесло существенные новации в представления политико-юридической мысли о суверенитете [28]. При этом, однако, ни под каким видом под сомнение не ставится юридический догмат воли народа, которым определяются фундаментальные основы конституционного правопорядка» [30, с. 18].

При анализе влияния глобализации на государственный суверенитет наиболее часто анализируется проблема изменения роли государства в современном мире в сторону уменьшения значимости его влияния на различные мировые процессы. Довольно популярным стал взгляд, направленный на принижение или полное отрицание значения суверенитета государства в международных отношениях [33, с. 50–51; 34, с. 87; 35; 36, с. 43–44; 37, с. 71, 84, 85].

Б.С. Эбзеев не видит угрозы в расширении глобализации на международном уровне, построении глобального конституционализма. Основа для такой позиции — конституционные нормы, закрепляющие статус и полномочия государств на международной арене. Он утверждает: «международное право в конечном счете вырастает из национального правопорядка и отражает интересы суверенных государств. В результате обратной трансформации установленные им правила становятся частью национальных правопорядков, гарантируемых создаваемыми государствами органами и организациями, и соответствующим образом организованным правосудием. Так происходит конституционализация межгосударственных отношений» [17, с. 4–5].

«Господство права должно сопрягаться с демократией, а не противоречить ей. В свою очередь демократическая, то есть основанная на воле народа легитимация юридических механизмов правозащиты требует учета темпов глобализационных процессов в различных регионах, а также степени интегрированности тех или иных государств в формируемые структуры европейского и всемирного геополитического пространства» [17, с. 17].

Посредством предложенной призмы понимания конституционализма (синтез естественного и позитивного права) Эбзеев подчеркивает: «единство демократической Конституции ... не противопоставляет различные социальные слои, но, напротив, объединяет сочленов общества в единое целое и открывает пространство сотрудничества составляющих его элементов. Не противостояние различных слоев общества и их противоборство за политическое господство, а социальная солидарность, — в этом заключается универсальная объективная составляющая демократической Конституции и основное содержание ее сущностной характеристики» [3, с. 110].

Сущность демократии, говорит Б.С. Эбзеев, — позволить выдвигать и обсуждать разнообразные политические программы, даже те, которые подвергают сомнению тот порядок, согласно которому организовано в настоящее время государство, при условии, что они не наносят вред самому государству [3, с. 475].

* * *

Вопросы политики и идеологии тесно связаны с правом вообще, и особенно с конституционным правом. Согласимся, что сфера идеологии — схема политических, правовых, нравственных, религиозных, эстетических и философских взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности [3, с. 475], и отметим предлагаемую Б.С. Эбзеевым в русле раскрытия содержания конституционализма, значимость конституционно закрепленного идеологического и политического плюрализма: «Конституция закрепляет идеологический и политический плюрализм как основу развития общества и одну из содержательных характеристик демократии» [3, с. 475]. Признание «...политического многообразия и многопартийности, которая является структурированным выражением идеологического

многообразия, его оформлением в виде различных политических партий, объединяющих граждан в зависимости от их социальной и политической ориентации» [3, с. 476] — правовая характеристика отечественного конституционализма, оставляющая за рамками вопрос ее надлежащей реализации.

Исходя из собственной модели отечественного конституционализма Б.С. Эбзеев исследует основы конституционного строя в динамике и критически их осмысливает. Здесь нужно обратить внимание на его дар научного предвидения. Задолго до вынесения на конституционный уровень в процессе конституционной реформы 2020 года термина «социальная солидарность» Эбзеев рассматривал ее как парадигму отечественного конституционализма [18]. В мире, насыщенном во всех сферах жизнедеятельности достижениями научно-технического прогресса, он обосновывает конституционные основы юридической модели социальной конвергентной технологии [38].

Экономика — основа устойчивого развития общества и государства, каждого человека. Конституционные поправки 2020 года скорректировали первичный конституционный порядок, основанный на свободных рыночных отношениях системы либерализма: естественные права, институты гражданского общества, индивидуализм. Эбзеев справедливо отмечает, что декларируется смешанная экономическая система — регулируемый рынок, значит, в идеале часть экономических ресурсов должна централизоваться и распределяться государством в целях компенсации провалов (слабостей) рыночных механизмов; конституционно-правовые нормы предполагают баланс целеполагания государства, общества и индивидов [39].

В заключение фрагментарного анализа некоторых научных трудов Б.С. Эбзеева в сфере конституционализма, основываясь на личных впечатлениях от глубоко энциклопедического уровня его статей и монографий, можно сделать вывод о значительном вкладе юбиляра в становление отечественной доктрины конституционализма. Его работы — источник научной мысли для юристов-исследователей и концептуальная доктринальная основа для современной российской конституционно-правовой науки.

Список литературы

1. Эбзеев Б.С. Предмет конституционного права: историчность содержания и тенденции развития // Государство и право. 2019 год. № 7.
2. Эбзеев Б.С. Конституционное право России: учебник. М.: Проспект, 2019. 768 с.
3. Эбзеев Б.С. Философия российского конституционализма. М.: Проспект, 2023. 496 с.
4. Конституционное право России. Для студентов вузов. 7-е изд. перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2015 г.,
5. Избирательное право. Для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» для бакалавров / Под ред. Б.С. Эбзеева, К.К. Гасанова,

- Е.Н. Хазова. 2-е изд. перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2015.
6. Эбзеев Б.С. Основы Конституции Российской Федерации. Базовый и углубленный уровень. М.: Проспект, 2016. 432 с.
 7. Конституционное право. Учебник для не юридических вузов / Под ред. Б.С. Эбзеева. М.: Проспект. 2016.
 8. Основы Конституции Российской Федерации: учебное пособие для общеобразовательных и профессиональных образовательных организаций. М.: Проспект, 2016.
 9. Эбзеев Б.С. Конституционное право Российской Федерации. Учебник. Москва, 2017. М.: Проспект. 2017. 456 с.
 10. Актуальные проблемы муниципального права / Под научн. ред. Б.С. Эбзеева, Е.Н. Хазова. Под ред. В.В. Комаровой, Л.Т. Чихладзе. ЮНИТИ-ДАНА, 2018.
 11. Реализация новелл Конституции России: вызовы и образ будущего: кол. монография. Под общ. ред. В.В. Комаровой. М., Директ-Медиа, 2021. 492 с.
 12. Конституционализация российского права в учении академика О.Е. Кутафина: монография / рук. авт. кол. и отв. ред. В.В. Комарова. М., Норма, 2022. 368 с.
 13. Современный российский конституционализм (к 85-летию со дня рождения академика О.Е. Кутафина): монография. / Под общ. ред. В.В. Комаровой. М.: Проспект, 2022. 608 с.
 14. Конституционализация российского права в учении академика О.Е. Кутафина: рабочая программа / В.В. Комарова, М.В. Варлен, С.В. Нарутто, В.В. Невинский, Г.Д. Садовникова. М.: Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2020. 4 с.
 15. Эбзеев, Б.С. Современный конституционализм как синтетическое единство естественного и позитивного права / Б.С. Эбзеев // Государство и право. 2015. № 12.
 16. Эбзеев Б.С. «Твердое» и «мягкое» право в конституционном порядке России (новые смыслы в понимании источников права) // Государство и право. 2019. № 12.
 17. Эбзеев Б.С. Глобализация и становление транснационального конституционализма // Государство и право. 2017. № 1.
 18. Эбзеев Б.С. Государство и личность в России: социальная солидарность как парадигма отечественного конституционализма // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2013. № 6(43).
 19. Эбзеев Б.С. Конституции Российской Федерации — 20 лет: государство, демократия, личность сквозь призму практического конституционализма // Государство и право. 2013. № 12.
 20. Эбзеев Б.С. Народ, народный суверенитет и представительство: доктринальные основы и конституционная практика // Государство и право. 2016. № 4.
 21. Комарова В.В. Теория конституционализации: динамика становления в России // Современный российский конституционализм (к 85-летию со дня рождения академика О.Е. Кутафина): монография / под общ. ред. В.В. Комаровой, отв. ред. О.С. Рыбакова. М.: Проспект, 2023. 607 с.
 22. Комарова В.В. Теоретические подходы к пониманию и наполнению термина «конституционализация» // Конституционализация российского права

- в учении академика О.Е. Кутафина: монография / рук. авт. кол. и отв. ред. В.В. Комарова. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2023. 368 с.
23. Эбзеев Б.С. Прямое действие Конституции Российской Федерации (некоторые методологические аспекты) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1996. № 1(212).
 24. Эбзеев Б.С. Конституция Российской Федерации: прямое действие и условия реализации // Государство и право. 2008. № 7.
 25. Эбзеев Б.С. Конституция. Правовое государство. Конституционный суд. Москва: «Закон и право», Издательское объединение «ЮНИТИ», 1996. 372 с.
 26. Комментарий к Конституции Российской Федерации / [Андриченко Л.В. и др.]; под ред. В.Д. Зорькина, Л.В. Лазарева; Конституционный Суд Российской Федерации. Москва: Эксмо, 2009. 1056 с.
 27. Эбзеев Б.С. Конституция, власть и свобода в России. Опыт синтетического исследования. М.: Проспект, 2014. 336 с.
 28. Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе РФ: учебное пособие. 2-е изд. М.: Проспект, 2015. 656 с.
 29. Эбзеев Б.С. Конституционный порядок и основные права: юридическая природа и особенности государственной защиты (о методологии научного поиска) // Государство и право. 2016. № 10.
 30. Эбзеев Б.С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. М.: Норма, 2007. 383 с.
 31. Эбзеев Б.С. Конкретизация и актуализация норм конституции Российской Федерации как условие и гарантия осуществления прав и обязанностей человека и гражданина // Российское правосудие. 2008. № 3(23).
 32. Эбзеев Б.С. Современный конституционализм и глобализация: два вектора развития // Гражданин. Выборы. Власть. 2016. № 1.
 33. Кукушкина С.М. Влияние глобализации на государственный суверенитет: положительные и отрицательные моменты // Пробелы в Российском Законодательстве. 2011. № 1.
 34. Кузьмин Э.Л. О государственном суверенитете в современном мире // Журнал российского права. 2006. № 3.
 35. Гринин Л.Е. Современные производительные силы и проблемы национального суверенитета // Философия и общество. 1999. № 4.
 36. Фещенко А.С. Проблема наднациональности в деятельности международных организаций и международное право: дис. ... канд. юрид. наук / Дипломат. Акад. МИД СССР. Москва, 1988. 204 с.
 37. Пфенниг В. Проблемы и перспективы глобализации. Дипломатический ежегодник. 2004.
 38. Эбзеев Б.С. Конституция как юридическая модель социальной конвергентной технологии (к 30-летию Конституции России) // Государство и право. 2023. № 12.
 39. Эбзеев Б.С. Актуализация Конституции России: собирательный образ поправок Президента В.В. Путина и новые смыслы Основного Закона // Государство и право. 2020. № 4.

УЧЕНЫЙ, ПРАКТИК И ЛИЧНОСТЬ

Аннотация. В статье анализируются основные научные, педагогические и практические вехи жизни и деятельности Б.С. Эбзеева. Особое внимание уделяется анализу его работы в качестве члена Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. Делается вывод о том, что широкий научный кругозор, высокий уровень профессионализма Б.С. Эбзеева и его активная жизненная позиция способствовали развитию юридической науки в России, правоприменительной практики и совершенствования конституционного законодательства, включая подготовку принятия поправки в Конституцию России в 2020 году.

Ключевые слова: конституционное право, социальная солидарность.

SCIENTIST, PRACTITIONER AND PERSONALITY

Abstract. The article analyzes the main scientific, pedagogical and practical milestones in the life and work of B.S. Ebzeeva. Particular attention is paid to the analysis of his activities during the period of his work as members of the Central Election Commission of the Russian Federation. It is concluded that the broad scientific horizons and high level of professionalism of B.S. Ebzeev and his active life position contributed to the development of legal science in Russia, law enforcement practice and improvement of constitutional legislation, including preparations for the adoption of an amendment to the Constitution of Russia in 2020.

Keywords: constitutional law, social solidarity.

25 февраля исполняется 75 лет Борису Сафаровичу Эбзееву — замечательному человеку, выдающемуся ученому и практикующему юристу. В разные периоды трудовой деятельности он занимал важнейшие государственные должности — судьи Конституционного Суда Российской Федерации, президента Карачаево-Черкесской Республики, члена ЦИК России. К искренним поздравлениям и самым добрым пожеланиям в адрес юбиляра мне бы хотелось добавить и некоторые размышления и воспоминания.

С доктором юридических наук, профессором, заслуженным деятелем науки и заслуженным юристом Российской Федерации Б.С. Эбзеевым я познакомился сначала заочно, то есть посредством его многочисленных публикаций. Мы лично встретились в августе 2011 года после утверждения моей кандидатуры в состав секции по вопросам развития законодательства о выборах, референдумах и правоприменительной

ОСАВЕЛЮК Алексей Михайлович — профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва

практики Общественного научно-методического консультативного совета при Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. Должен сказать, что нас сблизил профессиональный интерес, который был связан непосредственно с научными проблемами, исследованием которых мы занимались.

Б.С. Эбзеев как человек с философским складом ума и юридической подготовкой, обладая необычайно широким кругозором, своими научными исследованиями обогащает теорию государства и права, конституционное право и иные отрасли правовой науки идеями гуманизации [1; 2; 3]. Ему в равной мере легко даются и фундаментальные монографические исследования, и учебники для школьников, общеобразовательных организаций, юридических и неюридических вузов [4; 5; 6; 7; 8; 9].

Говорю со знанием дела, так как мне довелось иметь отношение к написанию некоторых из таких трудов [10; 11; 12]. Именно с данной позиции должен отметить, насколько внимательно, доброжелательно и профессионально работает с соавторами Б.С. Эбзеев, стараясь получить от них настолько четкие и выверенные формулировки, чтобы даже самый сложный специализированный текст был понятен читателю. Как ученый и научный редактор различных изданий, он не только не учит готовым истинам и не предлагает готовых решений, а подводит соавторов к их самостоятельному познанию через эвристический подход.

Человек высокой духовной харизмы, блестящий аналитик и оратор, мудрый учитель, он вызывает любовь и уважение у всех, кто хоть каким-то образом соприкасался с ним. На тех или иных форумах, особенно на научных конференциях его выступления вызывают одновременно и огромный интерес, и множество вопросов. Не ошибусь, если скажу, что важнейшими составляющими его мастерства как лектора и научного докладчика являются обилие знаний, математическая точность языка, логичность и отточенность каждой фразы, а самое главное — уважение к слушателям.

Да, каким бы универсальным умом человек ни обладал, рано или поздно у каждого возникает интерес к конкретной тематике, которая и становится делом жизни. Для Б.С. Эбзеева подобной темой и научным ориентиром выступает идея сильного и дееспособного государства и прогресса нашего общества. Как логическое продолжение данного предпочтения, в сферу его научных интересов входит проблематика современного конституционного права, получившая свое разрешение в поправке, включенной в Основной закон России в 2020 году, — соединение принципа сильного, прочного, стабильного государства с идеей свободы и прав человека в рамках демократического гражданского общества. Следовательно, и идея социальной солидарности, получившая закрепление в Конституции — в новой статье 75.1.

Нужно отметить, что профессор Б.С. Эбзеев своими многочисленными публикациями активно способствовал появлению данной конституционной новеллы [13, с. 195–200; 14, с. 986–999, 15, с. 5–21]. В одном из своих недавних

трудов он подчеркивает, что концепция правовой личности «не только не чужда Конституции России, напротив, уже в преамбуле Основного закона с высокой степенью формальной определенности выражены обе стороны правовой личности — ее свобода и ответственность. Если попытаться дать нормативное определение правовой личности, то в системе ее свойств и качеств можно указать на то, что правовая личность есть прежде всего свободная личность, обладающая духом гражданственности и готовая защищать конституционный строй России, способная осознанно нести тяготы во имя общего блага, которые являются основой коллективного бытия социума и как они установлены Конституцией, готовая возникающие споры и конфликты разрешать в рамках установленных Конституцией и законом способов и в соответствии с принятыми правовыми процедурами» [16, с. 51–52].

Проблема солидарности входит в круг моих научных интересов, правда, я занимаюсь другим ее аспектом, который в исследованиях российской конституционно-правовой науки пока не получил столь широкого распространения как изучение проблем солидарности и больше известен в науке под названием «соборность» [17, с. 134–139].

Л.Н. Гумилев отмечал, что российская государственность испокон веков строилась, «исходя из первичности прав каждого народа на определенный образ жизни. Таким образом, обеспечивались и права отдельного человека. На Руси этот принцип воплотился в концепции соборности и соблюдался совершенно неукоснительно» [18, с. 255].

Отмеченная особенность не говорит о синонимичности понятий «соборность» и «солидарность». Но и не свидетельствует об их противоречивости. Нам представляется, что это — разные аспекты одного и того же социального явления. Кстати говоря, в одной из своих публикаций Б.С. Эбзеев употребил понятие «надпозитивный» [19, с. 200–201]. Сложно сказать, какой смысл он вкладывает в указанное понятие, поскольку он не расшифровывает его содержание. Но ссылка в приведенной нами цитате из предыдущей публикации на «преамбулу Основного закона», в которой речь идет и о нравственных началах, косвенно свидетельствует, что в целом между его пониманием солидарности и нашей соборностью принципиальных разногласий нет. Тем интереснее то, как он может раскрыть содержание своего понятия в перспективе.

Мы же солидарны с позицией Е.А. Осавелюк, которая отмечает, что «надпозитивное право, — категория, которая тесно связана с правом, но при этом находится вне права и поэтому может и возвышается над правом. Поскольку подобное над подобным (в данном случае — право над собой) возвыситься не может. Таких категорий, которые могут претендовать на понятие „надпозитивное право“ и содержатся в Конституции России, две. Это нормы нравственности и нормы религии» [20, с. 12].

Научные труды Б.С. Эбзеева, а также интенсивность его публикаций и выступлений на многочисленных научных форумах убеждают, что он

постоянно расширяет свой кругозор и поднимает проблемы, которые расчитаны на отдаленную перспективу и практическое разрешение. Это говорит о том, что его волнует не персоноцентризм или системоцентризм, как это принято во многих современных зарубежных западных государствах, а баланс общественного, социального и личного, индивидуального; общественного и государственного, то есть, социальная солидарность и плюралистический метод решения научных и практических социальных проблем.

Именно в этом — в развитии и расширении содержания методологии конституционно-правового строительства российского государства, институтов гражданского общества и в определении места в них человека состоит огромный вклад Б.С. Эбзеева в развитие отечественной правовой и социальной мысли.

Список литературы

1. Эбзеев Б.С. Философия российского конституционализма. Очерки. М.: Проспект, 2023.
2. Эбзеев Б.С. Конституция, власть и свобода в России. Опыт синтетического исследования. М.: Проспект, 2021.
3. Эбзеев Б.С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. М.: Норма, 2007.
4. Избирательное право. Учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» // под научной редакцией Б.С. Эбзеева, А.М. Осавелюка. Под общей редакцией К.К. Гасанова, Е.Я. Хазова, Т.Э. Каллагова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2024.
5. Конституционное право Российской Федерации: учебник / под ред. Б.С. Эбзеева. М.: Проспект, 2017.
6. Конституционное право зарубежных стран: учебн. для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / под науч. ред. Б.С. Эбзеева, Г.А. Гаджиева; под общ. ред. П.А. Кучеренко, Н.М. Чепурновой. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2023.
7. Конституционный судебный процесс. Учебник / под науч. ред. Б.С. Эбзеева, Г.А. Гаджиева; под общ. ред. Н.М. Чепурновой, Л.Т. Чихладзе. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2023.
8. Муниципальное право России: классический учебник для студ. вузов, обуч-ся по направлению подготовки «Юриспруденция» / под науч. ред. Б.С. Эбзеева, Г.А. Гаджиева; под общ. ред. А.М. Осавелюка, Н.М. Чепурновой, Л.Т. Чихладзе. 13-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2024.
9. Муниципальное право России: учебн. для студ. вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / под науч. ред. Б.С. Эбзеева, Г.А. Гаджиева; под общ. ред. А.М. Осавелюка, Н.М. Чепурновой, Л.Т. Чихладзе. 12-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2023.
10. Эбзеев Б.С., Осавелюк А.М. Основы Конституции Российской Федерации: базовый и углубленный уровень. 10–11 классы: учебное пособие. М.: Проспект, 2015.

11. Основы Конституции Российской Федерации: учебн. пос. для общеобразовательных организаций: базовый и углубленный уровень / под общ. ред. Б.С. Эбзеева. М.: Проспект, 2016.
12. Конституционное право России. Учебник для СПО / под ред. Б.С. Эбзеева, В.О. Лучина. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2020.
13. Эбзеев Б.С. Социальная солидарность как позитивное основание отечественной государственности и правовой системы России // Сборник научных трудов. Саратов, 2011.
14. Эбзеев Б.С. Государство и личность в России: социальная солидарность как парадигма отечественного конституционализма // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2013. № 6(43).
15. Эбзеев Б.С. Великая российская революция, власть и свобода: идейные истоки и конституционное устройство // Государство и право. 2017. № 7.
16. Эбзеев Б.С. Философия российского конституционализма. Очерки. М.: Проспект, 2023.
17. Осавелюк А.М. Солидарность (соборность) как особенность отечественной модели прав человека // Права человека и политика права в XXI в.: перспективы и вызовы: сб. науч. тр. по итогам Всерос. научно-практ. конф. с межд. участ. «Права человека и политика права в XXI в.: перспективы и вызовы» (г. Москва, 27–28 мая 2022) / под ред. О.Ю. Рыбакова. М., Саратов: Саратов. источник, 2022.
18. Гумилев Л.Н. От Руси до России. СПб., 1992.
19. Эбзеев Б.С. Конституционное право России. Учебник. М.: Проспект, 2019.
20. Осавелюк Е.А. Проблема регулирования и реализации полномочий Президента РФ, парламента и Правительства РФ в области национальной безопасности России. Монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2021.

ВЫДАЮЩИЙСЯ УЧЕНЫЙ СОВРЕМЕННОСТИ, ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ, ЧЕЛОВЕК

***Аннотация.** Статья посвящена 75-летию доктора юридических наук, профессора, автора множества исследований Б.С. Эбзеева. Автор рассматривает анализируемые им научные работы с точки зрения их важности, актуальности, аргументированности и оригинальности. Высоко оценивая труды Б.С. Эбзеева, он рассматривает его научную деятельность как продолжение практической работы.*

***Ключевые слова:** право, правовая позиция, научная деятельность, юридическая литература.*

AN OUTSTANDING SCIENTIST OF OUR TIME, STATESMAN, MAN

***Abstract.** The article is devoted to the work of Doctor of Law, Professor, author of many studies B.S. Ebzeev. The author evaluates the scientific works analyzed by him from the point of view of their importance, relevance, argumentation and originality. Highly appreciating the works of B.S. Ebzeev, he considers his scientific activity as a continuation of practical work.*

***Keywords:** law, legal position, scientific activity, legal literature.*

Слова огромного восхищения Борисом Сафаровичем Эбзеевым могли быть сказаны не только в связи с его юбилеем. Он их заслужил своей патриотической позицией, порядочностью, интеллектом и многими другими качествами, которые присущи этому Человеку, выдающемуся ученому и государственному деятелю. Юбилей является лишь хорошим поводом высказать то мнение, которое, уверен, сложилось у всех, кто знает Бориса Сафаровича, кто с ним общался, видел его, слышал его яркие выступления.

Об Эбзееве я узнал в период его деятельности в Конституционном Суде Российской Федерации с 30 октября 1991 по 4 сентября 2008 года. Это время совпало с моей работой в Конституционном Суде Республики Беларусь. Естественно, что в силу присутствия в составе Конституционного Суда России юристов высочайшей квалификации и наличия у Суда уже наработанного опыта (Конституционный Суд Беларуси был создан только в 1994 году) мы с огромным уважением и вниманием относились к его актам,

ВАСИЛЕВИЧ Григорий Алексеевич — заведующий кафедрой конституционного права юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, Председатель Конституционного Суда Республики Беларусь (1997–2008), Генеральный прокурор Республики Беларусь (2008–2011), г. Минск

позициям судей, в том числе и их особым мнениям. Замечу, что в бытность судьей Конституционного Суда Республики Беларусь я использовал свое право на особое мнение, а будучи впоследствии его председателем, с пониманием относился к решению судьи его высказать, исключая какую-либо атмосферу остракизма авторов особых мнений.

Правовые позиции Б.С. Эбзеева отличались убедительностью аргументов, логикой, отражением реалий и перспектив необходимого развития правовой системы. Не вдаваясь в спор относительно статуса особых мнений судьи, заметим, что в любом случае они содействовали на перспективу повышению качества принимаемых общих решений, всегда служили не разрушению, а созиданию. Кроме того, не только акты Конституционного Суда, принятые большинством судей, но и особые мнения судей способствуют развитию юридической доктрины.

Б.С. Эбзеев — человек долга: Родине потребовался человек, который бы возглавил Карачаево-Черкесскую Республику, и он сменил уютный кабинет в столице на работу в субъекте Российской Федерации. Уверен, что его опыт, знания, ответственность были полезны на том сложном этапе для Карачаево-Черкессии.

Профессор Б.С. Эбзеев известен в Российской Федерации, в Республике Беларусь и далеко за пределами наших государств как интеллектuala, выдающийся ученый, чьи идеи, оценки, рассуждения, вносимые предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики имеют фундаментальный характер. Участие в подготовке проекта Конституции Республики Беларусь, в обсуждении дискуссионных вопросов относительно ее текста были крайне полезными и оказывали свою позитивную роль, насколько это позволяла сложившаяся на момент завершения работы над проектом ситуация.

Особая сторона многогранной деятельности Бориса Сафаровича — это научная сфера. Он автор около трехсот научных и методических работ, в том числе более 30 монографий, учебников, научно-практических комментариев, ряда законопроектов. Каждое его научное издание является юридическим шедевром. Если видишь книгу, написанную Б.С. Эбзеевым либо с его участием, под его редакцией, то можно быть уверенным, что в ней найдешь кладезь мыслей, оценок, нестандартных идей и открытий.

Очень ценю, что у меня в личной библиотеке есть несколько книг, подписанных Борисом Сафаровичем. Так, одной из них является монография «Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности», изданная в издательстве «Норма» в 2011 году.

С позиции сегодняшнего дня, по прошествии 14 лет после выхода данной монографии можно убедиться в том, насколько мудрым было предвидение профессора Б.С. Эбзеева относительно необходимости развития идеи взаимной ответственности государства и личности. В концентрированном

виде его идеи воплощены, на наш взгляд, в обновленном в 2020 году тексте Конституции Российской Федерации.

Б.С. Эбзеев совершенно справедливо подчеркивал важность в учении о государстве и праве создания такой государственно-правовой организации общества, при которой сильное и стабильное государство, правопорядок сочетаются со свободой личности [1, с. 41]. Основная его идея, как представляется, заключается в нахождении баланса между личными и коллективными интересами, между интересами государства и личности. Ценными с позиции сегодняшнего дня являются содержательные характеристики желаемого образа российского государства как правового демократического социального. Так, по мнению Б.С. Эбзеева, «социальное государство не упраздняет личную ответственность человека за собственное материальное благополучие при условии, что он своим трудом или иным законным способом в состоянии обеспечить материальный достаток для себя и своей семьи. Возложение на государство общесоциальной функции по обеспечению общественного благополучия, основанного на социальном равенстве, солидарности и взаимной ответственности членов общества предполагает проведение взвешенной социальной политики» [1, с. 85].

В юридической литературе в 90-х годах прошлого века и начала XXI века значительное внимание уделялось правам и свободам человека и гражданина и в меньшей степени — их обязанностям. Однако и в данной сфере Б.С. Эбзеев выразил в указанном издании свою позицию в том плане, что у личности есть много обязанностей. Рассмотрев генетические корни и историческое развитие обязанностей личности, он подчеркивает неизбежность правового регулирования поведения людей в целях обеспечения их совместной деятельности, подчинения установленному порядку, который обеспечивается авторитетом публичной власти и при необходимости государственным принуждением. Эта оценка созвучна ранее выраженной позиции Б.С. Эбзеева, утверждавшего, что на социальное государство возлагаются «социальные задачи, обусловленные экономическим и социальным развитием общества. При этом социальное государство не упраздняет личную ответственность человека за собственное материальное благополучие» [2, с. 386].

По прошествии времени после выхода этих книг можно видеть, насколько изложенные в них мысли и идеи органично вошли в обновленную в 2020 году Конституцию Российской Федерации, в том числе в части закрепления принципа социальной солидарности. Так, в соответствии со статьей 75.1 Конституции в Российской Федерации создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность.

Отметим, что идеи Б.С. Эбзеева явились источником для закрепления в результате республиканского референдума 2022 года в статье 21 Конституции положения о социальной ответственности каждого и необходимости вносить посильный вклад в развитие общества и государства.

* * *

Хочу более детально остановиться на двух замечательных работах Б.С. Эбзеева: книге «Конституционная власть и свобода в России» [3] и фундаментальном учебнике «Конституционное право Российской Федерации» [4]. Первая из них привлекает широтой затронутых вопросов и их рассмотрением в органичной взаимосвязи. Так, в частности, осуществлен краткий анализ историко-правовых воззрений на власть и свободу в дореволюционной России, а также в советский и постсоветский периоды. Б.С. Эбзеев обращает внимание на главный урок, который следует из недавнего прошлого: «Общество не может успешно и устойчиво развиваться без развитого политического, экономического, социального и юридического механизма саморегуляции и саморазвития, основанного на сочетании и взаимодействии индивидуального и коллективного, государственной бытийности народа и гарантированности прав и свобод человека и гражданина» [3, с. 99]. В данном издании рассмотрены важные для развития доктрины и практики такие вопросы как народный суверенитет, механизмы делегирования народом права на власть, исследованы принципы конституционного строя, исследован статус человека в его связи с властью, проблемы единства и целостности Российского государства.

Второе издание — учебник — является оригинальным не только потому, что оно авторское и выполнено индивидуально, но и с точки зрения подачи материала. Работа отличается основательным подкреплением соответствующих тем доктринальными источниками, позицией автора, его глубоким знанием истоков освещаемых вопросов.

Конечно, разговор о научной составляющей деятельности Б.С. Эбзеева может быть очень долгим. Имеется множество его научных статей, носящих фундаментальный характер, сохраняющих актуальность и отражающих перспективу развития общества и государства. Основные направления научной деятельности авторитетного правоведа — проблемы конституционализма, государственного строительства, юридический статус человека и гражданина, иные правовые проблемы — вошли в сокровищницу юридической науки, стали классикой. Но хотелось бы особо подчеркнуть, что Б.С. Эбзеев — блестящий оратор. Я уверен, что это может отметить каждый, кто его хоть раз слышал на официальных мероприятиях либо вне их.

Б.С. Эбзеев много сделал для молодых ученых, докторантов. Он щедро делится своим талантом и знаниями. На любом участке работы всегда проявлял ответственное отношение к выполнению своих обязанностей. Это достойный пример для подражания.

Напоследок должен сказать, что Борис Сафарович Эбзеев — живая легенда, пример истинного служения Отечеству, Науке, Праву. Хочу пожелать нашему замечательному современнику долголетия, творческих сил и оптимизма. Пусть Б.С. Эбзеев еще долго радует нас своим обаянием и мужественностью.

Список литературы

1. Эбзеев Б.С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. М.: Норма, 2011.
2. Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М.: Юрид. лит., 2005.
3. Эбзеев Б.С. Конституция, власть и свобода в России. Опыт синтетического исследования. М.: Проспект, 2014. 336 с.
4. Эбзеев Б.С. Конституционное право Российской Федерации. Учебник. Москва, 2017. М.: Проспект. 2017. 456 с.

О СОЦИАЛЬНОМ ГОСУДАРСТВЕ, РЕАЛИЗАЦИИ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН И ЗАЩИТЕ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО СУВЕРЕНИТЕТА РОССИИ

***Аннотация.** Статья посвящена исследованию отдельных аспектов многогранной деятельности выдающегося отечественного ученого-практика, судьи Конституционного суда Российской Федерации в отставке, члена Центральной избирательной комиссии Российской Федерации Бориса Сафаровича Эбзеева. Научные идеи Б.С. Эбзеева охватывают чрезвычайно широкий круг важнейших вопросов развития конституционного права и общественной жизни страны. Реализация личных взглядов в практической деятельности является отличительной чертой Бориса Сафаровича, его характерным почерком. Автором затронуты такие разные, но актуальные аспекты практического осуществления убеждений Б.С. Эбзеева, как концепция социального государства, реализация избирательных прав и защита электорального суверенитета. В публикации отмечается личный вклад ученого в разработку и закрепление в Конституции России принципа социального государства, подчеркивается историческая важность этого решения для нашей страны и его современное смысловое наполнение. В части реализации избирательных прав граждан в статье рассматривается разработанное при непосредственном методическом участии Б.С. Эбзеева правовое регулирование организации голосования по проведению первых выборов органов законодательной власти и местного самоуправления в новых регионах нашей страны. Относительно защиты электорального суверенитета анализируются различные виды деятельности ЦИК России по развитию равноправного международного сотрудничества и организации международного наблюдения.*

***Ключевые слова:** конституция, Конституционное совещание, социальное государство, предварительное голосование, праймериз, реализация избирательных прав граждан, новые регионы, выборы, электоральный суверенитет, международное сотрудничество, международное наблюдение.*

ON THE WELFARE STATE, THE EXERCISE OF THE ELECTORAL RIGHTS OF CITIZENS AND THE PROTECTION OF THE ELECTORAL SOVEREIGNTY OF RUSSIA

Abstract. *The article is devoted to the study of certain aspects of the multifaceted activities of Boris Safarovich Ebzeev, an outstanding Russian scientist and practitioner, retired judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, member of the Central Election Commission of the Russian Federation. B.S. Ebzeev's scientific ideas cover an extremely wide range of important issues of the development of constitutional law and public life in the country. The author touches upon such different but relevant aspects of the practical implementation of B.S. Ebzeev's views as the concept of a welfare state, the realization of electoral rights and the protection of electoral sovereignty. The publication notes Boris Safarovich's personal contribution to the development and consolidation of the principle of a welfare state in the Russian Constitution, examines the historical importance of this decision for our country and its modern meaning. Regarding the implementation of citizens' electoral rights, the article examines the legal regulation of the organization of voting for the first elections of legislative authorities and local governments in the new regions of our country, developed with the direct methodological participation of B.S. Ebzeev. Regarding the protection of electoral sovereignty, the activities of the Central Election Commission of the Russian Federation on the development of equal international cooperation and the organization of international monitoring are being considered.*

Keywords: *constitution, Constitutional conference, welfare state, preliminary voting, primaries, realization of citizens' electoral rights, new regions, elections, electoral sovereignty, international cooperation, international observation.*

Борис Сафарович Эбзеев — выдающийся ученый-конституционалист советской и российской правовой школы, государствовед, обладающий поистине энциклопедическими познаниями во многих, в том числе и весьма далеких от юриспруденции сферах. Будучи неутомимым мыслителем и созидателем, он вносит огромный вклад не только в науку конституционного права России, но и в дело построения прочного государственного фундамента нашего Отечества. Ему посчастливилось реализовывать свои жизненные и научные принципы, взгляды и убеждения в практической деятельности в качестве судьи Конституционного суда Российской Федерации, руководителя региона и члена ЦИК России. Невозможно переоценить вклад Бориса Сафаровича в воспитание подрастающего поколения как преподавателя высшей школы и просто неравнодушного гражданина, который считает своим долгом делиться своим опытом со школьниками и студентами самых разных специализаций. Меня как коллегу поражает его исключительная личная скромность, абсолютная порядочность и полнейшая безотказность в стремлении прийти на помощь тем, кто в ней нуждается. Нельзя не упомянуть о том, что каждое выступление

Б.С. Эбзеева в любой аудитории (а рядовых или «проходных» выступлений у него не бывает) является настоящей одой Основному закону страны. За это мы между собой зачастую называем нашего глубокоуважаемого коллегу «Магомаевым Конституции», восхищаясь его исключительным ораторским мастерством.

В рамках настоящей статьи я остановлюсь на отдельных аспектах многогранной деятельности Б.С. Эбзеева, которые во многом благодаря его личной принципиальности и поддержке единомышленников позволили, на наш взгляд, заложить правильный вектор конституционного развития страны.

* * *

Социальное государство. Сегодня понимание того, что Россия является социальным государством, политика которого имеет направленность на создание условий для достойной жизни и развития человека, прочно укоренилось в нашей жизни. Именно этим принципом руководствуется Президент Российской Федерации (а вслед за ним и все другие органы публичной власти), когда подчеркивает, что все социальные обязательства государства должны и будут неукоснительно выполняться.

История не знает сослагательного наклонения. И сейчас уже трудно все-враз представить, что при разработке Конституции Российской Федерации доминирующее на Конституционном совещании 1993 года большинство искренне верило в то, что рыночная экономика сама все расставит по своим местам, а закрепление в Основном законе принципа социального государства будет вредно для страны и породит настроения социального иждивенчества. Безусловно, таков был дух того времени и многим казалось, что крушение СССР явственно свидетельствует, что все старое и советское — ненужные рудименты и атавизмы, а все новое и западное — благо для нашего государства и общества. По словам Б.С. Эбзеева, в тот переломный момент в нашей истории «под угрозу была поставлена государственная бытийность России» [1, с. 8].

Очевидно, что для отстаивания иной позиции в подобной обстановке требовалось не только твердое убеждение в своей правоте, но и изрядная личная смелость и решимость. Б.С. Эбзеев, принимавший участие как в работе Конституционного совещания, так и (что гораздо важнее) входивший в состав его небольшой рабочей группы, реально дорабатывавшей вынесенный на всенародное голосование проект Конституции, оказался среди тех, кто обладал должным набором профессиональных компетенций и личных качеств. Стоит упомянуть, что отстаивать свою точку зрения ему, в частности, пришлось в споре не с кем-нибудь, а с выдающимся ученым С.С. Алексеевым и известным политиком А.А. Собчаком.

Б.С. Эбзеев справедливо считает, что Российская Федерация является не просто правопреемником СССР, РСФСР, Российской империи, а именно продолжателем «тысячелетней отечественной государственности»

(отождествления этих категорий следует остерегаться) [1, с. 11]. Исходя из этого, представляется, что Россия является самобытным цивилизационнообразующим евразийским государством со своим уникальным историческим укладом, традициями хозяйствования и бытия, поэтому подходить с западными лекалами к вопросу отечественного конституирования, да еще и с позиций мнимого превосходства, было бы по меньшей мере неоправданно.

Безусловно, в момент принятия Конституции, да и некоторое время после этого стране было не до реализации принципа социального государства: тяжелый кризис поразили практически все сферы российского общества. Но с укреплением институтов государственной власти, в первую очередь института президентства, этот принцип начал наполняться реальным практическим содержанием.

Время показало, что рассчитывать только на социальную ответственность бизнеса и предпринимателей, имея ввиду огромные масштабы территории и малочисленность относительно этих масштабов населения нашей страны, было по меньшей мере наивно. Более того, исторически наше государство совершало качественные рывки в своем развитии во времена, когда им руководили сильные и энергичные правители.

На наш взгляд, практическое раскрытие принципа социального государства как раз и состоит в симбиозе этих двух составляющих, действующих сообща, — направляющей роли государства и сознательной ответственности бизнес-сообщества.

Б.С. Эбзеев, оценивая современный конституционный режим в Российской Федерации как демократический, способствующий конкуренции идей, взглядов и убеждений, совершенно справедливо полагает, что главной угрозой этому процессу является психология «демократического цезаризма» [2, с. 22]. В социальной практике это, в частности, может означать нежелание чиновников на местах профессионально и инициативно выполнять свои обязанности без прямого указания сверху, опасение брать на себя инициативу и ответственность, что становится особенно заметно и губительно в период чрезвычайных ситуаций.

Время требует смелых и неотложных решений и, как следствие, решительных и инициативных руководителей, способных эти самые решения принимать. Здесь на первый план практической деятельности выходит конституционное положение о том, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанностью государства. Концепция социального государства также обязывает руководствоваться принципами элементарной справедливости, а не буквальным и даже слепым исполнением норм действующего законодательства. Речь в наше время идет о новом наполнении конституционного принципа социального государства. Этот принцип не только не ставится никем под сомнение, а напротив: Президент России,

как гарант Конституции, жестко требует от всех органов публичной власти инициативной и энергичной работы по решению социальных проблем наших граждан.

По мнению Б.С. Эбзеева, «...естественно-исторические процессы эволюции государства привели к тому, что государственная власть объективно трансформируется во власть социального служения, которая по своей природе связана не только правовыми, но также социальными и нравственными узами, выступающими в качестве мотивов ее деятельности»¹.

Вместе с тем возникает вопрос, где брать подготовленные к работе в новых условиях кадры, ведь по точному выражению Б.С. Эбзеева «государственные деятели не появляются „ниоткуда“, они генерируются политическими партиями» [2, с. 26]. Представляется, что одним из механизмов рекрутирования кандидатов на публичные должности для политических партий мог бы стать механизм предварительного голосования (праймериз), при котором отбор кандидатов политическими партиями осуществляется с учетом мнения избирателей. Таким образом, уже на «дальних подступах» к выборам и политические партии, и кандидаты будут понимать чаяния и запросы людей, ориентироваться на них в своей работе, что позволит превратить в устойчивую социальную практику одну из конституционных моделей прямого народовластия [2, с. 24].

* * *

Реализация избирательных прав граждан. Деятельность Б.С. Эбзеева по защите избирательных прав граждан в качестве члена Центральной избирательной комиссии Российской Федерации является чрезвычайно разнообразной и продуктивной. Особенно хотелось бы отметить его неоценимый вклад и методическую помощь в деле нормативного регулирования проведения первых выборов в органы законодательной власти и местного самоуправления Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей.

После воссоединения этих исторических земель с Россией возникла необходимость проведения выборов и формирования органов публичной власти в соответствии с законодательством Российской Федерации. Но как проводить выборы, если в этих регионах продолжаются активные боевые действия, включая обстрелы мирной инфраструктуры? Понятно, что безусловным приоритетом являются жизнь и здоровье граждан, а также безопасность членов избирательных комиссий различного уровня.

Для решения этой задачи были разработаны и приняты поправки в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме Российской Федерации» (п. 3–7 ст. 81),

¹ Член ЦИК России Борис Эбзеев: Конституции России – 25 лет // URL: <http://vestnik.cikrf.ru/vestnik/publications/opinions/41849.html> (дата обращения: 28.12.2024).

позволяющие в целях безопасности граждан, защиты их жизни и здоровья, а также реализации избирательных прав устанавливать нормативно-правовым актом регионального уровня особенности реализации отдельных положений избирательного законодательства. Кроме этого, была предусмотрена возможность использования в целях реализации активного избирательного права иных (помимо общегражданского паспорта) документов, выданных органами публичной власти и их должностными лицами и содержащих персональные данные.

Здесь необходимо учитывать то обстоятельство, что Федеральными конституционными законами от 4 октября 2022 года № 5-ФКЗ, № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ, № 8-ФКЗ² о принятии в состав Российской Федерации новых субъектов было установлено, что со дня их принятия соответствующие граждане и лица без гражданства, постоянно проживающие на этот день на территории новых субъектов или ранее постоянно проживавшие на их территории и выехавшие из них в Российскую Федерацию, в том числе через территории третьих государств, а также их несовершеннолетние дети приобретают гражданство Российской Федерации в результате признания их гражданами Российской Федерации при условии принесения Присяги гражданина Российской Федерации.

Вместе с тем в соответствии со статьями 5 Договоров между Российской Федерацией и Донецкой Народной Республикой, Луганской Народной Республикой, Херсонской областью и Запорожской областью³ об их принятии в Российскую Федерацию и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов со дня принятия в Российскую Федерацию и образования в составе Российской Федерации новых субъектов соответствующие граждане и лица без гражданства, постоянно проживающие на этот день в новых субъектах, признаются гражданами

² См.: Федеральный конституционный закон от 4 октября 2022 года № 5-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Донецкой Народной Республики», Федеральный конституционный закон от 4 октября 2022 года № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Луганской Народной Республики», Федеральный конституционный закон от 4 октября 2022 года № 7-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Запорожской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Запорожской области», Федеральный конституционный закон от 4 октября 2022 года № 8-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Херсонской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Херсонской области» // СПС «КонсультантПлюс».

³ См. подробнее: Договор между Российской Федерацией и Донецкой Народной Республикой о принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта (подписан в г. Москве 30.09.2022); Договор между Российской Федерацией и Луганской Народной Республикой о принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта (подписан в г. Москве 30.09.2022); Договор между Российской Федерацией и Херсонской областью о принятии в Российскую Федерацию Херсонской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта (подписан в г. Москве 30.09.2022); Договор между Российской Федерацией и Запорожской областью о принятии в Российскую Федерацию Запорожской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта (подписан в г. Москве 30.09.2022).

Российской Федерации, за исключением лиц, которые в течение одного месяца после этого дня заявят о своем желании сохранить имеющееся у них и (или) их несовершеннолетних детей иное гражданство либо остаться лицами без гражданства.

Таким образом, исходя из буквального толкования указанных договоров, приобретение гражданства Российской Федерации связано с фактом постоянного проживания на территории новых субъектов на день их принятия в состав Российской Федерации (кроме случая, когда лицо заявило о своем желании сохранить имеющееся у него иное гражданство либо остаться лицом без гражданства).

Подпункт «б» пункта 5 и пункт 15 Порядка подачи заявления о выдаче паспорта гражданина Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 26 декабря 2022 года № 951, содержат перечень документов, подтверждающих факт постоянного проживания на территории новых субъектов в целях получения паспорта гражданина Российской Федерации.

Исходя из указанного порядка, такими документами, в частности, являются:

документ (в том числе срок действия которого истек), удостоверяющий гражданство и личность гражданина Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики или Украины, либо паспорт гражданина СССР образца 1974 года, либо вид на жительство лица без гражданства в Донецкой Народной Республике, Луганской Народной Республике или на Украине, либо временное удостоверение личности лица без гражданства в Российской Федерации, либо свидетельство о предоставлении временного убежища на территории Российской Федерации, выданное лицу, не имеющему других документов, удостоверяющих гражданство и личность гражданина Украины;

выписка из домово́й книги;

карточка прописки;

адресная справка;

справка о регистрации по месту жительства, выданная к ID-карте;

выписка из единого государственного демографического реестра о регистрации места жительства;

справка о внесении сведений в вышеуказанный реестр;

иной документ, содержащий указанные сведения;

заключение об установлении личности с подтверждением факта постоянного проживания (регистрации по месту жительства).

Таким образом, наличие любого из вышеуказанных документов, подтверждающих факт постоянного проживания на территории новых субъектов, подтверждает и наличие гражданства Российской Федерации, кроме случая наличия заявления лица о его желании сохранить имеющееся у него иное гражданство либо остаться лицом без гражданства.

Вышеуказанные документы могли быть использованы избирателями, признанными гражданами Российской Федерации в соответствии со статьями 5 вышеупомянутых международных договоров, для реализации активно-го избирательного права в единый день голосования 10 сентября 2023 года.

По понятным причинам банковские счета и прочие финансовые инструменты кандидатов, находящиеся на территории Украины, не могли быть ими закрыты, поэтому для таких случаев предусматривалась процедура, по которой в избирательную комиссию представлялась информация об их наличии и причинах, препятствующих их отчуждению и не зависящих от воли кандидата. Закреплялось, что в этом случае наличие таких счетов и иных финансовых инструментов не будет являться основанием для отказа в регистрации кандидата или же исключения его из списка кандидатов. Новые регионы получили также право сокращать продолжительность голосования, если такая необходимость была вызвана соображениями безопасности и защиты жизни и здоровья граждан.

Указанные особенности организации избирательного процесса позволили избирательным комиссиям новых регионов при методической поддержке Центральной избирательной комиссии Российской Федерации провести первые выборы в органы публичной власти на высоком организационном уровне, обеспечив реализацию избирательных прав граждан в наиболее безопасных для них в сложившейся ситуации условиях.

* * *

Электоральный суверенитет. Б.С. Эбзеев указывает, что при разработке Конституции России многие участники Конституционного совещания 1993 года скептически относились к государственному суверенитету и демонстрировали «слепое доверие к так называемым „международным стандартам“, которые якобы исключают всякую конкуренцию государств и сами по себе способны гарантировать наши национальные интересы» [1, с. 8]. Обильные результаты такого психологического настроя, получившего свое воплощение как в многочисленных официальных юридических документах, так и в практике работы государственных органов, мы разгребаем до сих пор. При этом наши западные «партнеры» изначально исходили и исходят из «аксиомы» собственного мнимого превосходства над «отсталым» миром, поскольку в их понимании только западная цивилизация и Европа являются цветущим садом, а остальной мир — дикими джунглями⁴.

Примерами проведения такой политики в избирательной сфере стали направление в нашу страну различных западных миссий наблюдения (наиболее одиозной из которых является БДИПЧ ОБСЕ) с заготовленными еще до выборов заключениями, создание и финансирование под технические

⁴ Боррель сравнил Европу с садом, а весь остальной мир — с джунглями // URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16043897> (дата обращения: 28.12.2024).

задания заокеанских заказчиков лояльных им некоммерческих организаций с целью дискредитации отечественной избирательной системы.

После начала специальной военной операции на Украине Глобальный Запад поставил своей целью международную изоляцию России, включая, безусловно, дискредитацию и непризнание результатов проходящих в нашей стране выборов.

Жизнь показала, что такая политика во всех сферах, включая избирательную, произвела «эффект кобры». Так, на выборах Президента Российской Федерации в марте 2024 года в качестве международных наблюдателей и экспертов работали представители 129 стран. Для сравнения, на выборах Президента России в 1996, 2000, 2004, 2008, 2012, 2018 годах присутствовали международные наблюдатели из соответственно 62, 58, 50, 32, 58 и 115 стран. Помимо приглашения международных (иностранных) наблюдателей на федеральные российские выборы в единый день голосования для избирательных комиссий иностранных государств организуются программы ознакомления с электоральной системой России. Например, в единый день голосования 6–8 сентября 2024 года Центральная избирательная комиссия Российской Федерации приняла 5 зарубежных делегаций. Это также демонстрирует нашу открытость.

129 стран — это рекордная географическая представленность. Такой открытостью миру не может похвастаться ни одна избирательная система Западной Европы и Северной Америки, где условия для международного наблюдения либо существенно ограничены, либо отсутствуют совсем.

На сегодняшний день мы максимально далеки от практики США, где только 4 штата и округ Колумбия официально разрешают международное наблюдение, а в остальных штатах всё неопределенно: статус наблюдателя и его права не регламентированы, а безопасность не гарантирована.

Эти данные наводят на определенные размышления. Так всё же кто от кого изолируется в деле международного наблюдения за выборами? С чьей стороны оказался наглухо закрыт электоральный «железный занавес»? Ответ очевиден: мы, безусловно, отличаемся в выгодную сторону не только максимальной открытостью, но и отсутствием региональной дискриминации граждан, беспорядочности досрочного голосования, голосования по почте и тому подобного.

Мы не только принимаем международных наблюдателей и экспертов в нашей стране, но и активно участвуем в миссиях наблюдения за выборами в других странах по линии двустороннего сотрудничества и в рамках наблюдательных миссий СНГ и ШОС. В 2023 году члены Центральной избирательной комиссии Российской Федерации участвовали в 9 миссиях наблюдения за выборами и референдумами, а в 2024 году приняли участие уже в 24 миссиях. Это убедительно говорит о том, что есть взаимный интерес к обмену электоральным опытом, развитию экспертности наблюдения через заимствование лучших практик и методологий. Кроме того, международное

наблюдение содействует не только легитимизации результатов выборов, но и совершенствованию избирательного процесса и в принимающей стране, и в странах, направляющих своих наблюдателей.

Затронутые темы позволяют осветить лишь малую толику обширного опыта, мастерства, компетенций, идей, взглядов Б.С. Эбзеева, но это значит, что впереди у нас еще очень много совместной и плодотворной работы.

Список литературы

1. Эбзеев Б.С. Актуализация Конституции России: собирательный образ поправок Президента В.В. Путина и новые смыслы Основного Закона // Государство и право. 2020. № 4.
2. Эбзеев Б.С. Актуальные проблемы реализации Конституции России 1993 года // Вестник Саратовской государственной юридической академии права. 2018. № 1(120).

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА ЛИЧНОСТИ И ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА

***Аннотация.** В статье о профессоре Б.С. Эбзееве анализируется вклад ученого в развитие российской конституционной доктрины. Особое внимание уделяется проблемам отечественного конституционализма, его взаимосвязи с институтом правового статуса личности во внутригосударственном и международном измерении. Рассматриваются подходы к понятиям «конституционализм» и «конституционализация» в широком смысле как воспроизведение не только буквы, но и духа Конституции, проникнутого уважением к российским традиционным духовно-нравственным ценностям, в законодательстве и правоприменительной практике России. Обосновывается влияние конституционных новелл 2020 года на процесс конституционализации правового статуса личности. Выявляются способы (инструменты) конституционализации правового статуса личности, предлагаются некоторые пути преодоления вызовов и угроз XXI века.*

***Ключевые слова:** конституция, конституционализм, конституционализация, правовой статус личности, духовно-нравственные ценности, гражданское общество, вызовы, цифровизация.*

CONSTITUTIONALIZATION OF THE LEGAL STATUS OF THE INDIVIDUAL AND CHALLENGES OF THE XXI CENTURY

***Abstract.** The article, prepared for the anniversary of Professor Boris Safarovich Ebzeev, analyzes the scientist's contribution to the development of Russian constitutional doctrine. Special attention is paid to the problems of domestic constitutionalism, its relationship with the institution of the legal status of the individual in the domestic and international dimensions. The approaches to the concepts of «constitutionalism» and «constitutionalization» in a broad sense are considered as reproducing not only the letter, but also the spirit of the Constitution, imbued with respect for Russian traditional spiritual and moral values, in Russian legislation. The influence of the 2020 constitutional novels on the process of constitutionalization of the legal status of an individual is substantiated. The methods (tools) of constitutionalization of the legal status of an individual are identified, and some ways of overcoming the challenges and threats of the 21st century are proposed.*

***Keywords:** constitution, constitutionalism, constitutionalization, legal status of the individual, spiritual and moral values, civil society, challenges, digitalization.*

САДОВНИКОВА Галина Дмитриевна — профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва

Выдающийся российский ученый-конституционалист современности профессор Борис Сафарович Эбзеев справедливо отмечает возрастание научного интереса к проблемам отечественного конституционализма и связывает эту тенденцию с «постепенным и с издержками распространением в обществе духа гражданского и юридического» [1, с. 3]. «Без этого, — считает ученый, — не может обойтись ни одно жизнеспособное государство». Нельзя не согласиться, что «при изучении государства и права, их роли и значения всегда следует иметь в виду, что они есть прежде всего не цель, но средство к развитию личности и обеспечению ее свободы» [1, с. 5].

Конституционализм и его развитие Б.С. Эбзеев неизменно связывает с правами человека. И основную задачу отечественной науки о государстве и праве на современном этапе ученый видит в том, чтобы «найти такую государственно-правовую организацию общества, которая существование стабильного в своих устоях и динамичного в развитии государства и прочного правопорядка как необходимого условия поступательного развития общества могла бы соединить с другим императивом эпохи — свободой личности» [1, с. 9]. Основой, фундаментом такой государственно-правовой организации общества может быть ни что иное, как конституционализм.

Конституционализм в трудах Б.С. Эбзеева рассматривается как теория и практика организации публичной власти и взаимоотношений с человеком. Новым вызовом конституционализму как упорядоченной форме демократии, по мнению ученого, являются постиндустриализм и глобализация, международный терроризм и прочие проблемы, которые требуют своего правового освоения [2, с. 55].

Конституционализм сегодняшнего дня, отмечает профессор, в отличие от правового позитивизма прошлого, в своем регулятивном воздействии не может ограничиться только отношениями между людьми. Конститулируемый Основным законом порядок не может быть равнодушен к интеллектуальному и духовно-нравственному развитию человека. Он должен способствовать созданию условий, соответствующих присущему каждому человеку достоинству [2, с. 63].

Конституционализм как сложное многоаспектное политико-правовое явление не есть что-то застывшее, раз и навсегда заданное. Даже если возможно представить, что в какой-то момент политико-правовые реалии близки к совершенству, они идеальны именно в данный момент. Общественная жизнь не стоит на месте, меняются доктрина, законодательство, практика. Следовательно, основные конституционные институты не могут не меняться соответственно достигаемому в каждый конкретный момент уровню духовно-нравственного развития общества. В свою очередь, меняющиеся доктринальные основы и принятые в соответствии с ними нормативные правила воздействуют на общественные отношения, сложившуюся практику и меняют их, то есть происходит тонкий процесс взаимодействия,

взаимовлияния, взаимопроникновения, что неизбежно в той или иной степени трансформирует социум в целом.

Естественная форма развития конституционализма — не что иное, как конституционализация, то есть проникновение конституционных принципов и норм в текущее законодательство, а также охват ими социальных отношений, складывающихся в самых разных сферах, включая духовно-нравственную. Конституционализация как таковая не может состояться, если одновременно не произойдет «конституционализация сознания», то есть конституционные ценности не будут осознаваться и разделяться народом. Таким образом, широкое понимание конституционализации включает в себя воспроизведение и развитие в доктрине, законодательстве и правоприменительной практике не только буквы, но и духа Конституции, проникнутого уважением к российским национальным духовным ценностям, менталитету, историческим традициям.

Права человека Б.С. Эбзеев определил в числе трех базовых принципов конституционализма: «Считается, что в эпоху утвердившегося в мире конституционализма как теории и практики организации взаимодействия между государством и человеком, базирующихся на принципах демократии, верховенства права и прав человека...» [2, с. 55] логичным было бы считать эти принципы главными векторами конституционализации в условиях современных вызовов. Все три указанных принципа тесно связаны между собой и не могут существовать один без другого. Учитывая, что человека, его права и свободы Конституция определяет высшей ценностью, представляется актуальным рассмотреть вопрос о конституционализации правового статуса личности в современных условиях.

По мнению Н.В. Витрука, «Не было и нет актуальнее, злободневнее темы в обществоведении, чем положение личности в современном гражданском обществе и демократическом правовом государстве» [3, с. 5]. Что касается дискуссионного в науке вопроса о содержании правового статуса личности, представляется целесообразным взять за основу подход Н.В. Витрука: «Признанные государством права, свободы, законные интересы и обязанности в их единстве составляют правовой статус как основу, ядро правового положения личности» [3, с. 24].

Правовой статус как неотъемлемая важная часть социального статуса личности, представляющая собой формально определенное положение человека в обществе, не является раз и навсегда установленным, а находится в постоянном развитии. «Конституционное регулирование, — полагает Б.С. Эбзеев, — исходит из реального для данной исторической эпохи типа личности, которая может обладать как положительными, так и отрицательными свойствами и качествами, и развивается в рамках данной общественной системы и правовых отношений в качестве объекта прав и обязанностей» [4, с. 298]. Характеристики такого развития зависят от множества факторов: демографических, политических, экономических, социальных,

духовно-культурных, и не в последнюю очередь — правовых. Конституция и принимаемое в ее развитие конституционное законодательство — не единственный, но один из определяющих факторов конституционализации.

Конституционализм и конституционализацию обычно связывают с постсоветским периодом нашей истории. В то же время нельзя утверждать, что эти сложные политико-правовые феномены появились на пустом месте. Анализируя конституционные акты советского периода Б.С. Эбзеев писал, что они «отражали объективную тенденцию к углублению демократических основ организации общества, закрепляли действительно широкие для своего времени и социально значимые права и свободы. Западноевропейская социал-демократия ... немало взяла из опыта СССР и мирового социализма. Но несомненно и то, что в советской государственно-правовой теории и практике длительное время акцент делался не на ценностях, присущих всему обществу, а на пролетарско-классовом подходе к объяснению сущности демократии и прав личности» [4, с. 126]. Влияние советских конституций на содержание основных законов многих зарубежных стран, особенно в части стандартов социальных прав, очевидно. Это, разумеется не означает, что в советский период политико-правовой системе СССР и советской России был присущ конституционализм в современном понимании, но наличие определенных его черт, предпосылок, элементов можно усмотреть.

Действующая Конституция, согласно выводу Б.С. Эбзеева, «принципиально изменила вектор государственно-правового устройства России: человек — народ — государство и конституционализировала все сферы общественной жизни. Государство в своем былом всевластии осталось в прошлом. Оно ограничено суверенитетом народа, верховенством права и неотъемлемыми правами человека и гражданина» [4, с. 126].

Конституционализация правового статуса личности в настоящее время происходит различными способами, среди которых:

1) *совершенствование самой Конституции*. Для конституционной реформы 2020 года характерно возведение на более высокий — конституционный — уровень правового закрепления положений текущего законодательства. Государство тем самым берет на себя новые обязательства, в том числе требующие дополнительного финансирования. Конституционные нормы теперь «обязывают» законодателя закреплять соответствующий, то есть не менее высокий уровень социальной защиты граждан. Положения Конституции более стабильны, чем текущее законодательство, соответственно, повышается уровень гарантий прав и свобод граждан. Тем не менее каждая медаль имеет обратную сторону. Перешедшие из законов в конституцию нормы теперь не подлежат конституционному контролю. Их стабильность может в будущем препятствовать совершенствованию. Можно возразить, что в таком случае ничто не мешает вновь внести поправки в Конституцию, но частое изменение текста Основного закона страны в определенной степени обесценивает его. Поэтому таким инструментом,

как перенос в текст Конституции законодательных положений следует пользоваться с осторожностью;

2) *принятие новых правовых позиций Конституционного Суда по вопросам, связанным с правовым статусом личности*. Правовая позиция Конституционного Суда, выраженная в Заключении от 16.03.2020 № 1-3 после принятия в 2020 году Закона о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», указывает, что принятием данной поправки «создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина»¹.

Вопросы правового статуса личности затрагиваются практически в каждом акте Конституционного Суда, акцентируя внимание на тех или иных элементах статуса и восполняя тем самым пробелы и дефекты правового регулирования и правоприменительной практики. Правовые позиции Суда ставят заслон на пути посягательств на правовой статус личности, о чем прямо указано в правовой позиции, выраженной в Постановлении от 24.02.2022 года № 8-П: «Право просить о помиловании или о смягчении наказания названо непосредственно в главе 2 „Права и свободы человека и гражданина“ Конституции Российской Федерации (статья 50, часть 3). Уже это обстоятельство свидетельствует о его значимости для лиц, отбывающих наказание. Объективно для них возможность смягчения наказания является одним из важнейших жизненных интересов. Соответственно, отступление от принципов справедливости и равенства в реализации этой возможности является существенным посягательством на конституционно-правовой статус личности»².

Ряд правовых позиций, способствующих развитию конституционно-правового статуса личности, был сформулирован Судом в 2024 году. Так Суд, касаясь исполнения судебных актов по искам к Российской Федерации, отметил, что их вынесение порождает коллизию между такими конституционно значимыми ценностями, как, с одной стороны, стабильность финансовых основ реализации государством возложенных на него функций, включая

¹ Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации „О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти“, а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. № 2. 2020.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 24.02.2022 № 8-П «По делу о проверке конституционности части седьмой статьи 53.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.Н. Егорова» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 10. Ст. 1595.

безусловное гарантирование конституционно-правового статуса личности, и, с другой — своевременность и полнота исполнения судебного акта. Эта коллизия с учетом недопустимости умаления ни одной из названных ценностей подлежит разрешению, в том числе на основе закрепленного в статье 17 (часть 3) Конституции принципа, согласно которому осуществление прав и свобод человека и гражданина, а значит, и права на судебную защиту, не должно нарушать права и свободы других лиц³. Определяя конституционность ряда статей Гражданского кодекса РФ Суд отметил, что Кодекс, устанавливая презумпцию добросовестности участников гражданских правоотношений, конкретизирует применительно к сфере гражданско-правового регулирования конституционно-правовой статус личности, основанный на признании неотчуждаемых прав человека и гражданина (статьи 17 и 18 Конституции Российской Федерации)⁴;

3) *принятие новых и совершенствование действующих законов и подзаконных актов, как федеральных, так и региональных, обеспечивающих более высокий уровень гарантированности прав и свобод человека и гражданина.* Сложно назвать закон или подзаконный акт, не направленный в той или иной степени на конституционализацию правового статуса личности, так как любой из них затрагивает права и (или) обязанности человека и гражданина. Особенно бурной законодательная деятельность российского парламента стала после конституционной реформы 2020 года: необходимо было развить конституционные положения, в первую очередь те, которые затрагивают правовой статус личности. Только за 2024 год, как заявил Председатель Государственной Думы В.В. Володин в докладе на закрытии седьмой сессии текущего восьмого созыва, палата рассмотрела 1086 законодательных инициатив, приняла 564 федеральных закона. В течение осенней сессии принято 233 закона, из них 22 процента — социально значимых, 68 процентов — прямого действия. В докладе особо отмечены принятые в ходе осенней сессии законы, направленные на решение жилищных и иных социальных проблем участников специальной военной операции и их семей, расширение для данных категорий лиц льгот и трудовых гарантий. В докладе также отмечены принятые законы о погашении государством части ипотечного кредита семьи при рождении третьего ребенка; об увеличении в два раза

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 25.01.2024 № 3-П «По делу о проверке конституционности статьи 208 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, пунктов 1 и 2 статьи 242.1 и пункта 6 статьи 242.2 Бюджетного кодекса Российской Федерации, а также пунктов 1 и 2, абзаца первого пункта 5, абзаца первого пункта 6, абзаца первого пункта 7 части 20 статьи 30 Федерального закона от 8 мая 2010 года № 83-ФЗ „О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений“ в связи с жалобами граждан И.В. Гусевой и С.Н. Тихомирова» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 6. Ст. 898.

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 02.07.2024 № 34-П «По делу о проверке конституционности статей 426, 428 и 438 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Е.А. Гилевской» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 28. Ст. 4088.

налогового вычета на второго и последующих детей, об организации отдыха и оздоровления детей, качество оказания коммунальных услуг, повышение роли начального и среднего профессионального образования⁵.

Разумеется, сколько бы хороших законов ни было принято, конституционализация правового статуса личности не будет осуществляться, если буква и дух Конституции не будут присущи правоприменительной практике, в первую очередь — судебной. Как очень точно отметил академик О.Е. Кутафин: «Фиктивен конституционализм, когда конституция, построенная на его идеях, и действительность расходятся» [5, с. 47];

4) *развитие институтов гражданского общества и общественного контроля как неотъемлемой его части*. Б.С. Эбзеев сетует на то, что «в науке конституционного права вопрос о взаимодействии государства и общества практически не обсуждается» [4, с. 260]. Развитое гражданское общество, определяемое О.Е. Кутафиным как система «независимых от государства общественных институтов и отношений, которые обеспечивают условия для реализации частных интересов и потребностей индивидов и коллективов, для жизнедеятельности социальной, культурной и духовной сфер» [5, с. 95], признается неотъемлемым элементом конституционализма. Сами граждане и их объединения, с одной стороны, реализуют свои права на участие в управлении государственными и общественными делами, с другой — не позволяют государству в лице его структур выйти за пределы своих полномочий, в первую очередь — в отношении прав и свобод человека и гражданина. В 2020 году в статье 114 Конституции, закрепляющей компетенцию Правительства Российской Федерации, появилась норма о том, что Правительство осуществляет меры по поддержке институтов гражданского общества. Но сколь бы высокой ни была такая поддержка, институты гражданского общества формируются и активизируются снизу, самими гражданами. Поэтому успешность процесса конституционализации правового статуса личности не в последней степени зависит от нас самих.

Указанные способы (механизмы, инструменты) конституционализации правового статуса личности могут быть эффективными только во взаимодействии, в условиях солидаризации интересов личности, общества, государства. Солидаризацию интересов по меньшей мере большинства общества Б.С. Эбзеев назвал целью конституционного регулирования. Процессы конституционализации и солидаризации общества очень близки, тесно взаимосвязаны и взаимозависимы, ни один из них невозможен без другого.

Среди факторов, оказывающих влияние на эти процессы, следует отметить такие вызовы XXI века как международное противостояние государств — сторонников моноцентристского миропорядка. Оно имеет целью ослабить Россию и выражается в различных санкциях (в том числе против

⁵ Завершилась седьмая сессия VIII созыва Государственной Думы // Сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://duma.gov.ru/news/60617/> (дата обращения: 19.12.2024).

ни в чем не повинных спортсменов), вмешательстве во внутренние дела государства, поощрении радикальных оппозиционных группировок, так называемой «пятой колонны» внутри страны, иных акциях, направленных против суверенитета России. Слабая Россия с ее богатейшими ресурсами, безусловно, лакомый кусок для транснациональных корпораций и как нельзя лучше отвечает интересам так называемого «коллективного Запада». Противостояние этому фактору видится в сплочении, солидаризации общества перед лицом реальных угроз суверенитету государства, патриотическом правосознании.

Экстремистская деятельность, терроризм, в том числе международный — не менее опасная угроза не только России, но и всему человечеству. Эффективность противодействия зависит от качества правового обеспечения (совершенствование норм об ответственности за соответствующие проявления, запрет иностранного влияния на проведение выборов, исключение возможности участвовать в избирательных кампаниях лицам, внесенным в Перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму и т.п.). Не менее важное значение имеет слаженная работа государственных структур (в первую очередь — силовых) и институтов гражданского общества, то есть та же солидаризация.

Мощное противодействие конституционализму оказывает коррупция — негативное явление, с которым не может в полной мере справиться ни одна страна в мире. Борьба с ней ведется по многим направлениям, но общество не перестают шокировать факты масштабной коррупции крупных чиновников, в том числе присвоение средств, выделенных на проведение СВО, включая (что особенно поражает) те средства, которые предназначались на питание защитников Отечества⁶. Это подрывает веру в саму возможность солидаризации общества и серьезно препятствует конституционализации правового статуса личности по многим направлениям. Должна быть создана система противодействия этому «спруту», не оставляющая никаких шансов для коррупционеров.

Россия, как и многие страны цивилизованного мира столкнулись с демографическими вызовами, состоящими в том, что смертность превышает рождаемость, увеличивается количество бездетных семей и семей с одним ребенком, в результате чего численность населения страны снижается. Преодоление такой опасности для развития государства видится в создании условий для семей с детьми. Конституционализация здесь играет особо важную роль. В России в ходе реформы 2020 года в Конституцию включены новеллы, предусматривающие обязанность государства создавать условия,

⁶ СМИ сообщили подробности аферы с сухпайками для армии // Известия. URL: <https://iz.ru/1739153/2024-08-07/smi-soobshchili-podrobnosti-afery-s-sukhpaikami-dlia-armii> (дата обращения: 12.01.2025); Полковника Пешкова обвинили в хищении пайков для бойцов СВО // Readovka. URL: <https://readovka.news/news/200432> (дата обращения: 12.01.2025).

способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей. Новое положение о детях как важнейшем приоритете государственной политики России оказало существенное влияние на развитие социального законодательства. Принят целый ряд законов и подзаконных актов, направленных на улучшение материального положения семей с детьми. Из года в год увеличивается сумма материнского капитала, вводятся новые пособия на детей, новые льготы многодетным семьям. Принятые Государственной Думой в 2024 году законы вводят такие стимулирующие деторождение меры, как погашение государством части ипотечного кредита семьи при рождении третьего ребенка, увеличение в два раза налогового вычета на второго и последующих детей в семье. Не менее важным является принятие Думой закона о запрете информации, пропагандирующей отказ от деторождения⁷.

Конституционализация правового статуса личности также выражается в положениях новой, принятой в ходе поправки 2020 года редакции пункта «ж» статьи 72 Конституции о предметах совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов, которая теперь включает в себя координацию вопросов здравоохранения, в том числе обеспечение оказания доступной и качественной медицинской помощи, сохранение и укрепление общественного здоровья, создание условий для ведения здорового образа жизни, формирования культуры ответственного отношения граждан к своему здоровью; социальную защиту, включая социальное обеспечение. Кроме того, статья 72 дополнена новым пунктом «ж1»: «защита семьи, материнства, отцовства и детства; защита института брака как союза мужчины и женщины; создание условий для достойного воспитания детей в семье, а также для осуществления совершеннолетними детьми обязанности заботиться о родителях». Разумеется, для кардинального улучшения демографической ситуации необходима концентрация усилий всего общества в создании реальных условий для повышения деторождения, укоренение в сознании людей приверженности традиционным российским духовно-нравственным ценностям и устоям.

К вызовам XXI века обычно причисляют бурное развитие информационных технологий и искусственного интеллекта, значительно опережающее правовое развитие. В связи с этим профессор С.А. Авакьян резонно отмечает: «Поскольку мы простые люди и граждане своего государства, можно констатировать, что в нашем информационном пространстве в осуществлении большинства конституционных прав и свобод мы пользователи и в чем-то рабы электронного мира. Отсюда первая задача конституционного права — как обеспечить служение нам, гражданам, достижений цифрового мира, существующих прав и свобод» [6, с. 23–28].

⁷ Завершилась седьмая сессия VIII созыва Государственной Думы...

Разумеется, такие явления, как цифровизация и возможность управления большими данными дают нам новые возможности для реализации прав и свобод. Цифровые технологии активно используются на выборах, в сфере образования, здравоохранения. Появились новые возможности подачи обращений через портал «Госуслуги». Пожалуй, сложно назвать сферу, свободную от влияния электронных технологий. Но при этом возрастают угрозы, связанные с электронным мошенничеством, нарушением приватности персональных данных, распространением ложной, а зачастую опасной информации в Интернете, воздействием такой информации на детей и подростков. Преодоление этого вызова осложняется тем, что темпы цифрового развития значительно опережают темпы правового совершенствования. Тем не менее следует признать, что современные технологии будут стремительно идти вперед, соответственно, конституционализация цифрового пространства необходима, и ее целью должно стать предотвращение угроз реализации прав и свобод граждан и выработка способов укрепления гарантий правового статуса личности.

Несмотря на обозначенный далеко не полный список проблем, возникающих на пути конституционализации правового статуса личности, данный процесс невозможно остановить или повернуть вспять, но можно упорядочить, стабилизировать, сбалансировать. В современных непростых условиях как никогда необходима концентрация усилий структур публичной власти во взаимодействии с гражданским обществом, активная патриотическая позиция каждого гражданина.

Список литературы

1. Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации: монография. 2-е изд., перераб. и доп., М.: Проспект, 2025.
2. Эбзеев Б.С. Предмет конституционного права: историчность содержания и тенденции развития // Государство и право. 2019. № 7.
3. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М.: НОРМА, 2008.
4. Эбзеев Б.С. Конституционное право России: учебник. М.: Проспект, 2019.
5. Кутафин О.Е. Российский конституционализм. М.: Норма, 2008.
6. Авакьян С.А. Информационное пространство знаний, цифровой мир и конституционное право // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 7.

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОБЯЗАННОСТИ И ДУХ ПАТРИОТИЗМА: ЖИЗНЕННЫЕ И НАУЧНЫЕ ИМПЕРАТИВЫ

***Аннотация.** В статье, посвященной юбилею профессора Б.С. Эбзеева, анализируется вклад ученого в развитие российской конституционной доктрины через обоснование концепции конституционных обязанностей. Показано, что данная концепция, служащая конкретизированным воплощением патриотизма в конституционно-правовой науке, является органичным продолжением личного духовно-нравственного «кодекса» ее автора, выражает не абстрактное теоретизирование, а естественную мудрость. Отмечается важность в реалиях современности раскрытия и развития смыслов и образов этой концепции для формирования конституционной парадигмы суверенной российской государственности.*

***Ключевые слова:** Б.С. Эбзеев, конституция, конституционализм, конституционные обязанности, правовой статус личности.*

CONSTITUTIONAL DUTIES AND THE SPIRIT OF PATRIOTISM: LIFE AND SCIENTIFIC IMPERATIVES

***Abstract.** The article prepared for the anniversary of Professor B.S. Ebzeev analyzes the contribution of the scientist to the development of the Russian constitutional doctrine through the substantiation of the concept of constitutional duties. It is shown that this concept, which serves as a concretized embodiment of patriotism in constitutional legal science, is an organic continuation of the personal spiritual and moral «code» of its author, expresses not abstract theorizing, but natural wisdom. The importance of revealing and developing the meanings and images of this concept for the formation of the constitutional paradigm of sovereign Russian statehood in the realities of modernity is noted.*

***Keywords:** B.S. Ebzeev, constitution, constitutionalism, constitutional duties, legal status of the individual.*

Выдающийся российский ученый-конституционалист современности, профессор Борис Сафарович Эбзеев обладает уникальным опытом как теоретического, так и практического конституционализма. На протяжении 30 лет он принимает самое непосредственное участие в деятельности

КАБЫШЕВ Сергей Владимирович — профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), председатель комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по науке и высшему образованию, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации, г. Москва

разных ветвей государственной власти — судебной и исполнительной, а также содействует обеспечению избирательных прав граждан. Тем более ценны и авторитетны его суждения. Уважение к человеку, широкий кругозор, принципиальность, непоказная любовь к Родине лежат в основе его жизненного кредо. Научная позиция, тем более развернутая доктрина, характеризующая ученого (в особенности, если речь идет о пространстве социогуманитарного знания, где поиск истины сплетается с обретением правды, познание социальной реальности — с обоснованием жизненного смысла), неизбежно, хотя и с разной степенью выраженности несет на себе отпечаток его личных качеств, сложившейся под воздействием воспитания и опыта системы мышления и мировоззрения, определяющей так или иначе ценностный, духовно-нравственный каркас его исследовательской и наставнической деятельности. И это вполне естественно, если вспомнить, например, Иммануила Канта и его внутренний закон, или Антуана де Сент-Экзюпери, полагавшего, что человек замечает в мире лишь то, что уже несет в самом себе.

Вся интеллектуально-творческая работа профессора Б.С. Эбзеева — в ее печатно-исследовательской, изустной, служебно-профессиональной формах — яркое, отчетливое подтверждение и отражение нравственности, пассионарности и честности научной школы Саратовской государственной юридической академии, которая его сформировала. Это и моя альма-матер, в стенах которой я имел удовольствие слушать лекции профессора Эбзеева, и многие из них помню. А ведь прошло почти 40 лет, — настолько его аргументы были убедительны и афористичны.

Проницательность и глубокое понимание жизни позволили Б.С. Эбзееву сформулировать концепцию конституционных обязанностей, отражающую авторское миропонимание и видение самого конституционализма как диалектического единства, взаимообусловленности личного и коллективного, индивидуального и общественного начал, политико-правовой формы и институционального режима осмысленной и ответственной, нормативно упорядоченной (как юридически, так и морально) свободы.

«Не личность или общество», но «и общество, и личность», — постулирует Б.С. Эбзеев, замечая, что «демократический конституционализм как теория и практика правового регулирования преодолевает разрыв между естественным и позитивным правом», которые «органично дополняют друг друга и находятся в единстве в качестве структурных элементов конституции и характеристики ее сущности» [1, с. 25]. При этом «конституция не только ограничивает государство, но и санкционирует его деятельность» [1, с. 37], а в отечественном конституционном строе «государство было и остается главным фактором культуры и прогресса» [1, с. 146]. Этот подход, обусловленный философско-историческим и социокультурным пониманием конституционализма в его связи с личностью, позволяет видеть в позитивном праве и государстве не просто необходимые условия и рамки, в которых реальная свобода может

состояться, но и атрибуты самой правовой свободы, которая обесценивается и выхолащивается в анархическом своеволии и беспредметности. Хотя она как таковая существует не в одной лишь принадлежности к личности, но и как элемент социальности и государственности, предназначенный к ее лучшему устройению. Права и обязанности личности, замечает Эбзеев, не только выступают как «форма ее самовыражения», но и являются «способом поощрения той деятельности, которая отвечает общему благу» [1, с. 298].

Б.С. Эбзеев, посвятивший свою жизнь беззаветному и самозабвенному патриотическому служению, в котором свобода научного творчества предстала и раскрылась неотделимо от просвещения, наставничества и практических исканий общественно-государственного прогресса, путей социально-созидательного развития и благоустройства, проводя эти жизненные принципы в науке, поставил фундаментальный, а на определенном историческом этапе весьма болезненный (если не сказать маргинальный и табуированный) вопрос о социально-государственном значении свободы, которая не только не может быть категориально и сущностно сведена к правам человека, исторически и практически не исчерпывается ими, но и обосновывает, предопределяет его обязанности, а в комплексном морально-юридическом измерении социальной регуляции подразумевает долг как императив общественных отношений.

Исторически преимущественно в странах западного цивилизационного типа зародилось и теоретически оформилось представление о правах человека, возникающих помимо и вне государства и исходящих от него велений, как имеющих всеобщее и безусловное значение первичного системообразующего фактора всей государственно-общественной жизни. В этой парадигме именно права человека, а не что-либо другое (не иные социальные ценности), определяют основания, существо, пределы, организацию и целеполагание как общества, так и государства. Соответственно предполагается, что общество и государство как некие социальные инструменты для реализации прав человека могут наилучшим образом обеспечивать эти права в том их понимании, которое в большей степени соотносится с целями расширения пространства свободы личности.

На заре либеральной эры концепция прав человека, построенная в категориях обособления, независимости, индивидуализации человека, действительно играла определенную позитивную и прогрессивную роль для отстаивания этико-социальных и религиозных начал человеческого достоинства против системы абсолютизма. Однако изначально заложенная в ней идеология главенства личных интересов, во-первых, не отражала общепризнанные представления о взаимоотношениях личности, коллектива, общества и государства, во-вторых, внутри самой западной традиции права культивировала чрезмерный эгоизм, потребительство, социальную атомарность.

В иных, не относящихся к западному цивилизационному типу странах, права человека, признаваемые в качестве действительно одной из важных,

базовых юридических категорий, трактуются с позиции исторически сложившихся в данной социальной среде взаимоотношений человека, коллектива, общества и государства, их отражения в ценностно-мировоззренческих установках, политико-правовых идеалах и государственно-целевых приоритетах.

В России государство сформировалось как органическая политико-правовая и нравственная форма и самостоятельная ценность общества. Оно выступает как властно организованное социокультурное и территориальное единство людей и служит естественно-необходимой формой социальной жизни для осмысленного, плодотворного и достойного существования. Для отечественного правосознания всегда было характерно представление о том, что свобода заключает в себе идею служения и ценна постольку, поскольку позволяет человеку наилучшим образом реализовать свое высокое призвание, исполнить долг перед другими людьми, семьей, государством, народом. Приданные этим архетипическим представлениям извращенно-гипертрофированные тоталитарно-насильственные формы породили страх обезчеловечивания власти и общества, ставящих обязанности человека вровень с его правами, тем более выше прав.

Конституционный перечень обязанностей человека и гражданина оказался небольшим, и внимание к ним со стороны исследователей по конституционному праву было и остается скромным, поверхностным. Между тем, такое положение противоестественно и неконструктивно, ибо доктринальное и конкретно-прикладное пренебрежение к конституционным обязанностям создает реальную угрозу реализации конституционных прав и общественно значимых интересов.

Обязанности человека и гражданина, по мнению Б.С. Эбзеева, обеспечивают (в единстве с правами человека) согласование и сочетание интересов личности и общества, гражданина и государства, формируют тот баланс индивидуального и социального, без которого общество не может существовать [2, с. 209]. Соответствующие обязанности есть выраженные в конституционных нормах и закрепленные в них виды и меры должного поведения личности, заключающие в себе требования к поведению каждого члена общества, выполнение которых необходимо, с одной стороны, для обеспечения прав и свобод других, а с другой — для удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе [3, с. 218].

Ученый убедительно показывает, что в историко-философском, духовно-культурном, социально-практическом плане бытующее у некоторой части политиков и конституционалистов убеждение о неуместности постановки в Конституции проблемы обязанностей подчеркивает, что такой подход несет угрозу рациональной основе взаимодействия людей, организованных в общество и государство, противоречит конституционной реальности, в том числе (и не только) российской. А потому Конституционное совещание 1993 года, по свидетельству Эбзеева как его участника, хотя

и проявило в общем объяснимую в тот период сдержанность в отношении конституционного регулирования обязанностей, все же отвергло тезис об отказе от такого регулирования. Конституция России исходит из того, что нормальное функционирование общества и государства немислимо без подчинения людей определенному порядку, установленному общей волей, то есть законом. В случае необходимости такое подчинение обеспечивается государственным принуждением, что является гарантией учрежденного Конституцией социального порядка, пресечения возможного произвола индивидов или людей, организованных в различные ассоциации.

Действительно, статья 2 Конституции России нередко ошибочно воспринимается с позиции так называемого персонцентризма, тогда как в действительности речь в ней идет не о размежевании с системоцентризмом, а о правовом синтезе личностного и общественного через закрепление высшей ценности человека как биосоциального существа. Права и свободы — принадлежность человека, рассматриваемого в системе общественно-государственных связей, а не основание, на котором должно строиться само понимание гуманизма. При этом уровень признаваемой за человеком ценности (высшего порядка) сам по себе не свидетельствует о превосходстве любых интересов, потребностей человека, как и об отсутствии смысловых ориентиров, определяющих реализацию этой ценности, сами ее основания и пределы. В целом логика конституционного регулирования состоит в создании правовых условий, при которых наиболее полная самореализация личности сопрягается с общим благом и определяет рост уровня развития общества и укрепление суверенной российской государственности, характеризующих, в свою очередь, реальное — экономическое, социальное, политическое и иное — пространство для осуществления и умножения свободы. Определяющим фактором российского правопорядка является не обособление частного и публичного, индивидуального и коллективного начал, а их согласование, взаимодействие, поскольку весь наш исторический опыт убедительно показывает опасность гипертрофии любого из них: если «всякое преувеличение коллективного начала ведет к тоталитарным формам организации общества и отказу от индивидуальности», то «всякая гиперболизация роли индивидуального начала в организации общественной жизни инициирует анархическое своеволие, чреватое разрушением государственности и принятых в обществе норм человеческого общежития» [4, с. 323–324].

Б.С. Эбзеевым предложено целостное, оригинальное рассмотрение сущности и эволюции конституционных обязанностей человека и гражданина в социокультурной традиции России досоветского, советского и постсоветского периодов, обосновано методологически значимое фундаментальное представление о том, что исследуемые в литературе «ограничения», «запреты» и «пределы» должны тесно увязываться с юридическими (конституционными) обязанностями. Впервые им предпринята попытка классификации обязанностей по различным критериям путем деления их на виды. Так, в системе

обязанностей предложено различать обязанности человека и обязанности гражданина; обязанности позитивные и обязанности, выступающие в форме конституционных запретов и обязанностей-ограничений; активные, требующие от субъекта реальных действий, и пассивные, предполагающие только воздержание от определенных действий. Указывается на возможность более подробной классификации обязанностей по их социальной и юридической природе, нормативному содержанию.

Категория конституционных обязанностей характеризует состояние свободы в условиях гражданской и государственно-политической общности, объединенной историей, языком, культурой, этико-религиозными принципами, бытом и является, по существу, юридически определенным, воплощенным и конкретизированным в правовом статусе гражданина патриотизмом.

Особого внимания и осмысления в этом плане заслуживают суждения Б.С. Эбзеева о неоправданно ограничительном понимании нашими конституционалистами круга основных обязанностей, за рамками которого остаются и долг верности гражданина принципам демократии, как они провозглашены Конституцией, и обязанность поддержания гражданского мира и согласия, и обязывающая сила собственности [4, с. 374–375], а также о нередко искаженном, оторванном от Конституции восприятии и толковании конституционно признанных обязанностей. В частности, крайне плодотворной, требующей обстоятельного развертывания в системе законодательного регулирования выступает обоснованная им точка зрения на обязанность по защите Отечества, которая не поглощается несением службы и не только определяет поведение гражданина в связи с угрозами отечественной государственности извне, но и требует противостоять любым внутренним угрозам суверенитету, независимости, территориальной целостности страны, ее конституционному строю, от кого бы они ни исходили [4, с. 391].

Концепция конституционных обязанностей Б.С. Эбзеева представляет собой, пожалуй, нечто большее, чем научную доктрину, это — важный источник правового и общегражданского просвещения и воспитания, реализуемых в неподражаемой манере самим автором. Категории обязанности, долга, необходимости и им подобные в сложившейся у нас на определенном историческом этапе общественной среде, особенно молодежной, воспринимаются с подозрительностью и настороженностью, преодоление (снятие) которых требует не только выверенной системы рациональной аргументации, но и экспрессивности, пассионарности, стиля, доверия к самому носителю концепции. Здесь нельзя не отметить, что профессор Эбзеев особенно в устных выступлениях (но не только в них) сообщает и проповедует концепцию конституционных обязанностей как элемент научной истины и одновременно естественной жизненной мудрости, морального устоя, который можно именовать также справедливостью или правдой. Ему удается (как и в иных тематических случаях) филигранно использовать всё богатство русского языка в изложении и раскрытии непростых проблем,

сопровождая научный диалог тонкой иронией, юмором, человеческой теплотой и доброжелательностью.

В реалиях современности, требующих от российских ученых-конституционалистов (в особенности от них!) формирования и развития научной конституционной парадигмы развития российской государственности как самобытной державы-цивилизации, основанной на приверженности правовому прогрессу и традиционным духовно-нравственным ценностям, концепция конституционных обязанностей Б.С. Эбзеева приобретает системообразующее методологическое значение. В качестве проистекающих из этой концепции базовых положений соответствующей парадигмы можно обозначить, прежде всего, доминантную ценность Родины как политико-цивилизационного единства, понимание свободы с точки зрения наиболее полного осуществления своего потенциала, призвания для общего блага, нераздельность свободы и совести (которая не только упорядочивает, но и дает свободу). Раскрытие, развитие, оживление в российской теоретической, образовательной и практической юриспруденции смыслов и образов концепции конституционных обязанностей, предложенной Б.С. Эбзеевым, является важным условием достижения успеха в деле комплексного стратегического обустройства нашего суверенного правопорядка.

Список литературы

1. Эбзеев Б.С. Конституционное право России. М.: Проспект, 2019. 768 с.
2. Эбзеев Б.С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. М., 2007. 383 с.
3. Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М., 2005. 574 с.
4. Эбзеев Б.С. Философия российского конституционализма: очерки. М.: Проспект, 2023. 496 с.

**Редакция журнала «Гражданин. Выборы. Власть»
и коллектив РЦОИТ при ЦИК России искренне поздравляют
члена Центральной избирательной комиссии
Российской Федерации, доктора юридических наук,
заслуженного юриста и заслуженного деятеля науки,
председателя Редакционной коллегии нашего издания
Б.С. Эбзеева с 75-летием.
Желаем уважаемому Борису Сафаровичу новых творческих
планов и их успешной реализации, счастья, благополучия,
оптимизма на долгие годы!**

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ВНЕСЕНИЯ ИЗМЕНЕНИЙ В КОНСТИТУЦИЮ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРОЦЕДУР НЕПОСРЕДСТВЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ

***Аннотация.** В статье критически анализируются существующие процедуры внесения изменений в статью 65 Конституции Российской Федерации и проблемные аспекты их реализации. Рассматривается вопрос о соотношении данных способов внесения изменений с поправками и пересмотром их места в системе конституционного права. Даются авторские определения понятиям «принятие в Российскую Федерацию нового субъекта» и «образование в составе Российской Федерации нового субъекта». Высказывается мнение о нецелесообразности законодательного закрепления положения о проведении референдума при принятии в Российскую Федерацию нового субъекта. Отмечается ряд недостатков действующего законодательства о федеральных территориях, в частности, отсутствие правовых гарантий учета мнения населения субъекта Российской Федерации, на территории которого образуется федеральная территория.*

***Ключевые слова:** внесение изменений в статью 65 Конституции Российской Федерации, принятие в Российскую Федерацию нового субъекта, образование нового субъекта, изменение правового статуса субъекта Российской Федерации, изменение наименования субъекта Российской Федерации, референдум, федеральная территория.*

ON CERTAIN ASPECTS OF AMENDING ARTICLE OF THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE USAGE OF DIRECT DEMOCRACY PROCEDURES

***Abstract.** In this article the existing procedures of amending Article 65 of the Constitution of the Russian Federation and the problematic aspects thereof are critically examined. The correlation between the aforementioned procedures and the procedures of constitutional amendment and constitutional revision as well as their role and place within the system of constitutional law are reviewed. The author proposes new definitions to «adoption of*

a new subject into the Russian Federation» and «creation of a new subject of the Russian Federation». The author opinionated the lack of viability of establishing the necessity of a referendum as a part of the new subject adoption procedure in russian legislation. The author notes multiple shortcomings of the existing federal territory legislation, including lack of legal guarantees of the residents of the subject on which territory a new federal territory is created opinion being accounted for.

Keywords: *of amending Article 65 of the Constitution of the Russian Federation, adoption of a new subject into the Russian Federation, creation of a new subject of the Russian Federation, change of legal status of the subject of the Russian Federation, renaming of the subject of the Russian Federation, referendum, federal territory.*

Статья 65 является одной из наиболее значимых статей Конституции Российской Федерации (далее — Конституция), которая имеет прямое отношение к внесению изменений в Основной закон страны. Эта статья, «определяющая состав Российской Федерации», равно как и, собственно, сам состав Российской Федерации, вызывают особое внимание специалистов. Не только потому, что и то, и другое претерпели ряд изменений за последние 10 лет, а главным образом значимостью своего содержания.

Например, начиная с присоединения Крыма, образования Федеральной территории «Сириус» и заканчивая присоединением Донецкой, Луганской Народных республик, Запорожской и Херсонской областей, динамично меняющиеся внешние и внутренние условия функционирования и развития российского государства все чаще подталкивают законодателя к изменению состава Российской Федерации как посредством внесения изменений в статью 65 в порядке, предусмотренном статьей 137 Конституции, так и иными способами, а специалистов-конституционалистов — к исследованию происходящих процессов и определению их юридической значимости. Именно поэтому вопросы внесения изменений в статью 65 вызывают интерес отечественных конституционалистов на протяжении более чем тридцати лет. В частности, к данному вопросу обращались С.А. Авакьян, И.Г. Дудко, В.А. Галицков, А.В. Савоськин, П.А. Шушканов, Б.Д. Дамдинов и многие другие.

Данная статья Конституции примечательна по целому ряду причин. *Во-первых*, она имеет собственный особый порядок изменения в отличие от всех прочих положений глав 3–8 Конституции, изменения в которые вносятся в порядке статьи 136 на основании Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ (далее — Закон о поправке). *Во-вторых*, вышеупомянутый порядок внесения изменений в статью 65 предполагает, как минимум, четыре относительно самостоятельных процедуры внесения изменений. *В-третьих*, порядок внесения изменений содержит ряд пробелов, нуждающихся как в предварительном исследовании и юридическом осмыслении, так и в их устранении, поскольку некоторые из них сохранились с момента принятия

Конституции, а другие вызваны к жизни нововведениями в части изменения федеративного устройства.

Опыт отечественного конституционализма показывает, что данный способ внесения изменений в Конституцию является наиболее часто используемым и, как уже было отмечено, особенно актуальным в настоящий момент в связи с принятием новых субъектов в состав России в 2014, 2022 годах, вероятностью принятия новых субъектов в ближайшие годы, объединением существующих субъектов, а также появлением такой формы организации публичной власти, как федеральные территории.

Соответственно, на данном этапе развития отечественного конституционализма существует насущная необходимость в том, чтобы рассмотреть предусмотренные статьей 137 Основного закона процедуры в сравнении и взаимосвязи с иными процедурами внесения изменений в Конституцию России и изменения состава Российской Федерации в контексте практики их применения и с учетом опыта их научного обоснования с тем, чтобы определить степень ее соответствия современным реалиям российского федерализма, процессуальной эффективности и (в случае необходимости) предложить возможные пути усовершенствования.

Как выше было сказано, положения, касающиеся внесения изменений в статью 65, содержатся в статье 137 главы 9 Конституции, то есть в одном ряду со статьями 135 и 136, соответственно регламентирующими процедуры пересмотра и принятия Основного закона и внесения в него поправок.

Можно предположить, что необходимость закрепления процедуры внесения изменений в статью 65 (наравне с пересмотром и поправками) обусловлена способом закрепления субъектового состава Российской Федерации в тексте самой Конституции, избранным конституционным законодателем, поскольку в ином случае внесение подобных изменений должно было бы происходить в соответствии с процедурой принятия поправок.

Особый интерес в данном вопросе представляет позиция Конституционного Суда, сформулированная в Постановлении от 28 ноября 1995 года № 15-П, в котором отмечается, что «Статья 137 Конституции Российской Федерации предусматривает особые случаи внесения изменений в статью 65 Конституции Российской Федерации»¹.

С данной позицией нельзя не согласиться в том числе и в связи с тем, что она органически объясняет место исследуемой процедуры среди способов внесения изменений в Конституцию. Так, в продолжение мнения Суда можно сказать, что положения статьи 137 соотносятся с положениями статьи 136 как общая и специальная нормы и их взаимоотношение происходит в соответствии с общеправовым принципом разрешения коллизий «*lex specialis derogat lex generalis*» («специальный закон отменяет общий закон»).

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 28.11.1995 № 15-П «По делу о толковании части 2 статьи 137 Конституции Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

В то же время специфика избранного отечественным конституционным законодателем подхода проявляется в наличии не одной, а четырех отдельных процедур изменения субъектового состава Российской Федерации: принятие в Федерацию нового субъекта; образование в ее составе нового субъекта; изменение правового статуса субъекта Федерации; изменение его наименования.

Целесообразно начать с последней из вышеперечисленных процедур, как наиболее простой. Согласно части 2 статьи 137 Конституции «в случае изменения наименования республики, края, области, города федерального значения, автономной области, автономного округа новое наименование субъекта Российской Федерации подлежит включению в статью 65 Конституции Российской Федерации»². Здесь закономерен вопрос о том, кем и как вышеупомянутые изменения должны вноситься.

Если исходить из буквального толкования положений части 2 статьи 65 и части 5 статьи 66 Основного закона, то в случае принятия субъекта в Российскую Федерацию, образования нового субъекта Российской Федерации или изменения его статуса, принятие федерального конституционного закона необходимо. Следовательно, изменение наименования субъекта Российской Федерации не требует принятия федерального конституционного закона. По положению статей 71–73 изменение наименования относится к компетенции субъектов Российской Федерации. Более того, часть 2 статьи 137 говорит, что изменение наименования субъекта не требует никаких иных процедур, кроме непосредственного включения соответствующих изменений в статью 65.

При этом очевидно, что обязанность по внесению соответствующих изменений — продолжение полномочий по подписанию и обнародованию законов, традиционно возлагаемых на главу государства. Следовательно, единственным возможным способом юридического оформления изменения наименования субъекта Российской Федерации является внесение изменений в статью 65 на основании указа Президента Российской Федерации. Истинность данного вывода подтверждается Постановлением Конституционного Суда от 28 ноября 1995 года № 15-П, гласящим, что «новое наименование субъекта Российской Федерации включается в статью 65 Конституции Российской Федерации указом Президента Российской Федерации о приведении наименования субъекта Российской Федерации в текст Конституции Российской Федерации в соответствии с решением субъекта Российской Федерации»³.

Возвращаясь к процедуре, предусмотренной частью 1 статьи 137, необходимо еще раз отметить, что конституционный законодатель фактически ведет речь не об одной, а о трех процедурах: принятие в Российскую Федерацию нового субъекта, образование в составе Российской Федерации нового

² Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 28.11.1995 № 15-П «По делу о толковании части 2 статьи 137 Конституции Российской Федерации» ...

субъекта, изменение статуса субъекта Российской Федерации, каждая из которых завершается принятием федерального конституционного закона.

Более детальную регламентацию первые два из вышеупомянутых способов получают в рамках Федерального конституционного закона от 17 декабря 2001 года № 6-ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации».

Так, согласно статье 1 под принятием в Российскую Федерацию нового субъекта понимается «процедура, предусматривающая изменение состава субъектов Российской Федерации в результате присоединения к Российской Федерации иностранного государства или его части», а под образованием в составе Российской Федерации нового субъекта — «процедура, предусматривающая изменение состава субъектов Российской Федерации в соответствии с настоящим Федеральным конституционным законом и не связанная с принятием в Российскую Федерацию иностранного государства или его части»⁴.

Таким образом, понятие «образования в составе Российской Федерации нового субъекта» формулируется законодателем «от противного», что не дает целостного представления о содержании и сущности процедуры. В частности, С.М. Гороховатский предлагает авторскую классификацию, в рамках которой относит вышеописанные способы изменения субъектового состава Российской Федерации к «количественным», отмечая, что «последний вид (образование в составе Российской Федерации нового субъекта — *прим. авт.*) делится на подвиды: объединение, разделение и реструктуризация субъектов Федерации» [1].

Считаем необходимым выразить несогласие с данной позицией в том, где она противоречит части 1 статьи 5 Федерального конституционного закона от 17 декабря 2001 года № 6-ФКЗ: «Образование в составе Российской Федерации нового субъекта может быть осуществлено в результате объединения двух и более граничащих между собой субъектов Российской Федерации».

Однако нужно учесть, что данный закон был принят аккурат к началу «укрупнения» субъектов Российской Федерации: объединения Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа в Пермский край, объединения Красноярского края и входящих в его состав автономных округов и других. При этом, как следует из стенограмм заседаний Государственной Думы по вопросу о принятии данного акта, «в процессе работы было абсолютно единодушное мнение всех фракций, а также представителя Президента относительно того, что возможность образования нового субъекта в составе Российской Федерации в результате дробления действующего субъекта необходимо исключить» [2].

⁴ Федеральный конституционный закон от 17.12.2001 № 6-ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» // Российская газета. № 247. 20.12.2001.

В.А. Жидких отмечает: «Это законодательное решение окончательно прекратило процесс центробежных тенденций, позволило „поставить точку“ в дискуссиях о суверенизации и отделении некоторых регионов. Был остановлен процесс разъединения ряда субъектов Федерации по национальному признаку» [3, с. 23–29]. Таким образом, закрепление объединения в качестве единственного способа преобразования субъектов Российской Федерации было обусловлено как среднесрочными целями «укрупнения», так и более глобальным политическим курсом на централизацию, сплочение, консолидацию. Соответственно, допустить возможность «дробления» субъектов — значит «выпустить джинна из бутылки» и принципиально принимать вероятность постановки крайне нежелательного вопроса о дальнейшем «переделе» субъектов (территории Российской Федерации) по национально-этническим и иным признакам.

С учетом вышеприведенных положений Федерального конституционного закона предложенных С.М. Гороховатским количественный критерий классификации применительно к законодательно закрепленным способам изменения субъектового состава Российской Федерации можно изложить следующим образом: «Присоединение субъекта Российской Федерации — изменение субъектового состава Российской Федерации, при котором происходит одновременное увеличение территории Российской Федерации и количества субъектов Российской Федерации; образование субъекта Российской Федерации — изменение субъектового состава Российской Федерации, при котором не происходит изменение территории Российской Федерации и происходит изменение (уменьшение) количества субъектов Российской Федерации».

Общим для обеих процедур является то, что субъектом инициативы является не Российская Федерация в лице федеральных органов государственной власти, а сами субъекты Федерации или иностранные государства.

В то же время международно-правовая специфика процедуры присоединения субъекта к Российской Федерации требует заключения международного договора. Отличительной чертой процедуры образования субъекта Российской Федерации является необходимость проведения референдума в заинтересованных субъектах. В связи с этим рядом авторов поднимается вопрос о необходимости проведения референдума при присоединении такого субъекта к Российской Федерации.

Как отмечают А.В. Савоськин и В.А. Галицков, «отсутствие требований об обязательности проведения референдума может объясняться тем, что Россия не вправе регулировать правила проведения референдума за пределами своей территории (то есть на присоединяемых территориях). Однако, по нашему мнению, Россия вправе устанавливать условия, на которых она готова принимать в свой состав новые территории. И одним из таких условий как раз и может быть проведение референдума» [4, с. 96–99].

На наш взгляд, можно согласиться с первым утверждением и не согласиться со вторым. Во-первых, исходя из международно-правового принципа суверенного равенства сторон, «*Par in parem non habet imperium*» («равный над равными власти не имеет»). Во-вторых, присоединение иностранного государства или его части требует не только волеизъявления с его стороны, но и взаимности со стороны Российской Федерации.

Следовательно, вопрос о присоединении в любом случае будет рассматриваться *ad hoc*, и в случае решения о присоединении в любом случае будет заключен международный договор, содержание которого определяется сторонами. Более того, практика присоединения «частично признанных государств, образовавшихся на бывших территориях Украины», а также референдумы в Приднестровской Молдавской Республике (о присоединении к России) свидетельствуют о наличии устоявшейся практики проведения референдума в инициативном порядке, но никак не о необходимости проведения референдума в качестве обязательного требования.

Таким образом, как и в случае с процедурой принятия поправок, при изменении субъектового состава имеет место модификация или «осложнение» процедуры принятия федерального конституционного закона, используемой в качестве основы. Причем и в том, и в другом случае в принятии решений (как в качестве инициатора процедуры, так и в качестве субъекта принятия решения) задействуются субъекты Российской Федерации {в лице законодательных (представительных) органов государственной власти, высших должностных лиц и непосредственно населения субъекта}.

Процедура изменения субъектового состава представляется более простой (поскольку задействует не все субъекты, а лишь непосредственно заинтересованные) и, как показывает практика, может быть реализована в более короткие сроки, что в наибольшей степени отвечает интересам субъектов Российской Федерации, притом как нынешних, так и будущих.

Однако, как мы отметили выше, помимо двух вышеназванных вариантов внесения изменений в статью 65 Конституции — «принятия» и «образования», часть 1 статьи 137 Конституции упоминает и третий — «изменение конституционно-правового статуса субъекта Российской Федерации». По классификации С.В. Гороховатского данный способ изменения субъектового состава, наряду с «выходом из сложносоставной конструкции», относится к «качественным» способам преобразования субъектов — в противовес ранее упомянутым количественным [1].

В целом соглашаясь с данной классификацией, вынуждены отметить, что вопрос об отнесении изменения статуса субъекта Российской Федерации к «способам изменения субъектового состава» или «способам преобразования субъектов» должен рассматриваться в контексте позиции, изложенной в Постановлении Конституционного Суда от 14 июля 1997 года № 12-П: «Вхождение автономного округа в состав края, области и по смыслу части 4 статьи 66 Конституции Российской Федерации означает такое

конституционно-правовое состояние, при котором автономный округ, будучи равноправным субъектом Российской Федерации, одновременно составляет часть другого субъекта Российской Федерации — края или области; вхождение автономного округа в состав края, области не изменяет их конституционно-правовой природы как субъектов Российской Федерации; изменение статуса как края, области, так и автономного округа может быть осуществлено только в порядке, предусмотренном статьей 66 (часть 5) Конституции Российской Федерации; равноправие и самостоятельность автономного округа в отношении своей территории и объема полномочий обеспечиваются, наряду с другими конституционными гарантиями, тем, что для изменения его статуса в соответствии со статьей 66 (часть 5) Конституции Российской Федерации не требуется согласия или предварительного разрешения края, области»⁵.

На наш взгляд, несмотря на то, что ситуация «сложносоставного субъекта Российской Федерации» порождает ряд специфических взаимных прав и обязанностей между краем (областью) и автономным округом, но не изменяет их статуса в отношениях с Российской Федерацией, сохраняется правовая неопределенность в части взаимосвязи и взаимообусловленности изменения правового статуса субъекта и его выхода из сложносоставной конструкции. В частности, остается открытым вопрос о том, может ли изменение правового статуса субъекта повлечь его выход из сложносоставной конструкции (например, в связи с утратой статуса автономного округа).

«Проблема изменения статуса сопряжена с разрешением принципиального вопроса о принятии федерального конституционного закона о порядке изменения конституционно-правового статуса субъекта Российской Федерации, который бы выступал базовым актом, регулирующим все возможные процедуры изменения статуса», — говорит И.Г. Дудко [5].

Считаем невозможным не согласиться с данной позицией, в особенности с учетом того, что обязанность принятия федерального конституционного закона по данному вопросу прямо закреплена в части 5 статьи 66 Конституции. По нашему мнению, нужно уделить внимание относительно новому способу изменения состава Российской Федерации, не предусмотренному статьей 137 и не предполагающему на данный момент внесения изменений в статью 65, но тесно связанного с рассматриваемой проблемой. Речь идет о части 1 статьи 67, дополненной в соответствии с Законом о поправке следующей формулировкой: «На территории Российской Федерации в соответствии с федеральным законом могут быть созданы федеральные территории. Организация публичной власти на федеральных территориях устанавливается указанным федеральным законом»⁶.

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.1997 № 12-П «По делу о толковании содержащегося в части 4 статьи 66 Конституции Российской Федерации положения о вхождении автономного округа в состав края, области» // СЗ РФ. 1997. № 29. Ст. 3581.

⁶ Конституция Российской Федерации ...

Ряд авторов, в частности, И.В. Зернов, отмечает терминологическое несовершенство нововведения — неудачность самого термина «федеральная территория», его чрезмерное сходство с термином «территория Российской Федерации», вносящее путаницу [6].

В действительности формулировка «на территории Российской Федерации в соответствии с федеральным законом могут быть созданы федеральные территории» тавтологична. Более характерным для российской практики административно-территориальной организации является термин «округ» (например: федеральные округа, военные округа, судебные округа и др.). Такой подход применяется и в зарубежной практике: федеральный округ Колумбия (США), или национальный столичный округ Дели (Индия).

На данный момент единственной федеральной территорией является Федеральная территория «Сириус», определяемая одноименным Федеральным законом от 22 декабря 2020 года № 437-ФЗ как «имеющее общегосударственное стратегическое значение публично-правовое образование, в котором в соответствии с настоящим Федеральным законом ... устанавливаются особенности организации публичной власти и осуществления экономической и иной деятельности».

Не вдаваясь в подробности, отметим, что правовой статус федерального округа «Сириус» остается предметом острых дискуссий. Здесь фактически имело место создание на территории Краснодарского края публичного образования, имеющего признаки субъекта Российской Федерации или даже напоминающего конструкцию субъекта в составе сложносоставного субъекта [7, с. 119–123], но таковым не являющегося. Это было сделано на основании федерального закона.

В части, где создание федеральных территорий затрагивает интересы субъектов Российской Федерации (осуществляется на территории субъекта и влечет передачу его полномочий, отчуждение его территории или иное существенное перманентное изменение правового режима территории субъекта Федерации, обусловленное созданием нового публичного образования), необходимо использовать процедуру, учитывающую интересы субъекта, аналогичную процедуре образования субъекта Российской Федерации, то есть предполагающую проведение референдума или иной способ учета мнения субъекта и его населения. Соответственно, необходимо принятие нормативного правового акта, определяющего основы правового статуса, виды и порядок образования новых федеральных территорий.

* * *

Подводя итог, скажем, что необходимо еще раз вернуться к позиции Конституционного Суда, сформулированной в Постановлении от 28 ноября 1995 года № 15-П: «Статья 137 Конституции Российской Федерации предусматривает особые случаи внесения изменений в статью 65 Конституции Российской Федерации».

Действительно, имеет место не единая процедура внесения изменений в статью 65, а совокупность отдельных случаев и отличающихся между собой способов преобразования субъектов Российской Федерации и изменения субъектового состава — своего рода совокупность «исключений» из процедуры принятия поправок как «правила» — основного способа внесения изменений в Конституцию.

Данные способы неоднородны и в своем правовом регулировании. Так, если присоединение и образование новых субъектов Российской Федерации получили подробную регламентацию на уровне Федерального конституционного закона, то порядок изменения наименования субъекта и его правового статуса так и не получили должной регламентации за пределами Конституции и актов Конституционного Суда. К тому же за рамками статьи 65, но в неразрывной связи с ней и составом Российской Федерации в целом «в подвешенном состоянии» остаются вопросы взаимодействия субъектов по поводу сложносоставных конструкций, а также вопросы образования и функционирования федеральных территорий.

Таким образом, положения статьи 137 Конституции и иные способы изменения состава Российской Федерации на данный момент не образуют единого конституционно-правового института. Неоднородность правового регулирования, отсутствие единой для всех способов изменения системы понятий и принципов свидетельствуют о том, что несмотря на формальное обособление порядка внесения изменения в статью 65 Конституции от поправок и пересмотра, внутренняя взаимосвязь между отдельными нормами, регулирующими вопросы изменения субъектового состава Российской Федерации, характеризующая правовой институт, все еще находится на стадии формирования. Соответственно, необходимым шагом по усовершенствованию правового регулирования данной сферы является разработка и принятие единого нормативного правового акта, объединяющего все процедуры изменения состава Российской Федерации, закрепляющего как общие для всех процедур положения (цели, задачи, принципы и др.), так и сами процедуры в отдельности с тем, чтобы обеспечить должное законодательное регулирование и непосредственно регламентируемых конституцией, и иных способов изменения состава Российской Федерации, и тем самым обеспечить возможность его последовательного и эффективного преобразования по мере необходимости с учетом изменчивых внешних условий и интересов как Российской Федерации в целом, так и ее субъектов.

Список литературы

1. Гороховатский С.М. Преобразование субъектного состава Российской Федерации: основные тенденции и роль в развитии современных федеративных отношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2017. 33 с.
2. Стенограмма заседания Государственной Думы Российской Федерации № 302 от 30 ноября 1999 г. // Система обеспечения законодательной деятельности

- Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» (СОЗД ГАС «Законотворчество»). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/97802110-2> (дата обращения: 23.05.2024).
3. Жидких В.А. Объединение регионов в контексте федеральной реформы // Обозреватель. 2009. № 4(231).
 4. Савоськин А.В., Галицков В.А. Размышления о конституционно-правовой процедуре принятия новых субъектов в состав Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2022. № 11(215).
 5. Дудко И.Г. Проблемы изменения конституционно-правового статуса субъекта Российской Федерации // Правовая политика и правовая жизнь. 2011. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-izmeneniya-konstitutsionno-pravovogo-statusa-subekta-rossiyskoj-federatsii> (дата обращения: 23.05.2024).
 6. Зернов И.В. Конституционные особенности статуса федеральной территории: вопросы теории и практики. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnyeosobennosti-statusa-federalnoy-territorii-voprosy-teorii-i-praktiki> (дата обращения: 21.06.2024).
 7. Морозова А.С. Об особенностях конституционно-правового статуса федеральной территории: обзор правовых позиций и юридической практики // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 1.

ОБЯЗАННОСТИ КАК ИММАНЕНТНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА СУБЪЕКТА ПРАВА

***Аннотация.** Статья посвящена онтологическому анализу юридической обязанности как фундаментальной категории общей теории права и ключевого элемента правового статуса субъекта права, а также подходам различных юридических школ к сущности юридической обязанности. Автором выявлены структурные особенности юридической обязанности, содержательная специфика которой включает в себя определенные императивные требования к поведению субъекта права. В рамках работы осуществлен обзор подходов к классификации юридических обязанностей. Приведены примеры классификации юридических обязанностей различными школами теории права.*

***Ключевые слова:** юридическая обязанность, правовой статус, структура юридической обязанности, классификация юридических обязанностей, мера должного поведения, правовые обременения, юридические обязанности человека, юридические обязанности гражданина, активные юридические обязанности, пассивные юридические обязанности.*

RESPONSIBILITIES AS AN IMMANENT COMPONENT OF THE LEGAL STATUS OF A SUBJECT OF LAW

***Abstract.** The article is devoted to the ontological analysis of legal obligation as a fundamental category of the general theory of law and a key element of the legal status of the subject of law and the approaches of various legal schools to the essence of legal obligation. The author reveals the structural features of the legal obligation, the substantive specificity of which includes certain imperative requirements for the behavior of the subject of law. As part of the work, a review of approaches to the classification of legal obligations is carried out. Examples of classification of legal obligations by various schools of legal theory are given.*

***Keywords:** legal obligation, legal status, structure of legal obligation, classification of legal obligations, measure of proper behavior, legal encumbrances, legal responsibilities of a person, legal responsibilities of a citizen, active legal responsibilities, passive legal responsibilities.*

Юридические обязанности представляют собой одну из фундаментальных категорий общей теории права и имманентную составляющую правового статуса субъекта права — физического лица (личности, гражданина, апатрида,

бипатрида и т.п.), а также других видов субъектов, например, юридического лица как участника гражданско-правовой сделки, обладающего соответствующими взаимно корреспондирующими правами и обязанностями. Важно подчеркнуть, что до сих пор проблеме юридических обязанностей в правовой науке уделяется недостаточное внимание. Все еще недооценивается социальная природа и назначение юридических обязанностей в обществе и государстве, прежде всего в согласовании разнообразных интересов, их связь со свободой общества и личности, стабильностью и развитием общественных отношений [1, с. 116].

На юридическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова обязанность определяется, в том числе как «предусмотренная законом необходимость должного поведения одного лица — субъекта правоотношения в интересах другого, правомочного лица» [4, с. 589].

Коммуникативная школа права в своих частных дефинициях правовой (юридической) обязанности близка к данной позиции, — в ней она рассматривается как «правовая мера должного поведения участников правоотношения» [5, с. 391].

В частности, представители саратовской юридической школы определяют юридическую обязанность как установленную законом меру должного, общественно необходимого поведения, а также вид (линия) этого поведения [2, с. 306], или — как установленную законом точную меру наиболее разумного и целесообразного поведения, направленного на удовлетворение интересов общества и личности [3, с. 9].

Б.С. Эбзеев определяет юридические обязанности как «социально детерминированные необходимости и долженствования, которые трансформируются в обязанности гражданина и гарантируются возможностью государственного принуждения» [6, с. 159–160].

Изучение и анализ сущности юридической обязанности невозможен без выявления содержательной специфики. По мнению Н.И. Матузова, структура юридической обязанности включает в себя четыре компонента:

- 1) необходимость совершить определенные действия либо воздержаться от них;
- 2) необходимость для правообязанного лица отреагировать на обращенные к нему законные требования управомоченного;
- 3) необходимость нести ответственность за неисполнение этих требований;
- 4) необходимость не препятствовать контрагенту пользоваться тем благом, в отношении которого он имеет право [7, с. 527].

В аналогичном ключе формируют позицию представители Санкт-Петербургской научной школы теории права, по мнению которых «структура правовой обязанности соответствует структуре субъективного права. Она включает в себя: обязанность не совершать определенных действий, нарушающих права управомоченного (обязанность бездействовать, пассивная

обязанность); обязанность совершить определенные действия в интересах управомоченного (обязанность действовать, активная обязанность); обязанность при определенных обстоятельствах понести личные и имущественные лишения (юридическая ответственность) в случаях неисполнения своей обязанности» [5, с. 391].

Т.А. Солодовниченко в структуре юридической обязанности выделяет два вида правовых обременений: в виде выполнения в пользу управомоченного лица предписанных обязанному субъекту действий и в виде воздержания от совершения действий, которые могут воспрепятствовать управомоченному субъекту действовать самостоятельно [8, с. 20].

* * *

Отдельного внимания заслуживает вопрос классификации юридических обязанностей. Классификация как логическая операция является важнейшим познавательным инструментом при изучении правовых понятий и категорий, поскольку право представляет собой сложную систему, состоящую из многочисленных компонентов.

С.С. Алексеев указывает, что «юридические обязанности имеют неодинаковое содержание и в соответствии с этим выполняют различные функции в правоотношениях» [9, с. 312]. Поэтому им предлагается следующая классификация юридических обязанностей:

юридические обязанности, играющие «оградительную» роль: речь идет о правоотношениях так называемого пассивного типа (например, в правоотношениях собственности), в которых на субъектов права возлагается обязанность воздерживаться от конкретных действий;

юридические обязанности в правоотношениях активного типа (например, в трудовых правоотношениях, в гражданско-правовых обязательствах и др.), в рамках которых субъект правоотношения совершает определенные, предписанные ему положительные действия;

юридические обязанности в охранительных правоотношениях — необходимость правонарушителя претерпеть применяемые к нему меры государственно-принудительного воздействия (санкции), что дает непосредственный юридический эффект, который в данной области отношений соответствует интересам общества и государства [9, с. 312].

Одной из ключевых оснований классификации юридических обязанностей, на наш взгляд, выступает отраслевая классификация, то есть выделение в структуре права их видов — конституционные обязанности, обязанности в уголовном праве, административно-правовые обязанности, гражданско-правовые обязанности (обязанности сторон гражданской сделки, договора).

Еще одним подобным видом можно назвать юридические обязанности человека и гражданина. Если в отношении гражданина они вытекают из конституции государства (конституционные обязанности),

то общегуманитарные обязанности человека — это продолжение естественного права, которое закрепляется на международно-правовом уровне.

В соответствии с частью 1 статьи 29 Всеобщей декларации прав человека каждый индивид имеет обязанности перед обществом, в котором только и возможно свободное и полное развитие его личности. Преамбула Международного пакта о гражданских и политических правах фиксирует, что каждый отдельный человек имеет обязанности в отношении других людей и того коллектива, к которому принадлежит.

* * *

Правовые обязанности могут быть как активными (обязанность вернуть долг, воспитывать детей в семье и т.д.), так и пассивными (не совершать каких-либо конкретных действий, не мешать другому осуществлять свои права и т.п.) [5, с. 391]. Возможны и другие основания классификации юридических обязанностей.

Применительно к юридическим обязанностям государства как публично-правового субъекта А.Н. Диценко предлагает следующую классификацию:

- по характеру содержания предписания могут быть формальными и формально-оценочными (эмоциональными);
- по степени обеспеченности в случае невыполнения могут подразделяться на обеспеченные санкцией юридической нормы и не обеспеченные санкцией;
- по виду правоотношения следует выделять обязанности, реализующиеся в общих правоотношениях, то есть общие, абсолютные, непосредственно-социальные, и обязанности, реализуемые в конкретных правоотношениях (относительные);
- в зависимости от носителей следует выделять суверенные обязанности государства, когда оно действует как суверен, совершает акт властвования, и обязанности государства как субъекта ответственности перед гражданином, как участником гражданско-правового оборота [10, с. 26];
- по степени определенности заложенного в обязанности предписания — конкретно-определенные и неопределенные (латентные, скрытые).

* * *

При анализе юридических обязанностей обычно актуализируется вопрос анализа субъективных прав, поскольку «обязанность тесно связана с субъективным правом; это парные, взаимозависимые понятия» [2, с. 306].

А.Б. Венгеров отмечает, что «субъективное право — это мера возможного поведения, а юридическая обязанность — это мера должного поведения. А правоотношение в целом — это юридическая форма реализации нормы права» [11, с. 456].

Н.И. Матузов также считает неразрывным единство прав и обязанностей, поскольку «функциональное назначение юридических

обязанностей — корреспондировать субъективным правам, выполнять свою часть работы в общем механизме правового регулирования, направлять деятельность индивидов в нужное русло; а социальное — формировать должное правосознание и правовую культуру граждан, служить дисциплинирующим фактором, упрочивать законность и правопорядок в обществе» [2, с. 307].

В то же время ряд исследователей критикуют так называемый «узкоцивилистический» подход. В частности, С.Ф. Кечекьян, исходя из анализа конституционных, уголовных и административно-правовых обязанностей, указывает на свое несогласие с позицией, что «всякая обязанность существует ради чьего-либо права» [12, с. 63].

* * *

На основе проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

Проблематике юридических обязанностей в отечественной юриспруденции до сих пор не уделяется достаточного внимания. Несмотря на наличие определенного количества исследований в прошлом, социальные трансформации общества требуют переосмысления традиционных подходов к сущности юридической обязанности.

Можно выделить так называемые узкий и широкий подходы к сущности юридической обязанности. В рамках узкого подхода юридическая обязанность всегда связана с субъективным правом. Например, в договоре купли-продажи права и обязанности покупателя и продавца являются взаимно корреспондирующими, то есть обусловленными; в то время как широкий подход предлагает не ограничиваться только анализом конкретных обязанностей в рамках правоотношения.

Вопросы места и роли юридической обязанности в структуре правоотношения, выделение ее различных видов и другие должны базироваться на современных подходах к изменяющейся законодательной и правоприменительной практике, цифровизации, конституционных реформах и так далее. Только соблюдение всех перечисленных условий обеспечит релевантность научных исследований юридической обязанности как фундаментальной категории теории права.

Список литературы

1. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности / Н.В. Витрук; Российская академия правосудия. М.: ИНФРА-М: НОРМА, 2018.
2. Матузов Н.И. Юридические обязанности личности // Теория государства и права: Курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристь, 2001.
3. Хохлова Е.М. Субъективное право и юридическая обязанность в механизме правового регулирования.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008.

4. Марченко М.Н. Теория государства и права: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2017.
5. Поляков А.В., Тимошина Е.В. Общая теория права. СПб.: Издательство юридического факультета С.-Петербур. гос. ун-та, 2005.
6. Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2017.
7. Матузов Н.И. Субъективное право и юридическая обязанность как содержание правоотношения // Теория государства и права: Курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2001.
8. Солодовниченко Т.А. Элементы субъективного юридического права и юридической обязанности // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2015. № 1.
9. Алексеев С.С. Собрание сочинений. В 10 т. Том 3: Проблемы теории права: Курс лекций. М.: Статут, 2010.
10. Диценко А.Н. Классификация юридических обязанностей государства // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД. 2011. № 2. С. 26.
11. Венгеров А.Б. Теория государства и права: Учебник. 2-е изд. М.: Омега-Л, 2005.
12. Кечекьян С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. Изд-во АН СССР, 1958.

А.А. КАДАЕВ

КОНСТИТУЦИОННАЯ РЕФОРМА В РОССИИ: ОБ ИСТОРИИ ПОНЯТИЯ И ЯВЛЕНИЯ

***Аннотация.** В статье рассматривается становление доктрины конституционных реформ в советской и постперестроечной российской науке конституционного права. С опорой на научные труды автор указывает на важнейшие аспекты трансформации политико-правовой мысли в исследовании реформирования конституции.*

***Ключевые слова:** конституция, развитие конституции, конституционная реформа, история реформирования конституции, доктрина конституционных реформ.*

CONSTITUTIONAL REFORM IN RUSSIA: ABOUT THE HISTORY OF THE CONCEPT AND PHENOMENA

***Abstract.** The article examines the formation of the doctrine of constitutional reforms in the Soviet and post-perestroika Russian science of constitutional law. Based on scientific works the author points out the key aspects of the transformation of political and legal thought in the study of constitutional reform.*

***Keywords:** constitution, development of the constitution, constitutional reform, history of constitutional reform, doctrine of constitutional reforms.*

Идея конституции зародилась в России задолго до советского периода, однако, ее претворение в жизнь в полной мере стало возможно лишь с приходом к власти большевиков в 1917 году. На наш взгляд, ошибочно полагать, что в полной мере конституцией являлись основные законы Российской империи, поэтому в настоящей статье отсчет становления науки о конституционных реформах в России начинается именно с 1917–1918 годов — с принятия предвосхитивших возникновение конституции декретов «О земле», «О мире», «Об уничтожении сословий и гражданских чинов», Декларации прав народов России, а также, собственно, с начала подготовки к принятию и принятия первой Конституции РСФСР.

Практически единственной научной работой, посвященной конституционной реформе 1918 года и претворению в жизнь первой российской Конституции, изданной в период ее действия, выступает «История Советской Конституции» Г.С. Гурвича. Автор сам задал рамки своего

КАДАЕВ Александр Александрович — аспирант, ассистент кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва

исследования: «дать обзор работ по написанию Конституции, проследить возникновение документа как такового, документа, который нисколько не тщился что-то воздвигать и создавать, а только запечатлевал моменты массового революционного строительства». Гурвич отмечал недостаток информации, исчезновение документов, в частности, стенограммы третьего и четвертого заседания Конституционной комиссии, которые могли бы пролить свет на те или иные моменты возникновения советской конституции. По этой причине он считал необходимым воспользоваться проверяемыми устными источниками и свидетельствами очевидцев [1, главы VI–VII].

В своем исследовании Гурвич рассматривает конституционную реформу в ярко идеологическом ключе («сопоставление роспуска Учредительного Собрания с созывом 3 Съезда было полно глубокого значения: в то время как это собрание по существу явилось бы не учредительным, а упразднительным, ибо задавалось целью упразднить все завоевания октябрьской революции, третий Съезд призван стать подлинным Учредительным Собранием восставшего пролетариата» [1, с. 1]; «раньше буржуазные конституции провозглашали власть народа, теперь власть народа провозглашала конституцию» [1, с. 4]). Автор обращает внимание на совершенно своеобразный подход к работе по созданию конституции, которая не должна повторять буржуазные образцы, а призвана быть общей и обязательной схемой строительства власти на местах.

Несмотря на идеологизированность научной работы в целом, в ней отмечаются и правовые проблемы конституционной реформы. Характеризуя конституционный проект Отдела Наркомата юстиции, Гурвич высказывался и о том, что «вторая глава в разделе первом говорит о Всероссийском Съезде Советов, но мало и весьма неполно. Не означены ни порядок выборов, ни компетенция» [1, с. 10]; задавался вопросом, что делать местным советам с центральной властью, если они нарушают конституцию; ставил проблему отсутствия органа конституционного контроля и так далее [1, с. 87–88].

Отдельную, весьма разгромную критику Г.С. Гурвича вызвал конституционный проект одного из сотрудников Отдела Наркомата юстиции, теоретическим обоснованием которого выступали «синдикалистские теории союзного государства и именно в том виде, какой эти теории приобрели у Леона Дюги („Индивидуальное право. Социальное право. Преобразование государства“) и Максима Леруа („Эволюция государственной власти“). Он указывал на то, что практическая часть данного проекта скопирована с «буржуазных образцов», в частности со швейцарского, «бесследно вычеркнув из определенно сложившейся к тому времени обстановки все революционно жизненные достижения пролетариата, совершенно игнорируя руководящую роль и значение рабочего класса». Гурвич применял к проекту такие эпитеты как «фантастический», «ребяческий», «граничащий с глупостью», «курьезный» и так далее [1, с. 11–12.]. Подобного рода характеристики в отношении проекта основного закона, как, впрочем, и критику в целом, сложно назвать правовыми.

Схожее негодование у Гурвича вызывал и «бюрократическо-канцелярский» проект конституции А. Шрейдера, в том числе его пункты, во многом воспроизводящие «Положение о губернских и уездных земских учреждениях», точно детализирующие порядок выборов и устанавливающие самостоятельность местных органов власти. Он указывал на то, что Шрейдер пытается «контрабандой протащить эти возлюбленные земские учреждения». Его выводом стал не юридический анализ достоинств и недостатков проекта, а контрреволюционная сущность левых эсеров: «против непрощенных прожектёров и их контрреволюционных проектов существует лишь одно действительное средство — Бутырки» [1, с. 12–14].

Таким образом, в 1920-е годы, даже несмотря на еще довольно лояльные к свободе науки времена, советская юридическая мысль о конституционных реформах основывалась фактически не на научных методах, привычных правовым воззрениям, а на идеологии и лозунговом подходе к осмыслению различных проектов конституции.

В свою очередь известный советский правовед С.Л. Ронин критиковал Г.С. Гурвича, оценивая его работу «как произведение, скорее, мемуарного, чем научно-исследовательского порядка» [2, с. 3]. При этом сам он не был лишен аналогичного подхода, — Ронин называл источником конституционных реформ «революционное творчество народных масс» [2, с. 21].

* * *

К фундаментальным научным трудам, посвященным вопросам реформирования конституции, следует отнести диссертационное исследование С.П. Котового (1959 г.), в котором подробно рассмотрена проблематика реформирования Конституции СССР с 1936 по 1959 годы. Автор отмечает важность особого порядка внесения изменений в Основной закон [3, с. 14], при этом говоря о необходимости изменений, которые «диктуются потребностями развития советского общественного и государственного строя», а также изменениями международной обстановки [4, с. 37].

Котовой предлагает собственные идеи в дополнение к Конституции в качестве ответа на предложение, прозвучавшее на XXI съезде КПСС о необходимости внести соответствующие изменения в Основной закон. Предложения автора, разумеется, были основаны на трудах В.И. Ленина, резолюциях и решениях КПСС. Научные и практические выводы Котового хотя и идеологизированы (о государстве диктатуры рабочего класса [3, с. 39], построении социализма [3, с. 40], руководящей роли КПСС [3, с. 41] и т.д.), однако, говоря о главах Конституции, не касающихся общественного строя, он использовал гораздо более научный подход.

С.П. Котовой выделяет два пути возникновения союзных республик — развитие автономных социалистических республик и образование новых союзных республик [3, с. 52]. Однако, вся его научная работа построена на характеристиках изменений в Конституцию, практически лишенных критики.

Особенность работы заключается в отсутствии в ней общего вывода о характере конституционных реформ в исследуемый период, — в диссертации нет даже заключения. Котовой не использует юридическую категорию «конституционные реформы», применяя более нейтральные обозначения вроде слов «изменение» и «дополнение».

В сборнике научных статей 1978 года «Новые конституции и конституционные реформы [4]» впервые в советской юридической науке применяется понятие «конституционная реформа». Правда, оно использовалось по отношению к конституциям развивающихся стран: Мозамбика, Анголы, Катара, Судана, Бразилии. То есть данное понятие все еще было чуждо отечественной юридической науке.

Новую веху в развитии советской науки конституционных реформ заложила Н.А. Михалёва. В своем диссертационном исследовании в 1983 году она применила термин «реформа конституции», отмечая необходимость приведения конституционных положений в соответствие с новыми условиями жизни общества и государства и называя социалистическую конституцию «динамической» [5, с. 186].

Она полагала, что для осуществления реформы Основного закона должна произойти качественная трансформация общественных отношений. В то же время далеко не всякое изменение действительности требует принятия новой конституции. Михалёва выделяет такое свойство конституции как стабильность, перечисляя гарантии, характерные для социалистической конституции [5, с. 187]. Ее научный труд был основан на марксистско-ленинской теории, но в сравнении с предыдущими работами отечественных исследователей конституционных изменений в нем уделялось значительно больше внимания юридическим свойствам конституции и правовым проблемам ее реформирования.

В следующем научном труде Н.А. Михалёвой, написанном на излете советской власти в 1991 году, уже в современном смысле рассмотрены аспекты конституционной реформы в СССР [6]. В ней исследованы правовые нормы с учетом актуальных социально-политических событий и различные аспекты конституционной реформы: теоретические основы, общие положения, права человека, реформа федеративных отношений, разделение властей, правовая охрана и реализация конституции [6, с. 6–43]. «Советское государствоведение в условиях нового политического мышления отказывается от антагонистического противопоставления социалистической и буржуазной конституции» [6, с. 7]. На наш взгляд, данная работа содержала в себе концептуальные основы теории становления современной отечественной доктрины конституционных реформ.

После распада СССР и демократизации общественной жизни российская наука конституционных реформ подверглась значительному изменению. Существенную часть научных трудов истории становления конституционных реформ посвятил О.Е. Кутафин [7].

В своем исследовании он проследил весь путь отечественных конституционных реформ, начиная с Конституции РСФСР 1918 года: «В июле 1918 года была принята Конституция Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, которая закрепила федеративный принцип организации государственного единства РСФСР. (...) Таким образом, Конституция РСФСР твердо определила форму федерации, складывающейся в России. РСФСР должна была стать федеративным государством с автономными образованиями».

Кутафин затронул конституционную реформу 1924–1925 годов, зафиксировав, что «многочисленные дополнения в Конституцию РСФСР 1925 г. были внесены в связи с развитием автономии».

Он подробно образом разъяснил суть реформы конституции 1936–1937 годов: «Важным этапом в государственном строительстве РСФСР стало принятие 21 января 1937 г. новой Конституции РСФСР. Эта Конституция закрепила наличие в составе Федерации 17 автономных республик и 6 автономных областей, которые перечислялись в Конституции, а также упомянула в связи с установлением системы местных органов государственной власти о наличии в Республике национальных округов. В Конституции в самых общих чертах определялся правовой статус автономной республики и автономной области».

Ученый особое внимание уделил конституционным реформам 1977–1978 годов: «Новая Конституция РСФСР (так же, как и принятая в 1977 г. новая Конституция СССР), не внесла каких-либо существенных изменений в правовой статус союзных и автономных республик, автономных областей и автономных округов».

Наконец, проанализировал особенности российской Конституции 1993 года: «Новая Конституция Российской Федерации, принятая 12 декабря 1993 г., закрепила федеративное устройство России в составе 89 субъектов, которыми были признаны республики в составе Российской Федерации, края, области, города федерального значения, автономная область и автономные округа...» [7].

О.Е. Кутафин признавал наличие препятствий, возникших после принятия новой Конституции в 1993 году. В частности, он исследовал проблематику реализации единого правового конституционного пространства в субъектах Российской Федерации, приведения местных нормативных правовых актов в соответствие с Конституцией России, решения вопросов единого гражданства и так далее [8].

В постсоветское время значительно изменился набор терминологии, которым различные авторы именовали конституционные реформы. Сложность и многообразие изменений основных законов как таковых, отсутствие единства в определении конституционной реформы обусловили использование наряду с понятием «конституционная реформа» таких терминов, как «радикальная реформа», «радикальная ревизия», «кардинальный пересмотр»,

«смена действующей конституционной модели», «революционные изменения», «корректировка конституции», «модификация конституции», «конституционное переустройство» и так далее [9, с. 33–34].

И.А. Алебастрова поставила вопрос об уровнях конституционных реформ, разделила их на частичные и более или менее целостные, а также дала им собственные определения: «Очевидно, что они имеют неодинаковый объем, различаются по актам о конституционных изменениях. Так, под полной конституционной реформой понимают введение в действие новой конституции и одновременное прекращение действия прежней. Частичной реформой называют изменение отдельных положений основного закона, т.е. внесение поправок в его текст» [10, с. 47].

В работе В.Н. Додонова (1997 г.) подведены итоги функционирования новых конституционных строев, дана оценка основным законам стран СНГ и Балтии, принятым непосредственно после провозглашения независимости [11]. Автор выделяет следующую закономерность временной разницы продолжительности принятия новых конституций в постсоветских странах: «Там, где общество было консолидировано, будь то на авторитарной или демократической основе, новые конституции были приняты достаточно быстро и относительно безболезненно; там же, где общество оказалось расколотым по политическому, идеологическому или национальному принципу, процесс выработки и принятия нового основного закона происходил чрезвычайно трудно и растянулся на несколько лет» [11, с. 17].

Считаем, что одним их значительных исследований о теоретических и практических аспектах конституционного реформирования является работа А.А. Белкина, в которой ставится вопрос о существовании различных форм конституционной модификации. В частности, автор подробно рассматривает такие концепты, как конституционная реформа, конституционная преемственность, конституционная стабильность, при этом не чураясь жесткой критики, в том числе и Конституции 1993 года, а также способа ее принятия [12, с. 80–81].

1990-е годы отметились бурным ростом исследований, детализаций и глубинных проработок, посвященных непосредственно реформам Основного закона. Именно в те годы возникли различные авторские подходы и классификации форм и способов изменения конституции. Конституционной реформе как явлению и понятию удалось освободиться от идеологизированности и обрести свое начало в сугубо юридическом подходе к исследованию конституционных изменений.

* * *

Исследование различных аспектов конституционных изменений в ранний советский период сопряжено с ангажированным подходом к сути проблемы с точки зрения господствующей на тот момент идеологии. Авторы допускали повсеместное и массовое применение лозунговых форм отстаивания

одних конституционных проектов и критики других. Лишь часть исследования была посвящена именно юридической проблематике, значительно реже применялись специальные методы исследования, характерные для юридической науки (Г.С. Гурвич, С.Л. Ронин, С.П. Котовой и др.).

Само понятие «конституционная реформа» было несвойственно и нехарактерно для ранней советской правовой мысли. Явления, связанные с внесением поправок в конституцию или принятием нового основного закона, чаще именовали как «развитие конституции» или просто «изменения» и «дополнения». Советские исследователи раннего периода не так много внимания уделяли различным терминологическим аспектам преобразования конституций. В чем различия между «развитием конституции» и «дополнением и изменением конституции» — на этот вопрос советские ученые раннего периода не отвечали. Конституционная реформа как явление не исследовалась. Сам этот термин начал встречаться в советской правовой науке в 1970-е годы в отношении иностранных государств. Лишь в 1980-х годах (большой частью уже в период перестройки) он стал применяться к отечественным конституционным изменениям.

Как в ранний, так и в позднесоветский период активность национальных ученых-юристов проявлялась в интересе к исследованию развития конституций союзных республик (А.А. Агзамходжаев, А.И. Ишанов, Р. Тургунбеков, Б.Г. Гусейнов, А.А. Вагабов, Г. Сатторов и др.).

Отдельного внимания заслуживают работы Н.А. Михалёвой. В своем диссертационном исследовании в 1983 году она изучала конституционные изменения с использованием того подхода, который во многом применим и сегодня. Ее научная работа, изданная в 1991 году, стала в некотором смысле революционной в становлении современного российского восприятия конституционных реформ.

В период перестройки выходило значительное число научных работ, посвященных конституционным реформам. В качестве исследователей данной проблематики зарекомендовали себя В.И. Фадеев, И.А. Алебастрова, П.Г. Семенов и другие ученые.

В начальный постсоветский период в связи с ослаблением цензуры, отмиранием обязательной государственной идеологии стало появляться гораздо больше трудов о преобразовании конституции. Авторы высказывались в различном контексте, — одни исследовали конституционную реформу как явление, сопоставляя отечественную практику с опытом зарубежных стран (А.А. Белкин), другие работали над комплексными научными трудами, описывающими конкретные конституционные реформы того времени в странах СНГ (В.Н. Додонов).

Основной тенденцией развития и становления доктрины конституционных реформ стала большая «теоретикоориентированность». Стало уделяться большое внимание правовым вопросам терминологического характера. Отграничение конституционной реформы от конституционной модернизации,

корректировки конституции, конституционного переустройства, смены конституционной модели и так далее, — вот чему в значительной степени посвящены научные труды на излете XX века, тогда как советские ученые при исследовании конституционных реформ уделяли больше внимания достижениям народного хозяйства. Полагаем, что конституционные реформы по-настоящему значимыми стали тогда, когда начались глубокие исследования не только конституционных норм, но и их реального содержания.

Список литературы

1. Гурвич Г.С. История Советской Конституции [Текст] / П.С. Гурвич; Социалистическая Акад., Секция Советского Стр-ва. Москва: Издание Социалистической Акад. 1923. 216 с.
2. Ронин С.Л. Первая Советская Конституция [Текст]: (К истории разработки Конституции РСФСР 1918 г.) / С.Л. Ронин; Акад. наук СССР. Ин-т права. Москва: Юрид. изд-во, 1948. 124 с.
3. Котовой С.П. Изменения и дополнения Конституции СССР 1936 года, 1936–1959: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.00. Ленинград, 1959.
4. Новые конституции и конституционные реформы [Текст]: (Сб. статей) / АН СССР, Ин-т государства и права; [Отв. ред. В.Е. Чиркин]. Москва: Наука, 1978. 255 с.
5. Михалёва Н.А. Теоретические проблемы социалистической конституции (сущность, содержание, форма): дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 1983. 400 с.
6. Михалёва Н.А. Конституционная реформа в СССР // Конституционная реформа: поиски и решения: Сб. обзоров / [Отв. ред.-сост. Алферова Е.В.]. Москва: ИНИОН, 1991.
7. Кутафин О.Е. Становление, развитие и конституционно-правовой статус Российской Федерации. Государственное право Российской Федерации: учебник / под ред. О.Е. Кутафина, доктора юридических наук, профессора, академика РАЕН. М.: Юридическая литература. 1996 г.
8. Кутафин О.Е. Конституция и проблемы ее реализации // Российский конституционализм: проблемы и решения: Материалы международной конференции. М.: Юрист, 1997.
9. Киреев В.В. Теоретические проблемы реформирования Конституции Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. Челябинск, 2010. 584 с.
10. Алебастрова И.А. Конституционное право зарубежных стран: учебное пособие. М., 2000. 638 с.
11. Додонов В.Н. Конституционные реформы в государствах, возникших на территории бывшего СССР. Общее и особенное: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1997. 173 с.
12. Белкин А.А. Пересмотр конституции (теоретические аспекты) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1995. № 1.

Д.С. ЕМЕЛЬЯНЦЕВ
Т.С. КАЧЕСОВА
Е.Л. ИВАНОВА

КОДИФИКАЦИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: ИСТОРИЯ, ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВА

***Аннотация.** Статья посвящена изучению целесообразности и эффективности кодификации избирательного законодательства. Авторы анализируют исторический опыт кодификации избирательного законодательства, регионального законодательства о выборах, а также практику кодификации избирательного законодательства в зарубежных государствах и подчеркивают недостатки исторических особенностей кодификации законодательства о выборах, а также выделяют основные условия и преимущества кодифицированного избирательного законодательства.*

***Ключевые слова:** избирательное право, избирательный процесс, кодификация избирательного законодательства.*

CODIFICATION OF ELECTORAL LEGISLATION: HISTORY, EXPERIENCE AND PERSPECTIVE

***Abstract.** The present article is devoted to the study of expediency and effectiveness of codification of electoral legislation. The authors analyze the historical experience of codification of electoral legislation, the experience of codification of regional legislation on elections, as well as the experience of codification of electoral legislation in foreign countries. The authors emphasize the shortcomings of the historical experience of codification of electoral legislation, as well as highlight the main conditions and advantages of codified electoral legislation.*

***Keywords:** electoral law, electoral process, codification of electoral legislation.*

Идея разработки Избирательного кодекса Российской Федерации (далее — Избирательный кодекс) как единого нормативного правового акта, регулирующего основополагающие принципы и требования организации выборов в Российской Федерации, не нова. В 1992 году в ходе законотворческой деятельности Комитета Верховного Совета Российской Федерации по вопросам работы Советов народных депутатов и развития самоуправления

ЕМЕЛЬЯНЦЕВ Дмитрий Дмитриевич — студент Иркутского юридического института (филиала) ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации», г. Иркутск
КАЧЕСОВА Татьяна Сергеевна — студент Иркутского юридического института (филиала) ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации», г. Иркутск
ИВАНОВА Елена Леонидовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиала) ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации», г. Иркутск

была осуществлена первая попытка кодификации избирательного законодательства. К настоящему моменту известно пять проектов, воплощающих идею подобной кодификации.

Необходимость систематизации, как формы комплексного упорядочивания какого-либо процесса или явления, как правило, обуславливается большим объемом элементов, участвующих в процессе их регулирования. Правовое регулирование электоральных правоотношений в настоящее время осуществляется весьма обширным перечнем источников. Если говорить более конкретно, то регулирование избирательного процесса обеспечивается не только Конституцией Российской Федерации¹ и федеральными законами, но и постановлениями Центральной избирательной комиссии Российской Федерации (далее — ЦИК России)², постановлениями Конституционного Суда Российской Федерации³ и Верховного Суда Российской Федерации⁴. Вместе с тем на данном этапе развития избирательной системы регулирование данных правоотношений осуществляется и на региональном уровне, причем в 16-и субъектах Федерации приняты кодифицированные акты.

Объем правового регулирования создает трудности как обычным гражданам, которые для понимания процедуры реализации своих прав должны знать целый ряд нормативных правовых актов различного уровня, так и профессиональным правоприменителям. Думается, что создание единого кодифицированного акта способствовало бы более эффективной реализации избирательных прав граждан и не придавало бы громоздкости избирательному законодательству. В то же время, по нашему глубокому убеждению, принятию решения о его кодификации должно предшествовать осознание не только ее целей, но и методологии, что обуславливает избрание конкретного вида кодификации.

* * *

В науке теории государства и права кодификация рассматривается как систематизация, суть которой заключена в правотворчестве, коренном изменении действующих законов и создании новых, комплексных, нормативных правовых актов [1, с. 289].

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года) // СПС «КонсультантПлюс».

² О Методических рекомендациях по организации голосования отдельных категорий избирателей при проведении выборов на территории Российской Федерации: Постановление ЦИК России от 8 августа 2018 года № 174/1414-7 // СПС «КонсультантПлюс».

³ По делу о проверке конституционности пункта 1.1 статьи 38, пунктов 5 и 17 статьи 63 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», а также пункта 4 части 5 статьи 35 Избирательного кодекса города Москвы в связи с жалобой гражданки Г.М. Вирясовой: Постановление Конституционного Суда РФ от 17 ноября 2022 года № 50-П. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 26.09.2023).

⁴ О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами административных дел о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2023 года № 24. URL: <https://vsrf.ru/documents/own/32602/> (дата обращения: 26.09.2023).

Важнейшими условиями кодификации, как правило, выступают общность предмета и метода правового регулирования. Однако если метод правового регулирования (например, императивный или диспозитивный) может совпадать в отраслевом регулировании, то предмет правового регулирования — это то, что позволяет отграничить одну отрасль права от другой. Он лежит в основе кодификации законодательства. Те общественные отношения, которые регулируются той или иной отраслью права, могут быть кодифицированы в единый акт. Среди преимуществ кодификации законодательства выделяют:

- компактность, согласованность, свойство наилучшим образом упорядочить действующее законодательство;
- юридическое единство и системность законодательства;
- сводный характер, обеспечивающий преемственность кодифицированного акта в правовом регулировании;
- структуру, которая обеспечивает рациональную организацию нормативного материала;
- элемент новизны в нормативном правовом регулировании общественных отношений.

В отношении последнего пункта нужно сказать, что элемент новизны будет выражен в том, что общество в лице граждан обратит внимание на появление кодифицированного акта. Также представляется, что принятие кодекса побудит юридическое сообщество к научным публикациям и анализу, что будет способствовать развитию юридической науки.

Одновременно с этим при наличии указанных положительных сторон, кодификация предполагает и наличие особых условий для ее осуществления. Так, все свои качества в полной мере кодекс сможет раскрыть только тогда, когда его основу будут составлять устойчивые нормативные правовые акты с длительным сроком действия. Есть смысл учитывать и тот факт, что не каждая отрасль права может быть кодифицирована в силу объективных свойств правовых норм, содержательной характеристики, отраслевой направленности норм. Возрастание количества кодифицированных актов может превратить кодекс из особого интегративного документа в обычный закон. В отношении избирательного права как самостоятельной отрасли права и законодательства поставленный вопрос также актуален. Это утверждение подкрепляется мнением современных авторитетных исследователей в области электоральных отношений. Так, значимость института выборов подчеркивает А.А. Макарецев, по мнению которого избирательное право охватывает своим влиянием практически всех российских граждан [2, с. 5].

Е.П. Дубровина придерживается аналогичной позиции и считает, что за годы становления и развития избирательное право не утратило собственного значения, а наоборот, — оно приобретает большую значимость. Пунктуальность механизмов его реализации напрямую определяет точность

волеизъявления и свободы выбора электората, возможность всех участников электорального процесса в полной мере реализовать принцип открытых выборов, а также определения результатов голосования [3].

Полагаем, что выборы являются, в том числе и элементом общественных отношений. Наличие собственного предмета правового регулирования в сочетании со значительным количеством законов и подзаконных актов, регламентирующих избирательные правоотношения, и ориентированность избирательного законодательства на широкий круг общественных отношений позволяют говорить о том, что избирательное право — это формирующаяся отрасль права.

* * *

На наш взгляд, для определения готовности отдельного института к кодификации следует воспользоваться следующими критериями:

Предмет правового регулирования. В статье 1 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ (далее — Закон об основных гарантиях) определены основные гарантии реализации гражданами конституционного права на участие в выборах и референдумах, проводимых на территории России в соответствии с Конституцией. Также данным нормативным правовым актом регулируются отношения, связанные с назначением, подготовкой и проведением референдума.

Наличие единых принципов правового регулирования. Единые принципы правового регулирования содержатся как в Законе об основных гарантиях, так и в федеральном законодательстве о специальных видах выборов. Так в статье 1 Федерального закона № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» говорится, что депутаты Государственной Думы избираются гражданами на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. Участие гражданина в выборах является свободным и добровольным. Никто не вправе принуждать гражданина к участию или неучастию в выборах, а также препятствовать его свободному волеизъявлению. Данные принципы дублируются в статье 1 Федерального закона «О выборах Президента Российской Федерации» и в статьях 4 и 7 Закона об основных гарантиях.

Значительное число согласующихся источников. Это подтверждается наличием нескольких федеральных законов, которые между собой взаимосвязаны и не противоречат друг другу. Так Закон об основных гарантиях определяет общие принципы организации избирательного процесса, а федеральные законы о специальных видах выборов конкретизируют положения для данных видов выборов. Основные разделы данного закона механически воспроизводятся в федеральных законах о выборах депутатов Государственной Думы и выборах Президента, а также избирательных законах субъектов Российской Федерации.

Существование специальных уполномоченных государственных органов, осуществляющих функции по правовому регулированию соответствующей сферы общественной жизни или государственного управления. Организация избирательного процесса в нашей стране осуществляется ЦИК России, что отражено в статье 21 Закона об основных гарантиях: «Центральная избирательная комиссия Российской Федерации является федеральным государственным органом, организующим подготовку и проведение выборов, референдумов в Российской Федерации в соответствии с компетенцией, установленной настоящим Федеральным законом, иными федеральными законами». В данном случае система избирательных комиссий рассматривается как система специализированных участников выборов.

Аккумулируя вышеописанное, можно говорить о том, что в настоящее время сложились все необходимые условия для рассмотрения возможности, перспективности, а главное — практической необходимости кодификации законодательства о выборах.

* * *

В 1992 году в России впервые возник вопрос о принятии избирательного кодекса. В ходе законотворческой работы Верховного Совета Российской Федерации рабочей группой под руководством В.А. Балалы был подготовлен пакет законопроектов под названием «Об избирательном процессе». Он состоял из семи законопроектов: базового законопроекта «Об основах избирательного процесса», который по своему содержанию фактически представлял собой общую часть кодекса, и шести законопроектов, которые своим содержанием представлялись как особенная часть кодекса [4, с. 276–308]. В ходе парламентских слушаний законопроект был подвергнут критике в силу своей слабой проработанности.

В 1994 году была предпринята вторая попытка кодификации избирательного законодательства. На этот раз законопроект представлял собой альтернативу отдельным законам (законам «Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации», «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», «О выборах Президента Российской Федерации»). Наряду с данным законопроектом Президентом Российской Федерации был предложен законопроект «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации». В итоге предпочтение было отдано последнему.

В экспертных кругах считается, что кодекс не был принят по следующим причинам: во-первых, многие ученые полагали кодификацию федерального законодательства противоречащей Основному закону, который предоставляет субъектам Федерации право самостоятельно регулировать порядок выборов в органы власти субъекта и органы местного самоуправления; во-вторых, высказывалось мнение, что кодифицированный акт нужно принять после того, как отдельные законы будут апробированы на практике; в-третьих,

считалось, что для принятия избирательного кодекса потребуется много времени, а это могло привести к проведению выборов в Государственную Думу 1995 года не по закону, а по указу Президента.

В 2008 году по инициативе ассоциации «Голос»^{*} началась разработка проекта избирательного кодекса под руководством А.Е. Любарева и А.В. Кынева. До его внесения на рассмотрение в парламент проект на протяжении четырех лет обсуждался на уровне регионов и экспертных «круглых» столов. На момент рассмотрения проект существовал уже в четвертой редакции. В феврале 2012 года он поступил на рассмотрение в Федеральное Собрание, однако 22 марта профильный комитет Государственной Думы по конституционному законодательству и государственному строительству вынес решение вернуть проект субъекту права законодательной инициативы. Парламентское большинство к нему не проявило интереса, помимо этого были и замечания относительно содержания законопроекта. Так, кодекс не определял условия признания выборов недействительными и порядок судебного обжалования результатов выборов.

В 2016 году также были предприняты попытки разработать избирательный кодекс, которые не увенчались успехом.

Помимо проектов избирательного кодекса, которые были представлены в Федеральное Собрание, стоит отметить и проект кодекса, разработанный Российским фондом свободных выборов. В нем аккумулированы положения базового закона — Закона об основных гарантиях, составляющего по замыслу авторов данного проекта общую часть кодекса, а также федеральных законов об отдельных видах выборов, которые бы образовали его особенную часть. На данный момент проект представлен в редакции, не учитывающей изменения в действующем избирательном законодательстве.

Наконец, в 2023 году была предпринята пятая попытка кодификации федерального избирательного законодательства. 22 февраля 2023 года в Государственной Думе был зарегистрирован законопроект о принятии Избирательного кодекса Российской Федерации⁵. Однако и эта попытка до настоящего времени не увенчалась успехом. В правовом заключении комитета Государственной Думы по государственному строительству и законодательству отмечается, что законопроект нуждается в существенной лингвистической и юридико-технической доработке. По нашему мнению, с данным заключением нельзя не согласиться по ряду причин.

Проектное наименование «Избирательный кодекс Российской Федерации» определяет предмет правового регулирования, а именно — порядок реализации избирательных прав граждан. Однако при изучении проекта можно заметить, что он регулирует и процесс организации референдума.

^{*} Организация внесена в реестр незарегистрированных общественных объединений, выполняющих функции иностранного агента.

⁵ Законопроект № 301714-8 «Избирательный кодекс Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/301714-8> (дата обращения: 26.09.2023).

На первоначальном этапе современного правового регулирования объединение различных форм непосредственной демократии в одном нормативном правовом акте было объяснимым, однако в настоящее время правовое регулирование этих самостоятельных форм непосредственной демократии необходимо осуществлять отдельно.

В соответствии с частью 1 статьи 1.1 проекта кодекс направлен на гарантию реализации и защиту избирательных прав граждан, однако по своему содержанию он существенно ограничивает круг таких гарантий по сравнению с действующим законодательством. Так, например, проект исключает возможность дистанционного электронного голосования, голосование в течение нескольких дней подряд, использование дополнительных форм организации голосования, в том числе досрочного, а также не определяет механизм организации и проведения выборов в органы публичной власти федеральных территорий.

Проектом не урегулированы особенности участия в избирательном процессе иностранных агентов и лиц, аффилированных с иностранными агентами в соответствии с Федеральным законом от 14.07.2022 года № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием».

В проекте есть достаточное количество оценочных и нераскрытых понятий. Так, статьи 2.8, 2.9, 2.10 по своему смыслу воспроизводят положения принципов избирательного права, которые закреплены в предыдущих статьях проекта. В статье 2.9 говорится о справедливых выборах, а именно о создании равных правовых условий для всех участников избирательного процесса. Однако в ее частях подробно раскрываются положения принципа прямого избирательного права. В соответствии со статьей 2.8 подлинные выборы обеспечивают свободный доступ к информации о ходе подготовки и проведения избирательного процесса. Одновременно с этим данное правило в действующем законодательстве исходит из обязанности избирательных комиссий информировать избирателей и участников референдума о ходе подготовки и проведения выборов или референдума.

Проект воспроизводит ряд положений проектов федеральных законов, которые были ранее рассмотрены Государственной Думой и отклонены. Наличие данных положений никак не улучшает правовое положение граждан в избирательном процессе, а наоборот — создает неудобства в применении данных норм.

Резюмируя вышесказанное, нам удалось прийти к следующим выводам:

1. Все представленные проекты кодексов имели своей целью демократизацию российского избирательного законодательства, обеспечение избирательных прав граждан при сохранении основных принципов федерализма. Они были направлены на систематизацию законодательства о выборах и референдуме, устранение в нем противоречий и пробелов, а также дублирования норм. Кроме того, одной из важнейших задач представленных проектов выступало обеспечение доступности и понятности избирательных

процедур для непрофессиональных участников выборов — избирателей, кандидатов и других участников избирательных правоотношений;

2. В проектах наличествовали недостатки как содержательного, так и юридико-технического характера, которые во многом «обесценили» саму идею кодификации избирательного законодательства;

3. В целях недопущения таких недостатков нам представляется важным при совершенствовании уже представленных проектов избирательного кодекса или разработке последующих учитывать опыт кодификации избирательного законодательства, накопленный как в зарубежных государствах, так и в субъектах Российской Федерации;

4. Представляется необходимым обратить внимание на структуру и содержание избирательных кодексов зарубежных государств, избирательных кодексов регионов России, что позволит наиболее эффективно подойти к решению исследуемого вопроса.

* * *

В ходе проводимого исследования выяснилось, что избирательные кодексы действуют в Азербайджане, Албании, Аргентине, Белоруссии, Бельгии, Бразилии, Франции и некоторых других государствах. Мы считаем, что необходимо обратить внимание на структуру и содержание избирательных кодексов зарубежных стран для того, чтобы иметь представление о внутренней системе отношений, которые будут регулироваться кодифицированным избирательным источником.

Как правило, избирательные кодексы приняты в унитарных государствах. Исключение составляют Избирательный кодекс Бельгии, принятый на федеральном уровне, а также избирательные кодексы штатов США (Калифорния, Айова, Иллинойс, Техас, Флорида и другие). Также существуют примеры одновременной кодификации избирательного законодательства как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов федерации, как это сделано в Бразилии и Мексике⁶.

Проведенный анализ привел к выводу, что не все избирательные кодексы содержат классическое деление на общую и особенную части. Однако большинство из них включают в себя разделы, посвященные общим положениям об организации избирательного процесса, а также разделы, содержащие положения о порядке проведения отдельных категорий выборов.

Как констатируется в юридической литературе, моделью избирательного кодекса для европейских государств стал «Свод рекомендуемых норм при проведении выборов», разработанный Европейской комиссией Совета Европы за демократию через право (далее — Комиссия). Принимая избирательные кодексы, большая часть зарубежных государств руководствовалась

⁶ Лысенко В.И. Избирательный кодекс: зарубежный опыт // РФСВ. URL: <https://rfsv.ru/law/pogmu-i-printsipy/izbiratelnyi-kodeks-zarubezhnyi-opyt> (дата обращения: 12.09.2023).

данным документом. Структура принимаемых кодифицированных избирательных источников практически полностью отражала его структуру.

В пояснительном докладе к данному документу указывается, что принципы проведения выборов составляют особый аспект европейского конституционного наследия, которое можно вполне обоснованно назвать общеевропейским опытом в области выборов. Этот опыт включает в себя два элемента: базовые конституционные принципы избирательного права — всеобщее, равное, прямое, тайное голосование; основа демократических выборов — соблюдение верховенства права, уважение прав и свобод человека и гражданина, стабильность избирательного законодательства, а также соблюдение социальных гарантий.

Применение указанных принципов осуществляется с учетом ряда уточнений, которые также оговорены в своде рекомендуемых норм. Так, например, в рекомендациях Комиссии, которые относятся к принципу всеобщности избирательного права, нередко встречается указание на то, что желательно разрешить иностранным гражданам участвовать в местных выборах, если они проживают в данной местности дольше установленного срока.

Такая рекомендация относилась, в особенности, к Избирательному кодексу Македонии, поскольку данный акт не создавал равных условий для участия в голосовании избирателей, находящихся на территории Македонии, и избирателей, пребывающих за ее пределами. В частности, избирательный участок за пределами территории Македонии мог быть образован только в том случае, если в качестве избирателей было зарегистрировано не менее 10 зарубежных избирателей.

Схожая ситуация прослеживалась в отношении Избирательного кодекса Молдовы, в связи с чем Комиссией было принято отдельное заключение по вопросам участия в голосовании зарубежных избирателей Молдовы.

* * *

Зарубежные правоприменители не ограничиваются использованием единственного кодифицированного источника избирательного права. Во многих государствах в предмет регулирования избирательного кодекса не включены процедуры проведения отдельных выборов и референдумов. Например, во Франции проведение президентских и парламентских выборов регулируется несколькими законодательными актами: в частности, избирательным кодексом и законом о выборах президента Франции [5, с. 59–65]. Полагаем, что избирательный кодекс не должен включать в себя нормы, регулирующие процедуру проведения референдума. Для этого необходимо принимать отдельные федеральные законы.

Приведенная модель правового регулирования национальных и наднациональных выборов называется «симбиозной» или законодательно-кодифицированной. Ее суть заключается в том, что существует конкретный закон о тех или иных выборах, а также единый кодифицированный акт,

которые действуют и применяются наравне. Такая же система выстроена на Мальте и в Нидерландах. По нашему мнению, данная модель не отвечает требованиям эффективности и относительной (в нормативном смысле) легкости проведения выборов различных уровней.

Избирательное право — одна из немногих отраслей права, которая имеет огромный объем нормативной базы, поскольку выборность является принципом формирования не только определенных федеральных органов государственной власти, но и органов государственной власти субъектов, а также органов местного самоуправления. В силу этого акты, регулирующие процедуру избрания кандидатов, издаются на всех уровнях. При организации проведения избирательной кампании члены избирательных комиссий сталкиваются с трудностями применения той или иной нормы. Кодификация законодательства призвана нивелировать трудности применения отраслевых норм путем интегрирования их в единый нормативный правовой акт.

Предполагаем, что российский законодатель при принятии Избирательного кодекса должен ориентироваться на опыт тех государств, которые объединили всю нормативную базу, касающуюся выборов, в единый кодифицированный акт, так как данный подход отвечает требованиям эффективности и сведению нарушений избирательного законодательства к минимуму.

Что касается структуры и содержания Избирательного кодекса, то относительно того, что он должен регулировать, зарубежные законодатели к единому мнению не пришли. Большинство кодексов построены по разделам или главам, которые посвящены тому или иному вопросу. Например, Избирательный кодекс Азербайджана включает в себя 7 разделов: Раздел 1. «Основные понятия» (главы 1 и 2); Раздел 2. «Общие положения» (главы 3–14); Раздел 3. «Проведение выборов (референдумов)» (главы 15 и 16); Раздел 4. «Референдум» (главы 17–21); Раздел 5. «Выборы в Милли Меджлис» (главы 22–28) и так далее. Уже по содержанию кодекса понятно, что он, помимо выборов, регулирует и проведение референдума. Подобным свойством обладают не все кодифицированные акты.

В федеративных государствах характер государственного устройства предполагает проведение выборов в органы государственной власти обеих ее уровней. По указанным причинам нами принимаются во внимание кодифицированные акты в области избирательного права и процесса не только федерального, но и уровня субъектов федерации. Региональное законодательство о выборах регулирует процедуру проведения выборов на территории субъекта федерации, а также муниципальные выборы.

В качестве примера можно привести Избирательный кодекс штата Калифорния, который имеет довольно объемную структуру. Интерес представляет то, что законодатель уделяет особое внимание грамматическим конструкциям во избежание неоднозначных толкований текста закона. Данный Кодекс регулирует вопросы в области проведения не только выборов, но

и референдумов. Он закрепляет организацию деятельности политических партий и подробно регламентирует вопросы уголовной ответственности за совершение избирательных правонарушений [6, с. 34–42].

С учетом сложившихся обычаев правового регулирования в нашей стране положения об уголовной и административной ответственности регулируются специальными актами. Поэтому указанный вариант не может быть использован при определении структуры Избирательного кодекса России.

Изучив некоторые особенности зарубежного кодифицированного законодательства в области избирательного права, мы пришли к выводу, что большинство из них строится по институционной системе. То есть в них отсутствует деление акта на общую и особенную части. Мы считаем, что при принятии Избирательного кодекса России законодатель должен обратить внимание на предыдущий опыт именно российского законодательства, поскольку большая часть кодифицированных источников построена по пандектной системе.

Избирательный кодекс Российской Федерации должен включать в себя общую и особенную части. Общая часть объединяла бы в себе нормы следующего содержания: нормы-дефиниции, нормы-цели, нормы-задачи, нормы-принципы, источники, порядок и условия формирования избирательных комиссий, статус членов избирательных комиссий, кандидатов, гарантии избирательных прав граждан и так далее.

Особенная часть должна быть посвящена отдельным видам выборов, проводимых как на уровне Федерации и ее субъектов, так и на уровне муниципальных образований.

* * *

В настоящее время в юридической литературе активно разрабатывается идея конституционно-правовой ответственности в области избирательного права. А.А. Кондрашев и А.Е. Штурнев предлагали классификации избирательных санкций, основу которых составляют меры не столько карательного, сколько правосстановительного характера. Иными словами, меры конституционно-правовой ответственности за избирательные правонарушения имеют своей целью юридическую ничтожность совершенных избирательных действий [7]. Вследствие этого при их применении негативные последствия допускаются не только по отношению к правонарушителю, но и к другим участникам избирательного процесса, так как указанные меры имеют двойственную природу: могут применяться и как мера ответственности, и как мера защиты [8].

К.М. Мамбетова указывает на то, что в России имеется в общих чертах структура конституционно-правового регулирования ответственности за избирательные правонарушения [9, с. 124–132]. В качестве примера она приводит статью Закона об основных гарантиях, в соответствии с которой «решение комиссии, противоречащее закону либо принятое с превышением

установленной компетенции, подлежит отмене вышестоящей комиссией или судом. При этом вышестоящая комиссия вправе принять решение по существу вопроса или направить нижестоящей комиссии, решение которой было отменено, соответствующие материалы на повторное рассмотрение. В случае, если нижестоящая комиссия повторно не рассмотрит вопрос, решение по существу данного вопроса вправе принять вышестоящая комиссия».

Полагаем, что часть приведенной статьи не отражает особенность конституционно-правовой ответственности, поскольку отмена вышестоящей комиссией решения нижестоящей избирательной комиссии является ее полномочием. В связи с этим актуальна идея о включении в Избирательный кодекс главы о конституционно-правовой ответственности за нарушения избирательных прав.

* * *

Избирательное законодательство находится в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов. Это означает, что регионы наделены полномочиями по самостоятельному регулированию вопросов проведения выборов и референдумов на своей территории. В связи с этим 16 субъектов Федерации имеют свои избирательные кодексы. В целях оценки перспективы и необходимости принятия единого федерального законодательства о выборах нами был проведен сравнительный анализ положений соответствующих нормативных правовых актов, в результате которого удалось прийти к следующим выводам.

Объем правового регулирования в избирательных кодексах имеет свои отличия, которые заключаются в том, что регулирует данный акт: проведение исключительно выборов или выборов и референдума.

Например, *Избирательный кодекс Белгородской области* содержит в себе отдельную главу 14, которая регулирует порядок проведения референдума области и местного референдума⁷. Гарантии реализации прав граждан на участие в референдуме закрепляются в главе 15. Помимо ответственности за нарушение избирательных прав граждан при проведении как выборов, так и референдума, она устанавливает, что решения и действия (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц, а также решения и действия (бездействия) комиссий и их должностных лиц, нарушающие избирательные права граждан и право граждан на участие в референдуме, могут быть обжалованы в суд.

Избирательный кодекс Воронежской области не содержит отдельной главы, посвященной проведению референдума, в нем нет соответствующей главы, об ответственности за нарушение процедуры проведения референдума

⁷ Избирательный кодекс Белгородской области: Закон Белгородской области от 1 апреля 2005 года № 182 // СПС «КонсультантПлюс». Сводное региональное законодательство.

на территории данного субъекта⁸. В то же время глава 10 Кодекса устанавливает ответственность за нарушение законодательства о выборах Воронежской области в целом.

Избирательные кодексы Республики Татарстан, Республики Башкортостан, Тюменской области, Приморского края, Тверской области и Хабаровского края регулируют исключительно избирательный процесс. В свою очередь *акт Алтайского края* регламентирует еще и процесс организации референдума, а также процедуру отзыва.

Избирательный кодекс города Москвы не содержит отдельных разделов или глав, посвященных проведению референдума на соответствующей территории⁹. Но в нем есть статья об ответственности, которая наступает за нарушение не избирательного законодательства на соответствующей территории, а за нарушение законодательства Российской Федерации о выборах. В частности, статья 90 устанавливает, что ответственность за нарушение настоящего Кодекса устанавливается федеральными законами.

В *Избирательном кодексе Курской области* референдуму посвящена глава¹⁰. Помимо того, что данный нормативный правовой акт регулирует региональные выборы, он также включает в себя нормы, посвященные местному референдуму (глава 14). В соответствии с *Избирательным кодексом* округом местного референдума является территория соответствующего муниципального образования.

Здесь к месту отметить, что, например, *Избирательный кодекс* Воронежской области не регулирует процедуру проведения местного или регионального референдума. Порядок их проведения регламентирован Законом Воронежской области от 27 июня 2007 года «О порядке осуществления гражданской инициативы в Воронежской области»¹¹.

Избирательный кодекс Псковской области также не содержит отдельных норм, посвященных регулированию процесса референдума. Структура представлена делением нормативного правового акта на общую и особенную части. Глава 8 посвящена ответственности за нарушение избирательных прав граждан. Примечательно, что эта глава находится в общей части, как и в *Избирательном кодексе Владимирской области*. Т.Г. Командирова считает, что такое размещение главы об ответственности является наиболее правильным. По ее мнению, размещение соответствующей главы в заключительных положениях, как это сделано в *Избирательном кодексе Свердловской области*, неправильно.

⁸ Избирательный кодекс Воронежской области: Закон Воронежской области от 27 июня 2007 года № 87-ОЗ // СПС «КонсультантПлюс». Сводное региональное законодательство.

⁹ Избирательный кодекс города Москвы: Закон города Москвы от 11 июня 2003 года № 36 // СПС «КонсультантПлюс». Сводное региональное законодательство.

¹⁰ Кодекс Курской области о выборах и референдумах: Закон Курской области от 3 декабря 2009 года № 106-ЗКО // СПС «КонсультантПлюс». Сводное региональное законодательство.

¹¹ О порядке осуществления гражданской инициативы в Воронежской области: Закон Воронежской области от 27 июня 2007 года № 85-ОЗ. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody> (дата обращения: 17.09.2023).

Что касается наименования, то акты Республики Башкортостан, Республики Татарстан, Алтайского края, Хабаровского края, Приморского края, Тверской области представляют собой кодекс, а акт Тюменской области является законом. В Российской Федерации законов с наименованием «кодекс» нет, но вместе с тем кодексы, принимаемые на федеральном уровне (трудовой, гражданский и т.д.), публикуются в форме федерального закона, а в официальном наименовании слов «федеральный закон» нет. Так, и избирательный кодекс в Тюменской области обозначается как закон Тюменской области «Избирательный кодекс (закон) Тюменской области»¹².

Законодательный акт под названием «Избирательный кодекс» призван в первую очередь регламентировать избирательный процесс. В случае включения в предмет регулирования и процесса организации референдума целесообразно будет принять наименование «Кодекс о выборах и референдумах». В обоснование своей позиции упомянем о том, что избирательный процесс и процесс организации референдума — это два различных правовых явления, имеющие разную юридическую природу. В качестве примера можно привести кодекс Алтайского края, который имеет наименование «Кодекс Алтайского края о выборах и референдумах»¹³.

Преамбула присутствует в кодексах Республики Башкортостан, Алтайского края, Хабаровского края, Тюменской области. Кодексы Тверской области и Приморского края преамбулы не имеют. Однако необходимо обратить внимание, что построение кодекса без преамбулы не совпадает с законодательной техникой Закона об основных гарантиях, который в свою очередь имеет преамбулу.

Разделение на общую и особенную части имеют кодексы Республики Татарстан и Башкортостан, Алтайского края, Тверской области, Хабаровского края и Белгородской области. Закон Тюменской области такое разграничение частей не предусматривает. Избирательные кодексы Владимирской области, Воронежской области состоят из общей и особенной частей, которые в свою очередь разделены на разделы и главы. В Избирательном кодексе города Москвы имеются только главы. Более того, в нем отсутствует особенная часть. По нашему мнению, принятие Избирательного кодекса города Москвы в целом не имело смысла, так как данный Кодекс имеет большое количество дублированных из федерального законодательства норм.

Избирательный кодекс Костромской области не делится на общую и особенную части. Помимо этого, нормативный правовой акт содержит множество отсылочных норм, а также дублирует федеральное законодательство.

¹² Избирательный кодекс (закон) Тюменской области: Закон Тюменской области от 3 июня 2003 года № 139 // СПС «КонсультантПлюс». Сводное региональное законодательство.

¹³ Кодекс Алтайского края о выборах, референдуме, отзыве депутатов и выборных должностных лиц: Закон Алтайского края от 8 июля 2003 года № 35-ЗС // СПС «КонсультантПлюс». Сводное региональное законодательство.

* * *

Принятие федерального избирательного кодекса неизбежно поставит вопрос о его взаимодействии с избирательными кодексами субъектов Федерации. Решение данного вопроса потребует принятия тщательного взвешенного решения и избрания одного из двух вариантов: сохранение действия избирательных кодексов в российских регионах при условии приведения их в полное соответствие с федеральным избирательным законодательством; признание региональных избирательных кодексов утратившими силу и принятие отдельных региональных законов и (или) актов подзаконного характера по вопросам, обозначенным федеральным избирательным кодексом (муниципальные выборы, региональные выборы, избирательные комиссии в субъектах Федерации и т.д.). На наш взгляд, более предпочтителен второй вариант. Предполагается, что особенная часть Избирательного кодекса Российской Федерации будет посвящена отдельным видам выборов, в том числе региональным.

Список литературы

1. Теория государства и права: учебник / под редакцией А.В. Юрковского. Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2022. 668 с.
2. Макарецв А.А. Институционально-правовая эффективность норм российского избирательного права: от цели к результату. Новосибирск: НГТУ, 2011. 198 с.
3. Дубровина Е.П. Особенности развития законодательства о выборах в субъектах РФ. URL: http://www.juristlib.ru/book_2333.html (дата обращения: 20.08.2023).
4. Иванченко А.В., Кынев А.В., Любарев А.Е. Пропорциональная избирательная система в России: история, современное состояние, перспективы. М., 2005.
5. Гагаева Е.А. Влияние европейского права на формирование избирательного законодательства государств Восточной Европы // *Общественные науки. Политика и право*. 2010. № 3.
6. Шин А.Г. Избирательный кодекс штата Калифорния: особенности структуры и предмета регулирования // *Зарубежное избирательное право*. 2007. № 3.
7. Кондрашев А.А. Теория конституционно-правовой ответственности в Российской Федерации: учебник, Москва, 2011. 472 с.
8. Штурнев А.Е. Конституционно-правовая ответственность за избирательные правонарушения в Российской Федерации: общеправовая характеристика и юридическая природа мер: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2004. 27 с.
9. Мамбетова К.М. Некоторые теоретические аспекты конституционно-правовой ответственности в Российской Федерации // *Трибуна молодого ученого*. 2013. № 1.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ OUR AUTHORS

ВАСИЛЕВИЧ Григорий Алексеевич, заведующий кафедрой конституционного права юридического факультета Белорусского государственного университета, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, доктор юридических наук, профессор, Председатель Конституционного Суда Республики Беларусь (1997–2008), Генеральный прокурор Республики Беларусь (2008–2011); VASILEVICH Grigorii Alekseevich, Head of Department of the Constitutional Law, Belarusian State University, Associate Member of the National Academy of Belarus, Doctor of Law, Professor, Chairman of the Constitutional Court of the Republic of Belarus (1997-2008), Prosecutor General of the Republic of Belarus (2008-2011); gregory5581@yandex.by

ВЕПРИЦКИЙ Александр Геннадьевич, аспирант кафедры государственно-правовых дисциплин Московского финансово-промышленного университета «Синергия»; VEPRITSKY Alexander Gennadievich, Postgraduate Student of the Department of State and Legal Disciplines, Moscow Financial and Industrial University «Synergy»; veprag@mail.ru

ГАЛКИН Иван Викторович, кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА); GALKIN Ivan Viktorovich, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of History of State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL); galkckinvanya@rambler.ru

ГИЛЬМУЛЛИН Айнур Разифович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»; GILMULLIN Ainur Razifovich, PhD in Law, Docent of the Department of Theory and History of State and Law of the Faculty of Law, Kazan (Volga) Federal University; gilmullinainur@yandex.ru

ДАНИЛИН Павел Викторович, доцент Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, руководитель Центра политического анализа; DANILIN Pavel Viktorovich, Political Scientist, Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation; Director of the Center for Political Analysis; danilinp@mail.ru

ДОБКИН Андрей Геннадьевич, аспирант кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА); DOBKIN Andrey Gennadievich, Post-graduate student of the Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL); dobkin.andr@yandex.ru

ЕГОРОВ Александр Александрович, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА);

EGOROV Alexander Alexandrovich, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL); egorov.a90@mail.ru

ЕМЕЛЬЯНЦЕВ Дмитрий Сергеевич, студент Иркутского юридического института (филиала) ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации»; YEMELYANTSEV Dmitry Sergeevich, Student at the Irkutsk Law Institute (branch) of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation»; boss.emelyantsev@mail.ru

ИВАНОВА Елена Леонидовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиала) ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации»; IVANOVA Elena Leonidovna, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Public Law Disciplines at the Irkutsk Law Institute (branch) of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation»

КАБЫШЕВ Сергей Владимирович, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), председатель комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по науке и высшему образованию, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации; KABYSHEV Sergey Vladimirovich, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Chairman of the State Duma Committee on Science and Higher Education, Candidate of Law, Associate Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation; svkabyшев@gmail.com

КАДАЕВ Александр Александрович, аспирант, ассистент кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА); KADAEV Alexander Alexandrovich, Postgraduate Student, Assistant of the Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL); AAKADAEV@msal.ru

КАЧЕСОВА Татьяна Сергеевна, студент Иркутского юридического института (филиала) ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации»; KACHESOVA Tatiana Sergeevna, Student at the Irkutsk Law Institute (branch) of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation»; tanya.kachesova.04@mail.ru

КОМАРОВА Валентина Викторовна, профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), почетный работник высшего образования

Российской Федерации, почетный работник сферы образования Российской Федерации; KOMAROVA Valentina Viktorovna, Professor, Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honorary Worker of Higher Education of the Russian Federation, Honorary Worker of Education of the Russian Federation; vvkomarova@msal.ru

ЛЫСЕНКО Владимир Иванович, главный советник отдела электронных ресурсов и издательской деятельности Российского центра обучения избирательным технологиям при Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации; LYSENKO Vladimir Ivanovich, Chief Adviser of the Electronic Resources and Publishing Department of the Russian Center for Electoral Technology Training at the Central Election Commission of the Russian Federation, Doctor of Law, Honored Lawyer of the Russian Federation; vlysenko@cikrf.ru

МАЗУРЕВСКИЙ Константин Сергеевич, преподаватель кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации; MAZUREVSKII Konstantin Sergeevich, Lecturer of the Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Member of the Central Election Commission of the Russian Federation

МИТУСОВА Инна Александровна, соискатель ученой степени доктора юридических наук юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат юридических наук; MITUSOVA Inna Alexandrovna, Candidate of the Academic Degree of Doctor of Law, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University, Candidate of Law; mitusovainna@yandex.ru

ОСАВЕЛЮК Алексей Михайлович, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор; OSAVELYUK Aleksei Mihailovich, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor; osaveluk@mail.ru

ПЕРЕВЫШИН Никита Владимирович, генеральный директор ООО «Инициативы развития»; PEREVYSHIN Nikita Vladimirovich, Initiatives for Development, LLC. Director; nvperevyshin@yandex.ru

САДОВНИКОВА Галина Дмитриевна, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор; SADOVNIKOVA Galina Dmitrievna, Professor, Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor; GDSADOVNIKOVA@msal.ru

Правила направления, рецензирования и опубликования статей

Направляемые для публикации в журнале «Гражданин. Выборы. Власть» статьи должны соответствовать следующим требованиям.

Тема и содержание статьи должны соответствовать профилю, научному уровню и тематическим направлениям журнала, обладать научной новизной и представлять интерес для специалистов. Специфика издания — освещение наиболее важных аспектов избирательного процесса, современных достижений юридической и политической науки.

Статьи, ранее опубликованные или переданные в другие издания, в журнале не публикуются.

Объем статьи должен составлять не менее 0,5 авторского листа (20 тыс. знаков), для раздела «Рецензии» — 0,25 авторского листа (10 тыс. знаков). Материалы, объем которых превышает 1 авторский лист (40 тыс. знаков), рассматриваются Редколлегией только в порядке исключения. При этом оптимальным вариантом, которому отдается предпочтение, является статья с отклонениями от указанного максимального объема не более 5 тысяч знаков.

Название статьи должно соответствовать ее содержанию. Название печатается заглавными буквами на русском и английском языках и не должно превышать трех строк.

Статья должна быть подготовлена в текстовом редакторе Microsoft Word for Windows (версии 6.0 и выше, в формате *.doc) с использованием стандартного шрифта Times New Roman размером № 14 через полтора межстрочных (компьютерных) интервала на русском языке для основного текста.

Все фактические данные, а также цитаты, приводимые в статье, должны иметь точные и исчерпывающие ссылки на источник. Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, имен собственных и иных сведений, за правомерность и корректность заимствований из других источников, а также за использование информации, не предназначенной для открытой печати, в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Сноски на литературу размещаются по тексту статьи в ручных квадратных скобках: [1], [2], [3] и т.д. Номер страницы цитируемого источника или их интервал указываются через запятую при необходимости [1, с. 15]; [1, с. 15–20] ... Библиографическое описание цитируемой литературы размещается в разделе «Список литературы» в конце текста статьи в порядке ее упоминания в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008, с нумерацией без квадратных скобок: 1,2,3 и т.д... В раздел «Список литературы» включаются только те публикации (монографии, научные статьи и т.д.), на которые есть ссылки в тексте статьи. Авторам рекомендуется избегать цитирования учебных изданий. Ссылки на нормативные правовые акты, статистические данные и результаты опросов приводятся в подстрочнике (в случае необходимости) или в тексте статьи. В разделе «Список литературы» указанные источники не упоминаются. Авторские пояснения приводятся в подстрочнике или в тексте статьи. Текст направляемого материала должен соответствовать стилистическим, орфографическим, синтаксическим и другим нормам русского языка. Сокращения слов не допускаются. Цитаты, приводимые в статье, должны быть тщательно выверены и подтверждены ссылками.

Особые требования предъявляются к иллюстративному материалу. Таблицы должны быть пронумерованы, озаглавлены и иметь сноску на источник, а рисунки, кроме этого, подписаны. Весь графический материал должен быть выполнен в черно-белом цвете, интегрирован в файл формата *.doc и представлен в виде, доступном для редактирования, а также иметь отсылки в тексте. Если диаграмма недоступна для редактирования, то необходимо сопроводить ее таблицей данных. Графический материал должен сопровождаться надписями на русском языке. Авторам рекомендуется избегать интеграции в текст статьи большого количества таблиц, рисунков и диаграмм.

Согласно требованиям ВАК России, к статье обязательно прилагаются: аннотация (не более 5 предложений на русском и английском языках), список ключевых слов (5–8 на русском и английском языках), сведения об авторе (фамилия, имя, отчество полностью, официальное место работы, занимаемая должность, ученая степень, звание (аббревиатуры расшифровывать), адрес места работы (или домашний адрес) с указанием почтового индекса, телефон и адрес электронной почты). Сведения об авторе предоставляются на русском и английском языках.

Данные о получении грантов на соответствующие исследовательские проекты приводятся в сноске на первой странице. Авторские комментарии и примечания возможны как в тексте статьи, так и в подстрочных сносках.

Невыполнение любого из указанных требований является поводом для отказа в приеме материала.

Принятие статьи к рассмотрению не означает гарантии ее публикации. Статьи, не отвечающие настоящим требованиям, не рецензируются и не возвращаются.

Все статьи, поступившие в редакцию и отвечающие настоящим требованиям, рецензируются. Редакция журнала направляет копии рецензий в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации при поступлении в редакцию журнала соответствующего запроса. Редакция оставляет за собой право редактировать текст публикации (изменять название, сокращать объем, представлять числовые данные в графической форме и пр.).

Перепечатка материалов допускается только при наличии ссылки на журнал «Гражданин. Выборы. Власть».

Электронный вариант статьи необходимо направлять посредством электронной формы отправки статей на странице издания в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» или по электронному адресу gvv@tcoit.ru с пометкой «статья в журнал».

Направление автором текста статьи в редакцию означает его добровольное согласие и безвозмездное предоставление редакции права на использование его произведения и любой его части в печатной и электронных версиях (в том числе, включение в различные базы данных, информационные системы и системы научного цитирования), а также согласие на обработку персональных данных автора и прочие работы с привлечением третьих лиц в целях популяризации произведения. Редакция рассматривает факт получения статьи как передачу авторами исключительных прав на их использование в соответствии указанными выше условиями.

Плата за публикацию с авторов не взимается, гонорары не выплачиваются.

Журнал распространяется по подписке и по списку рассылки.

Журнал выходит раз в три месяца.

**ГРАЖДАНИН
ВЫБОРЫ
ВЛАСТЬ**

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

**№ 1(35)
2025**

ЯНВАРЬ–МАРТ

*Подписаться на журнал можно на официальном сайте
каталога «Пресса России» www.pressa-rf.ru
и на сайте интернет-магазина «Пресса по подписке» www.akc.ru.
Подписной индекс журнала – 85482*

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство ПИ № ФС77-66246 от 1 июля 2016 года

Подписано в печать 03.02.2025.

Формат 70x100 1/16.

Печать офсетная.

Печ. л. 13.

Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Полиграф-Плюс»
117209, г. Москва, ул. Керченская, д. 6, корп. 1, кв. 163